Берс Евлоев

Идеальный

Современный роман

Ростов-на-Дону
2011

Автор выражает признательность Паланкоеву Ахмету Магомедовичу, члену Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за оказанную финансовую помощь.

Б. Евлоев
Идеальный: Современный роман, 2011. – 144 с.

Роман «Идеальный» – это увлекательное повествование о жизни молодых людей в современной Ингушетии, о переплетениях их судеб и традиций, о любви и долге, преданности и стойкости духа. Это рассказ о драматических моментах, сложных психологических переживаниях, которые умело и тонко подмечает автор.

Его герои, люди с непростыми характерами, сталкиваются порой с такими ситуациями, которые в корне меняют их дальнейшую жизнь. За бурным развитием их запутанных взаимоотношений читатель будет следить с нескрываемым интересом с самых первых страниц романа.

© Б. Евлоев.
© Оформление. Южный издательский дом. 2011

Глава I

За окнами тихо-тихо, как в кадрах замедленной съемки, падал снег. Крупные снежинки, словно хлопья ваты, цеплялись за деревья, провода и изгороди, покрывая пушистым белым пледом крыши домов, оседая на тротуарах, машинах, одежде прохожих и даже на их ресницах. Ветви под тяжестью снега клонились к самой земле, кое-где уже превращаясь в настоящие сугробы, а люди, спешившие домой, были похожи на снеговиков. Отложив только что проверенные тетради, Жанна залюбовалась открывшейся перед ней волшебной картиной снежного царства.

«Сказка… Жаль, что так быстро темнеет, не успеешь насмотреться на эту красоту», – подумала она. Ее мысли прервал едва слышный стук в дверь. Жанна неохотно повернулась, думая, что кто-то из коллег решил перед уходом заглянуть к ней. Сейчас ей хотелось просто побыть в одиночестве и полюбоваться зимним пейзажем. Это была своего рода релаксация после нелегкого рабочего дня. Но в дверях стоял молодой человек, на вид чуть старше тридцати и настолько высокого роста, что, входя в класс, он вынужден был пригнуться.

– Добрый вечер! Мне нужна Жанна, точнее, Жанна Магомедовна, – сказал он.

– Я вас слушаю… Вы, наверное, чей-то родитель? – спросила она, еле скрывая свое удивление столь поздним визитом незнакомца.

– Я могу присесть? – спросил он, словно не слыша ее вопроса, взглядом указывая на стул у ее стола.

– Извините, что сама не предложила. Да, конечно, присаживайтесь.

Гость сел.

Жанна подошла к столу, но садиться не стала. Даже стоя, она была одного роста с ним, сидящим.

– Вы, пожалуйста, тоже присядьте, мне так неудобно разговаривать.

Жанна уже мысленно угадывала, что скажет этот человек. Пойдут расспросы, чья она, где родилась, кто родственники, затем он перейдет к учебе своего сына или дочери, далее последуют просьбы уделять его любимому чаду самое пристальное внимание. Но первые же слова загадочного гостя застали ее врасплох.

– Ваших родителей, кажется, уже нет в живых? Они погибли…

Жанна была готова возмутиться такой бестактностью, но воспитание и умение не поддаваться своим эмоциям заставили ее сдержаться.

– Да, их нет, но я бы не желала обсуждать это с кем-либо. Я вас слушаю…

– Простите, простите меня еще раз... Мне не следовало так говорить, просто я слышал о них много хорошего и хотел только подчеркнуть, что был знаком с вашими родителями, вернее, слышал о них...

Мужчина смутился, даже покраснел, видимо, понимая, что очень неудачно начал разговор, на какую-то минуту замолчал. Жанна видела всю нелепость ситуации, но не решалась напрямую спросить, зачем он вообще здесь появился.

– Жанна, люди говорят о вас много лестного, вот я и пришел именно к вам.

«Теперь понятно. Будет просить определить его сына или дочку в класс, но он и так полон. Пришлось даже ставить дополнительную парту», – подумала она.

– Спасибо вам, но, к сожалению, у меня не получится взять вашего ребенка. Класс переполнен. В нашей школе есть очень хорошие учителя начальных классов. Вы поговорите с директором, и

она сама определит вашего ребенка, – ответила она, не дожидаясь его просьбы.

Мужчина как-то странно и удивленно посмотрел на нее.

– Я не за этим сюда пришел, да и детей у меня нет… Если вы не против, то я бы завтра посидел у вас на уроке. Разрешите?

– Да… Обычно мои уроки посещают родители или коллеги… Но если у вас есть такое желание, пожалуйста…

Она понемногу начинала понимать смысл его слов и цель его визита. Тем временем мужчина встал и, попрощавшись, вышел из кабинета.

Жанна опустилась на стул. Она и не предполагала, что этот красивый незнакомец пришел к ней. Похоже, это были смотрины…

Ее никогда никто не считал некрасивой, но и красавицей тоже. Знакомые и родственники приводили к ней молодых людей, но это были ничем не примечательные парни, которых она забывала, как только за ними закрывалась дверь. Но теперь был совсем иной случай: привлекательный молодой человек с запоминающейся внешностью, прилично одетый, ухоженный. Даже мельком брошенный взгляд говорил о том, что он из состоятельной семьи. Она достала из сумки пудреницу и заглянула в зеркало. Ее щеки пылали.

«Это какая-то ошибка. Таких, как я, только в этой школе с десяток, а в станице – тысячи», – подумала она, разглядывая свое отражение в маленьком зеркальце. Убрав проверенные тетради в шкаф, Жанна оделась и вышла из школы. Домой спешили и ее коллеги, которые бурно обсуждали как поступки своих капризных учеников, так и действия строгого начальства. Все как всегда. Менялись только имена, а суть разговора в школе из года в год оставалась одной и той же. Жанна делала вид, что слушает их, несколько раз даже что-то вставляла в разговор, но мысленно она была далеко. Внезапный визит таинственного гостя выбил ее из колеи.

Дойдя до дома, она минуту постояла, не решаясь войти. Жанна знала, что няци[1] Зейнап сразу догадается, что с ней что-то произошло или она чем-то взволнована. Но, к счастью, тетя делала

[1] Няци (инг.) – тетя, сестра матери.

намаз[1], и ей удалось незаметно проскользнуть в свою комнату. Вот уже двадцать лет она жила с тетей. Когда Жанне исполнилось шесть лет, она осталась без родителей. Она не очень помнит, как это случилось, а близкие и родные не хотели ей рассказывать про тот трагический день. Жанна лишь знала, что мама, оставив дочку у своей старшей сестры Зейнап, поехала с отцом в какое-то горное село на похороны. Они долго не возвращались, и родные стали переживать. Уже темнело, когда какой-то незнакомец постучал в дверь. На всю жизнь Жанна запомнила душераздирающий крик тети, когда той сообщили, что машина упала в пропасть и сестра с зятем обнаружены на дне ущелья мертвыми. На крик сбежались соседи. Жанна тоже плакала, но от испуга. Она не понимала, что происходит и почему все вокруг суетятся и кричат. Потом кто-то взял ее на руки и отнес в спальню…

С тех пор она стала жить с тетей и ее мужем. У них долго не было детей, и лишь через десять лет родился мальчик. Малыша назвали Адамом, надеясь, что за ним последует еще один ребенок. Однако этого не произошло. У Жанны было много родственников, как по отцовской, так и по материнской линии. Они ее навещали, и она ездила к ним в гости. Когда же она успешно окончила школу, няци Зейнап приложила все усилия, чтобы племянница поступила в институт, получила диплом учителя. Жанна настолько привязалась к тете, дяде Мустафе и Адаму, что считала их своей семьей. И они также отвечали ей взаимностью. Несмотря на небольшие средства, которые зарабатывал на стройке глава семьи, все делалось для того, чтобы Жанна ни в чем не нуждалась. В их маленьком саманном доме из трех комнат всегда было уютно и тепло. Она никогда не слышала, чтобы кто-то здесь повышал голос, и в этой обстановке взаимного уважения ей жилось радостно и легко.

Переодевшись, Жанна зашла на кухню. Здесь уже суетилась няци Зейнап, накрывая на стол.

– Няци, садись! Я сама все поставлю, – сказала Жанна, увидев тетю.

[1] Намаз (араб.) – пятикратная молитва мусульман.

– Ты вернулась? Садись, ешь. Я и так целый день бездельничаю. Мустафа поздно вернется. Они заканчивают крышу большого дома. Как у тебя прошел день?

Жанна опустила глаза. Врать ей не хотелось, а рассказывать пока было нечего.

– Няци, все хорошо. Руслан мой заболел, а так все сегодня были в школе.

Няци Зейнап не только поименно знала всех ее учеников, но и чьи они дети, всегда обо всем расспрашивала, была в курсе всех событий, происходящих в классе.

– А что с Русланом? Ты спросила родителей?

– Да, я говорила с его мамой. Она заходила в школу, сказала, что у него ангина.

Зейнап начала причитать, бранить непутевых родителей, которые не смотрят за своими детьми. Поговорив еще немного, няци вышла во двор, чтобы на ночь запереть сарай. Вопреки возражениям мужа, она продолжала держать корову и была по-своему права, ведь та обеспечивала молоком не только их семью, но и соседей.

Поужинав и убрав за собой посуду, Жанна вернулась в свою комнату. Она села писать план работы на следующий день, но никак не могла сосредоточиться. Загадочный визит молодого человека не давал ей покоя. «Он завтра снова придет. Что скажет? Что ему ответить?» Эти мысли завладели ею целиком. Что бы ни произошло, она хотела в этот день хорошо выглядеть. Девушка подошла к шифоньеру, пересмотрела всю свою одежду. Выбор Жанна остановила на сером костюме и светлой блузке. Она уже несколько раз надевала этот наряд, и коллеги всегда говорили, что он ей идет и подчеркивает ее красивую фигуру. Несмотря на свой небольшой рост и отсутствие осиной талии, она многим нравилась. Вот только на все просьбы распустить волосы Жанна отрицательно качала головой и продолжала собирать их на затылке. «Ты похожа на партработника. Тебе бы еще кожаный пиджак и в тон портфель», – подшучивали над ней коллеги. Она не изменяла стилю, который выбрала еще студенткой. Окончательно убедившись,

что этот наряд, как никакой другой, подойдет к завтрашнему дню, Жанна убрала его. Засыпая, она думала о том, кто внес в ее сердце такое смятение, и о его неожиданном появлении. Жанна была почти уверена, что у этого визита будет какое-то продолжение.

По едва уловимому шуму на кухне Жанна узнавала, что наступило утро и ей пора вставать. Вот и сегодня няци Зейнап уже успела испечь пирожки, вскипятить молоко. Ей нравилось, когда на работу ее родные шли сытыми. Поздоровавшись с тетей, Жанна стала помогать ей на кухне. Чуть позже зашел дядя Мустафа, и все трое сели завтракать. Супругам стоило больших усилий в свое время заставить ее садиться с ними за один стол. Она либо уходила, либо обслуживала их. Но с годами они смогли ее уговорить, и теперь это вошло у них в традицию. А когда приезжал Адам, он занимал свое почетное место, на которое никто не имел права садиться в его отсутствие. Адам вот уже год как учился на строителя в ростовском вузе. На этом настоял отец. Адам часто звонил, старался, по мере возможности, навещать родных, но, как любая мать, Зейнап очень скучала по сыну.

– Жалко строителей. Дни сейчас холодные, а крышу необходимо делать. Только не могу понять, почему тянули до зимы и в чем такая надобность заниматься этим сейчас, – сетовал Мустафа на заказчиков.

– А неужели нельзя было подождать до весны? – попыталась поддержать разговор Зейнап.

– Да сколько говорил, убеждал их, нет, стоят на своем. Они же упрямые, технологию мало кто хочет соблюдать. А если весной обнаружатся какие-то дефекты, то кто будет виноват? Конечно же, строители, то есть я. Вот дотянуть бы до пенсии, ни на один день не вышел бы на работу. Пусть стройкой молодежь занимается. Они все знают, все упрощают.

Дядя Мустафа был добрым и честным человеком, любил выполнять свою работу настолько безупречно, что нареканий никогда не было, и даже во время отпуска ему не давали отдохнуть. Сколько раз он зарекался не работать во время отпуска, но поддавался уговорам и уезжал. Такие ежедневные рассказы дяди о работе сделали Жанну хорошим знатоком теории строительного дела. Она уже знала не только большинство строительных терминов, но и предназначение того или иного материала.

Она бы часами слушала двух ее любимых людей, но к восьми уже надо быть в школе. Быстро одевшись, Жанна вернулась на кухню, где супруги продолжали что-то бурно обсуждать. Увидев на племяннице новый наряд, няци Зейнап не могла скрыть своего восхищения и удивления.

– У вас какое-то мероприятие сегодня? – спросила она.

– Вчера сказали, что кто-то должен прийти на мои уроки…. Вот и решила надеть этот костюм. А то висит без дела, – ответила Жанна, стараясь не смотреть на тетю.

Но от ее опытного взгляда ничего не могло ускользнуть. Зейнап была слегка раздосадована тем, что племянница, которая делилась с ней своими переживаниями, секретами, не рассказала, что у нее кто-то появился. Что этот наряд предназначен для мужчины – она нисколько не сомневалась.

– Ну, удачи тебе, – усмехнулась Зейнап, понимая, что в присутствии мужа дальнейшие расспросы бесполезны.

…Этим утром Жанна шла по заснеженному тротуару как никогда легко, стремясь побыстрей добраться до работы. Мимо нее пробегали дети, на ходу осыпая друг друга снежками. Глядя на них, она вспоминала свое детство, наполненное любовью и заботой родных. Даже в дефицитные на многие товары годы дядя Мустафа умудрялся ей приносить игрушки, вызывавшие всеобщую зависть соседских детей. Такой же любовью был окружен и Адам. Видимо, доброе и заботливое отношение родных и привило ей любовь к школе, детям.

…Уже заканчивался четвертый урок, и Жанна подумала, что вчерашний таинственный гость, скорее всего, передумал приходить. Она не знала почему, но ей было как-то тоскливо и даже обидно, что он так и не появился. Может, это задето женское самолюбие? Сколько было таких случаев, когда после смотрин парень, обещав вернуться, пропадал. «Вот сейчас и я стала главной

героиней одной из таких историй», – подумалось ей. Но не успел прозвенеть звонок на перемену, как в дверях появился тот самый молодой человек, с которым она несколько минут назад мысленно попрощалась. Он был одет в черный вельветовый костюм и белую водолазку. «Не похоже, что он был на улице. Скорее всего, простоял в коридоре», – предположила она.

И, словно угадав ее мысли, поздоровавшись, мужчина произнес:

– Я уже полчаса в школе, но не стал заходить, чтобы не прерывать урок. Пришлось переждать у Марем, она мне доводится троюродной сестрой по матери.

«Странно, я вчера и даже сегодня видела Марем Исаевну, но она и намеком ничего не дала знать. Теперь понятно, откуда и по чьим рекомендациям он пришел», – рассудила Жанна.

Обменявшись традиционными расспросами о здоровье близких и родных, мужчина представился.

– Меня зовут Тамерлан, для близких – просто Тимур.

– Очень приятно. Присаживайтесь. – Она указала на свой стул.

– Вы уж лучше определите мне другое место, где-нибудь в конце класса. Я тихо посижу, хочется вспомнить свои школьные годы, – пошутил он.

Ей пришлось поставить два стула, предназначенных для малышей, чтобы усадить гостя. Она еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Он так смешно выглядел за маленькой партой, под которой едва помещались его длинные ноги. Жанна начала урок, который сегодня ей давался нелегко. Она старалась пересилить свое волнение, не встречаться взглядом с Тамерланом. А он внимательно наблюдал за молодой учительницей, ловил каждое ее слово. Постепенно она привыкла к присутствию гостя и стала спокойно вести урок. Она чувствовала себя сегодня актрисой, играющей на маленькой импровизированной сцене для единственного зрителя, завороженно наблюдавшего за ее талантливой игрой. Дети охотно подыгрывали ей. После каждого вопроса взлетал лес рук. Затем она дала задание и стала ходить по рядам, заглядывая в тетрадь каждого ученика. Проходя мимо Тамерлана, она поймала его вос-

хищенный взгляд и смутилась. Она даже не смела думать, что может понравиться этому мужчине, который был похож на актера из голливудской мелодрамы. Но сегодня она своими глазами видела, что чудеса случаются: он восторженно смотрел на нее.

Наконец прозвенел звонок, и дети стали собираться домой. Тамерлан подошел и по очереди стал помогать малышам одеваться. Он настолько умело это делал, словно не один год занимался с детьми. Все это вызвало у Жанны искреннее восхищение. «Так любить и заботиться о детях может только очень добрый человек», – заключила она.

Когда последний ученик покинул класс, Тамерлан подошел к столу Жанны.

– Пожалуйста, присаживайся! Ты и так почти целый час простояла на ногах, пока вела урок. Поверь, у тебя талант, не у каждого учителя все так мастерски получается. Это призвание, – сказал он, оценивая увиденное.

Тамерлан даже не заметил, как быстро перешел на «ты». По смущенному виду Жанны он понимал, что торопит события, но отступать было поздно, и он решил идти до конца.

– Сегодня я еще раз убедился, что мне указали верную дорогу. Ты действительно очень хорошая и умная девушка.

Жанна от смущения готова была провалиться сквозь землю. Совершенно незнакомый мужчина почти признавался ей в любви, а она даже не смела что-то возразить, остановить его. Мысленно она всегда была готова к таким признаниям, на которые давно существовали варианты ответов, но сейчас все куда-то ушло, исчезло. Ей казалось, что это происходит не с ней, а с какой-то другой девушкой. А Тамерлан продолжал говорить, все более обезоруживая ее и подавляя в ней голос разума.

– Я понимаю, что для тебя это неожиданно, может быть, даже не совсем приятно. Но поверь, мне самому этот разговор дается нелегко. – На минуту он сделал паузу, а затем продолжил: – Обо мне, о моей семье ты можешь узнать при желании. О себе рассказывать не стану, это будет похоже на хвастовство. Просто я хотел

тебе сказать, что давно искал такую девушку, как ты. Я знаю, чья ты дочь, кто тебя воспитывал, наши общие знакомые характеризуют тебя очень хорошо, и именно по их рекомендациям я пришел…

Возможно, он продолжал бы мучительный для нее монолог, но в это время в кабинет вошла Марем Исаевна, держа в руках его пальто. Жанна была благодарна своей спасительнице.

– Тамерлан, ну, как тебе наша школа? Надеюсь, ты не считаешь, что у нас учителя хуже московских?

– Нет, мне очень понравился урок. Ты действительно была права. Здесь работают профессионалы, – улыбнулся он.

Они еще немного поговорили, Жанна через силу выдавила из себя несколько слов, на ватных ногах проводила их до двери и, вернувшись, присела на стул. Осмыслить все, что сейчас произошло, у нее не было сил. Единственное, что она поняла, – в ее жизни появился мужчина, который был способен заставить пересмотреть ее отношение к замужеству. «Вот так и теряют голову», – подумала Жанна.

Минут через пять вернулась Марем Исаевна, ей предстояло продолжить начатый Тамерланом разговор, и она стала говорить без предисловий:

– Жанна Магомедовна, как вам мой родственник, понравился? Он о вас очень хорошего мнения…

– Приятный, воспитанный молодой человек, – ответила Жанна, смущаясь от только что услышанных о себе слов.

– Правильно, он очень порядочный и умный парень.

Со слов Марем Исаевны стало ясно, что молодой человек не просто обеспеченный, а очень состоятельный и влиятельный человек. Редко кому удавалось к тридцати годам занять такую высокую должность в нефтегазодобывающей компании. Все свое время Тамерлан проводил в Москве, там же жили две его сестры, которые имели бизнес в столице. Она также вспомнила, что у Тамерлана есть брат, но о нем Марем Исаевна упомянула лишь вскользь.

– Ты, наверное, удивлена, что такой красивый и состоятельный парень не женат? Да, я тоже задавала ему этот вопрос. Просто когда человек делает карьеру, жизнь летит быстро. Отца у него нет, а мать почти все время одна дома. Вот она и настояла на том, чтобы Тимур женился. Няци сказала, что, если он в этом году не приведет невестку, она никогда ему этого не простит.

Внимательно слушая, Жанна продолжала молчать. Ей было интересно все, что связано с Тамерланом. Она стеснялась спросить, почему среди стольких девушек он выбрал именно ее: не красавицу, не богатую, круглую сироту. Ведь зажиточные люди ищут себе ровню. Словно прочитав ее мысли, Марем Исаевна продолжала:

– Я знакомила его со многими девушками, но ты ему больше всех понравилась. Представляешь, а он, оказывается, знал твоих родных. Ингуши связаны родственными узами, словно паутиной.

С каждым словом Марем Исаевны Жанна убеждалась, что Тамерлан пришел к ней с самыми серьезными намерениями. «Но как мне дальше себя вести. Просто слушать его и молчать? А может, рассказать няци Зейнап? Может, она что-то подскажет…» После недолгих раздумий она решила так и поступить. Поговорив еще немного с коллегой, она засобиралась домой. Предстоял долгий и нелегкий разговор с тетей.

Поужинав и поговорив о семейных делах, Жанна задержалась на кухне с няци Зейнап. Она не знала с чего начать и нервно теребила в руках салфетку. Тетя еще с утра заметила, что с племянницей что-то происходит, а сейчас своим странным поведением она подтверждала ее догадки.

– Ну, рассказывай, что там произошло? Что-то на работе?

– Нет, в школе все хорошо… Няци, вот уже два дня ко мне приходит парень… – После этих слов она замолчала.

Тетя, улыбнувшись, посмотрела на свою племянницу. Она знала, что когда-то это должно было произойти. Ей не хотелось расставаться с любимой племянницей, ставшей ей дочерью, но она прекрасно понимала, что всю жизнь быть рядом с ней тоже невозможно.

– А что ж ты тогда грустишь? – удивилась няци Зейнап, погладив ее по голове. – Это хорошо. Значит, парни не такие уж и слепые, как я думала, стали замечать. А ты его знаешь?

– Нет, так, два раза общалась. Нас познакомила Марем Исаевна, из нашей школы.

– Знаю я ее… Уж очень хитроумная женщина.

Жанна и сама замечала, что женщина она хитроватая: всегда куда-то торопилась и при возможности просила коллег подменить ее. Чаще всего с подобной просьбой она обращалась к Жанне. Возможно, это их когда-то и сблизило. Продолжая обращаться друг с другом на «вы», они все же достаточно близко общались, делились секретами. Но Жанна всегда чувствовала в ее словах какую-то недосказанность и затаенный смысл.

– А кто он, чей? – продолжала расспрашивать тетя о Тамерлане.

Жанна пересказала все, что ей накануне о нем поведала Марем Исаевна, добавив, что он показался ей вежливым и воспитанным человеком.

– Ох, уж эти столичные парни! Живут там, вдали от дома, порою занимаются неизвестно чем. Бедные родители беспокоятся о них, их будущем, а они уже семьи завели, – сделала она нерадостное заключение. – Ну, хорошо, завтра же я Мустафу попрошу разузнать об этом молодом человеке и о его семье поподробней. Не могу свое золотце отдать кому попало, – сказала Зейнап и нежно прижала голову Жанны к своей груди.

Они бы так и сидели, но вернулся с работы Мустафа, и тетя с племянницей засуетились, стали собирать на стол. Позже Жанна ушла в свою комнату, а няци Зейнап осталась, чтобы поделиться с мужем новостью и услышать от него совет.

… Еще часа два Жанна не могла заснуть. В ее тихую и размеренную жизнь, расписанную по минутам и на годы вперед, вмешался человек, который становился ей уже не безразличен. Она всегда мечтала о доме, о детях, о муже, но когда все стало возможным и ей почти уже делали официальное предложение, она вдруг растерялась, не знала, как поступить. Она понимала, что бесконечно этот молодой человек не может к ней приходить и однажды он сделает ей предложение. Как тогда поступить? Что ответить? Эти вопросы мучили ее. В таких тяжелых раздумьях она заснула.

Утром Жанна встала раньше всех и быстро приготовила оладьи. Их особенно любил Мустафа и мог за один раз съесть солидную порцию. Увидев на столе пышущие жаром румяные оладьи и рядом запотевшую баночку с домашней сметаной, он просто растаял от удовольствия.

– Спасибо тебе, Жанна! И что я без тебя буду делать?! Она-то не будет меня баловать, как ты,– сказал он, указывая на свою жену.

Супруги очень трепетно относились друг к другу, но при племяннице старались этого не показывать. Напротив, Мустафа вечно поддевал жену. И та в долгу не оставалась. Эти шутливые взаимные упреки очень нравились Жанне. Она была уверена, что именно такой шутливый диалог и сглаживал всевозможные острые углы их семейной жизни.

Убрав со стола, Жанна посмотрела на часы. Время неумолимо бежало, неся с собой череду радостных и не очень событий.

В школе ее ждал сюрприз: Жанна увидела на своем столе огромный букет красных роз. Дети сообщили, что его принесла учительница из другого класса.

«Скорее всего, Марем Исаевна», – подумала Жанна, ставя их в вазу. Только сейчас она заметила, что к букету прилагалась красивая коробка. Она аккуратно раскрыла ее и увидела в ней золотистый футляр. Открыв его, она ахнула. В нем лежало великолепное золотое кольцо с крупным бриллиантом. Жанна быстро закрыла коробку и решительно пошла к выходу. Не обращая внимания на прозвеневший звонок, она вошла в класс Марем Исаевны и протянула ей футляр.

– За цветы спасибо, а это я взять не могу.

– Это же подарок от чистого сердца! Он мне тоже подарил почти такое же кольцо, – удивленно сказала та, принимая из ее рук коробку.

– Вы родственница, вам можно, я же совершенно посторонний человек.

– Ну, скоро и вы станете родственницей, – ехидно заметила она.

Еще раз поблагодарив за цветы, Жанна вернулась в свой класс и начала урок. Но неожиданный подарок не давал ей сосредото-

читься, отчего она еще больше нервничала. Только когда за последним учеником закрылась дверь, Жанна облегченно вздохнула. Теперь она могла спокойно все обдумать.

«Что же означал этот дорогой подарок? Неужели он на днях сделает мне предложение? Но мы так мало знакомы, почти не знаем ничего друг о друге, точнее, я не знаю», – думала она.

За этими тревожными мыслями она не заметила, как в класс вошел Тамерлан. Она быстро встала с намерением поздороваться.

– Садись, пожалуйста. Я ненадолго...

– Спасибо за цветы, но на подарок не нужно было тратиться.

– Жаль, что ты отказалась от него. Он был сделан исключительно тебе как хорошему учителю и за прекрасный урок, который ты вчера дала, точнее, подарила нам всем.

Он еще немного пошутил и перешел к теме, которой Жанна больше всего боялась.

– Жанна, ты умная девушка и прекрасно понимаешь, что не из-за уроков я сюда прихожу… – Он немного помолчал, потом продолжил: – Не знаю, Марем говорила тебе или нет, но у меня очень мало времени. Как это дико ни звучит, но я должен в самое ближайшее время жениться и вернуться в Москву. К сожалению, в моей профессии много издержек, особенно это касается отсутствия времени.

Жанна продолжала слушать его. Даже под пытками она не смогла бы ему ничего ответить. Это хорошо понимал и Тамерлан. Пользуясь ее растерянностью и смущением, он продолжал убеждать девушку согласиться на его предложение.

– Я хорошо понимаю, что это полная для тебя неожиданность, но ждать, даже неделю, у меня нет времени. Прошу тебя ответить, ты готова выйти за меня?

Опустив голову, Жанна продолжала молчать. Ей казалось, что она находится на собственной казни и на нее смотрят тысячи глаз. Но надо было что-то отвечать, и она сказала, что нужно спросить тетю.

– Жанна, ну, ты же взрослый, самостоятельный человек. Почему кто-то должен решать за тебя? Давай просто сегодня я увезу тебя, а старики быстро уладят миром все это.

Жанна с ужасом посмотрела на Тамерлана и несколько раз решительно ответила «нет». Он хотел продолжить разговор, попытаться убедить ее, но, увидев в ее глазах слезы, попрощался и вышел из класса.

Она тихо опустилась на стул. Жанна хорошо понимала, что своим «нет» она не только потеряла его, но и задела его самолюбие. Но согласиться на его предложение и уехать, как легкомысленная девчонка, не могла. С молоком матери она впитала, что девушка должна быть сдержанной, скромной, уметь подавлять в себе чувства, бороться с ними. Опасаясь, что кто-то может войти в класс, она вытерла слезы, успокоилась и засобиралась домой.

…Зимний вечер стремительно угасал, холодный, пронизывающий ветер срывал поземку, бросая в лицо пригоршни колючего снега. Кажется, будет метель, подумала Жанна, мечтая как можно быстрее добраться до дома, закутаться в плед, согреть руки о кружку с горячим чаем и постараться хоть на какой-то миг забыть то, что сегодня произошло. Вдруг возле нее резко затормозила серебристая длинная иномарка. Ей показалось, что машина чуть не сбила ее с ног. Задняя дверца открылась, и она увидела Марем Исаевну, которая вызвалась подвезти ее до дома. Возразив, Жанна хотела идти дальше, но тут из машины вышел Тамерлан.

– Странная ты девушка, Жанна. На улице мороз, мы хотели тебя просто подвезти, а ты отказываешься.

– Спасибо, но я уже почти дома. Если вы зайдете, могу чаем вас угостить. – Даже в подобной ситуации она старалась соблюсти ингушский этикет, когда гостя принято звать в дом.

– Спасибо, как-нибудь в другой раз мы воспользуемся твоим гостеприимством. Если ты не против, я хотел бы с тобой немного поговорить. Я понимаю, что ты замерзла, но это очень важно.

Он решительно подошел к Жанне, она инстинктивно отодвинулась. Марем Исаевна, либо не желая мешать им, либо из-за холода, не вышла из машины. Зато тут же рядом оказался крепкий юноша. «Скорее всего, водитель или охранник», – подумала она.

– Жанна, к тому, что я тебе говорил час назад, мне особо добавить нечего. Я понимаю, что все, конечно, нужно делать, как это положено у ингушей: сосватать, подождать некоторое время, соблюсти всю процедуру. Я знаю все это, хотя давно живу в Москве, но у меня просто нет времени. Через неделю мне нужно возвращаться назад. Кажется, об этом я тебе тоже говорил.

Жанна только хотела открыть рот, чтобы ответить «нет», как он ее опередил:

– Не спеши, не делай того, о чем завтра пожалеешь. Ты ни в чем не будешь нуждаться, никто тебя не будет обижать. Хочешь – работай, хочешь – сиди дома, занимайся домашними делами, хотя у нас есть несколько домработниц. У тебя будет полная свобода. Ты получишь все, о чем может мечтать женщина.

Он продолжал еще о чем-то говорить, но Жанна уже осознавала, что куда-то уходят и ее рассудительность, и многолетнее воспитание. Она не в силах была двинуться с места. По ее лицу Тамерлан понял, что его слова достигли цели. Он взял девушку за руку и, несмотря на ее слабые попытки высвободиться и слезы, которые, то ли от страха, то ли от полной растерянности, побежали по ее щекам, усадил в свою роскошную машину, в которой она и разревелась. Марем Исаевна пыталась ее успокоить, гладила по голове, говоря, что многие девушки так выходят, а потом живут счастливо. Через полчаса они были около небольшого дома. После первого же сигнала им открыли ворота, словно ждали, и машина въехала во двор. Затем несколько женщин провели Жанну в аккуратный и уютный дом. Одна из них засуетилась вокруг нее. Она помогла девушке снять пальто, принесла зеркало, чтобы она немного привела себя в порядок. Минут через десять в комнату вошел Тамерлан.

– Жанна, еще раз прости меня за все это, но, поверь, так будет лучше для всех. Сейчас мы отправим стариков к твоим родным, и я думаю, что дело будет улажено. Но, Жанна, у меня к тебе еще одна просьба. Нужно вместе с гонцом отправить записку, что ты согласна и приехала по собственному желанию.

Она с ужасом посмотрела на него. «Но это же недостойно нормальной девушки! Фактически она признается, что добровольно села в машину и уехала с незнакомыми мужчинами». Она опять заплакала, давая ему понять, что не согласна. Тамерлан продолжал убеждать ее:

– Поверь, это в твоих же интересах. Переговоры могут затянуться до утра, а так можно уладить все за пару часов!

Жанна понимала, что он не отстанет, а все настойчивей и настойчивей будет убеждать ее, поэтому, нервно покрутив авторучку, она написала на листе: «Няци, простите меня, но это мой выбор. Прошу вас дать согласие. Я решила остаться».

Тамерлан, не скрывая свою радость, поблагодарил ее за понимание и вышел. Вскоре вернулась молодая женщина и поставила перед ней поднос с угощением. Но ей сейчас было не до еды. Выпив немного воды, Жанна попросила женщину остаться с ней. Вскоре они уже тихо о чем-то говорили.

Глава 2

Няци Зейнап стала нервничать, когда стрелка остановилась на пяти. «Странно, Жанна так долго не задерживалась. Может, родительское собрание? Но она об этом не говорила». Она решила немного подождать и, если до тех пор племянница не вернется, – самой сходить в школу. До возвращения мужа с работы было далеко. Вдруг кто-то настойчиво постучал в ворота. Зейнап занервничала. «Кто бы это мог быть?» – подумала она, накидывая на голову пуховый платок. Во дворе, прямо под фонарем, она увидела высокого парня. Гость поздоровался, спросил, кто проживает в доме, и, убедившись, что пришел по верному адресу, сообщил, что час назад украли ее племянницу, но с ней все хорошо и она уехала по своей воле. В подтверждение он протянул ей записку. У Зейнап оборвалось все внутри, и только неведомая сила помогла ей удержаться на ногах. Спросив, кто умыкнул ее племянницу, она убедилась, что это именно тот юноша, о котором еще утром говорила Жанна.

Проводив гостя до ворот и развернув лист бумаги, она увидела знакомый почерк племянницы, а из содержания поняла – гость говорил правду. Жанна сама сделала этот выбор. «Удивительно, сегодня утром она думала только о том, продолжать ли ей с ним общаться. Что же так могло на нее повлиять, если после нескольких дней она решила выйти за него замуж?» Но ее уже поставили перед фактом, и Зейнап знала, что скоро приедут гости, а в доме нет мужчины, ничего не приготовлено. Пришлось на помощь звать соседей, которые охотно откликнулись на ее просьбу. Кто-то вызвался привезти Мустафу с работы, а женщины начали готовить. Вскоре в их маленьком и тесном доме негде было яблоку упасть. Родственникам с двух сторон нужно было обсудить решение двух молодых людей, убедиться, что это волеизъявление девушки и никто ее насильно не забирал. Через два часа конфликт был улажен. Старики исполнили мовлид и объявили, что с этого дня они стали родственниками, и ничто и никто не сможет помешать этому родству. Услышав, что примирение состоялось, Зейнап всплакнула. Больше она не будет ее ждать с работы, часами беседовать с ней, слышать ее тихий бархатный голос. Увидев входящего в комнату мужчину лет сорока, она привстала с дивана. Поздравив и пожелав ее племяннице счастливого брака и долгих лет жизни, он протянул ей пачку денег.

– Здесь десять тысяч долларов. Если будет не хватать, то я еще донесу.

– Нет, я не могу взять эти деньги. Пусть сама покупает то, что хочет, ей виднее. Отдайте лучше их Жанне, – ответила она.

Мужчина, поняв, что бесполезно убеждать женщину взять калым, попрощался и вышел. Вскоре гости ушли. Обоим супругам не хотелось ни о чем говорить. Мустафа и Зейнап понимали, что из их дома ушла любимая племянница, ставшая им дочерью, и эту пустоту еще долго никто не сможет заполнить.

…Было уже три часа ночи, когда во дворе послышались мужские голоса, затем чей-то смех. В комнату вошла красивая и ухоженная женщина. Жанна встала. Вошедшая долго оценивающе разглядывала ее, не произнося при этом ни единого слова. Затем она стала давать

какие-то указания двум другим женщинам помоложе. Вскоре Жанну попросили переодеться в длинный бежевый костюм и надеть на голову белый платок. Она беспрекословно делала все, что ей говорили, хотя плохо понимала, для чего все это. Несмотря на мороз, ее попросили надеть белые туфли и, выведя во двор, усадили в ту же машину. «Наверное, старики дали согласие, и меня везут в дом Тамерлана», – подумала она. Ее мысли вскоре подтвердились. Их иномарка в длинной колонне таких же красивых автомобилей двинулась по заснеженной дороге. Изредка она слышала выстрелы, сигналы машин. Минут через двадцать они въехали в большой двор, где уже было много народа. Жанна вышла из машины, и юноша, держа ее за правую руку, по длинной, уложенной ковровыми дорожками лестнице, ввел в ярко освещенный дом, который просто сиял от роскоши и великолепия. Стараясь не оглядываться по сторонам, она покорно пошла за девушкой, которая отвела ее в комнату на втором этаже.

– Это твоя спальня. Здесь есть ванная комната и все необходимое. Отдыхай, сегодня тебя никто не потревожит, – сказала она и ушла, тихо прикрыв за собой дверь.

Жанна окинула взглядом комнату, которая одна была больше всего их дома. На стенах золотистые, с едва видимым рисунком, обои, на окнах дорогие портьеры и шторы. Вдоль стен мебель: белый туалетный столик с различной парфюмерией, чуть дальше такого же цвета шифоньер и огромная кровать с многочисленными подушками и приставными тумбочками. Она бы продолжала изучать свое новое пристанище, если бы не мысли о родственниках. Жанне казалось, что она их предала и даже оскорбила. Она подошла к кровати, немного постояла, затем прилегла, думая, что ненадолго, и даже не заметила, как подкрался сон.

Жанна проснулась еще затемно, поспав пару часов. Подумав, что за это время кто-то мог войти, а она вот так в одежде и спала, она решила привести себя в порядок. Ванная ее поразила. Это была огромная комната, вся в бледно-розовом кафеле. В центре стояла ванна, в которой можно было просто плавать. Чуть дальше в углу – душевая кабина, мебель белого цвета, туалетный столик, всевозможные мо-

ющие и приятно пахнущие средства. Искупавшись, она вернулась в свою комнату. Жанна не знала, что ей дальше делать. Ведь она уже почти молодая невестка и не пристало ей так, без дела, сидеть. Она окинула взглядом комнату, надеясь, что найдется хоть что-то, к чему она сможет приложить свои руки. Но везде была кристальная чистота, каждая вещь лежала на своем месте. Через полчаса в комнату вошла молодая женщина, которая вчера отдавала поручения.

– Доброе утро, Жанна. Могла бы поспать. Ты, наверное, вчера устала…

– И вам доброго утра, нет, я нисколько не устала.

– Меня зовут Мадина, я старшая сестра… – почему-то перед произношением следующего имени она сделала паузу, но потом, словно вспомнив имя брата, произнесла: – …сестра Тамерлана.

Мадина рассказала, что вот уже несколько лет замужем, живет с мужем и тремя детьми в Москве. Там у них свой небольшой ресторан, который приносит хорошую прибыль.

– С удовольствием вернулась бы домой. Я так скучаю по маме, по родным. Но, к сожалению, здесь почти нет работы, а та, что есть, особого дохода не приносит.

В этих словах было больше кокетства и гордости за ту жизнь, которою они живут в Москве.

Жанна внимательно слушала ее. Это было ее первое знакомство с семьей. А Мадина продолжала говорить, не упуская возможности каждый раз подчеркнуть, как хорошо и богато она живет в столице.

– Я тебя утомила своими разговорами. Тебе, наверное, все это неинтересно…

– Нет, почему же, мне интересно, – лишь тихо ответила Жанна.

– Ладно. Жанна, из дома ничего не нужно привозить. Я уже с утра пригласила двух женщин. У них свои магазины. Они привезут тебе все, что нужно. Просто выбери пока несколько костюмов, с десяток на первую неделю, а потом сама поедешь и купишь все, что хочешь.

«Ничего себе, десять костюмов. Да я за всю свою жизнь столько, наверное, не покупала», – подумала она, но согласно кивнула.

Мадина, пообещав скоро вернуться, ушла. Минут через пять появилась женщина с чаем и всевозможными яствами. Жанна попыталась с ней поговорить, но та на ее приглашение разделить с ней завтрак лишь что-то невнятно пробормотала. «Странная какая-то. Наверное, из прислуги», – подумала она. На широком подносе стояли маленький заварочный чайник, блины со сметаной, конфеты и сухофрукты. Она немного перекусила, выпила чай. Чуть позже, как и обещала, вернулась Мадина, но уже не одна, а с двумя женщинами, которые несли огромные сумки.

– Жанна, знакомься, это Заира и Раиса. Ты не торопись, а выбери все, что тебе нужно. А мне нужно бежать, там важные гости приехали.

Женщины неторопливо стали раскладывать на кровати вещи, словно они пришли не в чужой дом, а на рынок. Жанна с восторгом рассматривала шикарные наряды и обувь, женщины расхваливали их, говоря, что они самого отменного качества. На некоторых вещах были пятизначные ценники. Заметив, как растерянно она на них смотрит, одна из них, улыбаясь, сказала:

– Ты на стоимость не смотри. В этом доме и в десять раз дороже покупали. Главное, чтобы они тебе подошли.

Через час, перемерив почти тридцать костюмов и платьев, они выбрали десять нарядов. С обувью было немного проще. Ее они подобрали под каждый костюм. Вернувшись, Мадина одобрила их выбор.

– У моей снохи хороший вкус, – сказала она, нежно обнимая Жанну за плечи. Затем обратилась к той женщине, что была чуть постарше: – Раиса, а где украшения?

Та словно только и ждала этих слов: быстро достала черный пакет и, словно это не золотые изделия, а какие-то игрушки, высыпала содержимое на черную бархатную ткань. Украшений здесь было несколько килограммов. Мадина сама начала просматривать каждую вещь, не обращая внимания на то, нравятся они Жанне или нет. Вскоре она выбрала три кольца, две пары сережек и красивое бриллиантовое ожерелье.

– Вот, пожалуй, пока все. Позже еще докупим. А это подойдет к свадебному платью, – сказала она, примеряя на Жанне выбранное ею ожерелье.

Женщины снова собрали свои вещи и, пожелав Жанне счастливой семейной жизни, вслед за Мадиной вышли из комнаты. Оставшись одна, она внимательно стала разглядывать каждую вещь. «Чтобы купить один такой костюм, мне пришлось бы работать целый год, отказывая себе во всем», – подумалось ей. Жанна аккуратно повесила каждый наряд на вешалку и убрала в шкаф. Ей хотелось выйти, а не сидеть вот так в заточении, но ее просили не покидать комнату. Прошел еще час. Окна комнаты выходили прямо во двор, но через плотную штору сложно было что-то увидеть, и она разглядела только несколько машин да каких-то людей, которые все время ходили по двору. Услышав шаги поднимавшегося по ступенькам человека, она быстро отошла от окна.

– Сегодня уже пятница, послезавтра свадьба. Почти ничего не готово. Да и Марет только вечером прилетает с Москвы, – сказала Мадина, имея в виду младшую сестру.

– Мне так неудобно здесь сидеть, может, я чем-то могу помочь?

– Нет, нет, оставайся в своей комнате. Тебе пока не положено выходить. В доме много гостей, и до свадьбы нежелательно им тебя видеть. Я хотела, чтобы ее на неделю отложили, но Тамерлан вечно торопится в Москву.

Она еще немного поворчала, затем, вспомнив, зачем приходила, спросила:

– Жанна, я хотела заказать свадебное платье. У тебя будут какие-то пожелания?

– Нет, выберите на свой вкус. Спасибо тебе за заботу. Мне действительно так неудобно…

– Ничего, успеешь еще отработать. Ты, главное, хорошо смотри за моим братом, – сказала она, улыбаясь, и снова ушла.

«Это так похоже на сказку, чтобы в нее поверить. Я чувствую себя Золушкой. Все такие вежливые, обходительные. Если бы Тамерлан не торопился, я бы с удовольствием немного пожила в

этом доме, привыкла бы к ним», – думала она. Но затем ее осенила мысль. «За время их разговоров Тамерлан ни разу не сказал, что заберет ее в столицу. Он все время говорил о себе, что ему просто необходимо, нужно вернуться в Москву. Неужели они все уедут, а она одна останется сторожить этот огромный дом? Почему же я раньше об этом не подумала? Но ведь я тогда даже не знала, что соглашусь», – с тревогой размышляла она. Решив лишний раз не расстраиваться и при удобном случае задать этот вопрос Тамерлану, она успокоилась. Прошли томительные часы ожидания. Несмотря на то, что дом был полон гостей и все время слышались детские голоса и плач, к ней никто не зашел. «Скорее всего, им запретили меня беспокоить, а может, и не до меня. Скоро свадьба», – с грустью подумала она. Как Мадина и обещала, после обеда ей привезли несколько свадебных платьев. Одно было лучше другого, и она долго не могла ничего выбрать. Наконец остановилась на двух. Одно белоснежное, со стразами, другое бледно-кремовое, больше похожее на национальное. Но на этом подготовка ее к свадьбе не закончилась. Золовка, стараясь не смутить и не обидеть ее, сообщила, что вызвала стилиста.

– Поверь, ты очень хорошо выглядишь, но на свадьбе ты должна быть самой красивой. Я хочу, чтобы у моего брата была самая красивая невеста, – улыбаясь, сказала она.

Все остальное время у нее занял привезенный из Нальчика стилист. Мария, так звали стилиста, приложила все свое мастерство и опыт, чтобы преобразить ее до неузнаваемости. Когда через два часа Жанна посмотрела в зеркало, она не могла себя узнать: на нее смотрела красавица с длинными распущенными волосами. «Неужели это я?» – лишь подумала Жанна.

Комплиментами ее одарила и Мадина. Она долго восхищалась мастерством Марии и даже пообещала, что как только откроет в столице салон красоты, обязательно заберет ее к себе. После их ухода Жанна долго рассматривала себя в зеркале. «И почему я до сих пор не могла сама додуматься, что ходить как пионервожатая – это не только не модно, но и некрасиво!» – подумала она.

Время стремительно шло, неумолимо приближая день свадьбы. Суббота тоже прошла почти незаметно. Наблюдая за подготовкой к свадьбе и слушая рассказы золовки, что нужно купить, кого необходимо пригласить на свадьбу, Жанна сочувствовала родным Тамерлана: это же сколько нужно труда приложить, чтобы поддерживать имидж самых богатых людей города! Почти до утра Жанна не сомкнула глаз, хотя золовки просили ее отдохнуть, говоря, что она должна выглядеть хорошо. Но разве можно заснуть, когда на следующий день тебя ждет такое грандиозное событие?! Лишь часам к пяти она задремала, а уже в шесть утра была на ногах. Чуть позже к ней зашли Мария и ее золовка Марет. Девушки старались изо всех сил, наряжая невесту. Через час она уже была готова. Увидев себя в зеркале, Жанна не смогла сдержать радости: на нее смотрела очаровательная невеста в белоснежном платье, сплошь усеянном драгоценными камнями. Вскоре по красивой деревянной лестнице ее повели вниз, в огромный белый зал, с потолка которого свисали три громадные люстры, а посреди комнаты стоял большой стол, уставленный всевозможными яствами. Здесь было лишь несколько женщин, которые, внимательно оглядев невесту и пожелав ей счастливой семейной жизни, продолжали мило беседовать. Но вскоре комната начала наполняться гостями, напоминая встревоженный улей. Женщины шумно приветствовали входящих. Ингушская свадьба – это идеальная возможность увидеть родственников, которых ты не видел месяцы, а то и годы. Гости подходили к Жанне, которая, по традиции, стояла в стороне, довольно кивали головой. По отдельным фразам, она догадывалась, что она им понравилась. Для любой невесты это так важно. Новые туфли, да еще на высоких каблуках, давали о себе знать. Ее ноги отекли, но разве могла она пожаловаться?! Сегодня она невеста и должна терпеть. Ближе к полудню в комнате уже негде было яблоку упасть. Шум стоял не только в зале, но и во всем доме, дворе. Мадина несколько раз подходила к ней, спрашивала, не устала ли она, но она благодарила и отвечала, что хорошо себя чувствует. В какой-то момент она осталась в комнате одна. Все вышли во двор, где, несмотря на мороз, молодежь танцевала лезгинку. Громкая музыка доносилась и до Жанны.

Кто-то предложил вывести и невесту во двор, но этому воспротивилась Мадина, боясь, что она может простудиться. К радости Жанны, золовка постаралась, чтобы ее не повезли к речке за водой, как того требовала молодежь. Невеста обязательно должна набрать воды в речке и принести ее в дом. Таков обычай.

В этот день Жанна почти до трех часов простояла в комнате. Чуть позже ей дали немного отдохнуть: комнату в это время для чего-то приводили в порядок. Лишь позже она поняла, к чему были все эти приготовления. Вскоре здесь появились артисты. Многих она видела по телевизору, но никогда не думала, что они будут петь на ее свадьбе. Гости, слушавшие их, были под стать звездам: политики, депутаты и просто известные богачи. Некоторые артисты, не зная обычаев и традиций, да еще изрядно разгоряченные спиртным, приглашали на танец молодую невесту, но им вежливо объясняли, что этого нельзя делать, и тогда звезды продолжали исполнять известные хиты. Когда гости уже были изрядно навеселе и стали отпускать неуместные остроты, Жанну отвели в свою комнату. Когда все вышли, она быстро сняла туфли и буквально упала на кровать, не боясь, что может помять платье. «Вот бы сейчас заснуть и проспать так до утра», – подумала она. Но ее мечте не суждено было сбыться. Вскоре вернулась Мадина и предложила ей надеть другое свадебное платье. Она покорно сделала все, что ей говорила золовка. Теперь на ней было бледно-кремовое платье. Ей показалось, что в нем она еще красивее. Ее снова повели вниз, но уже в другую комнату. Позже ей объяснили, что там были зятья и их друзья. Когда она вошла, мужчины привстали и поприветствовали ее. С ней шутили, старались разговорить, но она не промолвила ни слова. Потом кто-то догадался, что нужно заплатить, чтобы невеста заговорила. Скоро ее крошечная сумочка была набита деньгами. Она снова молчала и лишь на вопрос старшего зятя, может ли он выпить воды, кивнула и невнятно ответила «да». Мужчины, понимая, что девушка устала за целый день, поблагодарили ее и разрешили уйти.

– Ну, вот, теперь, кажется, и все. Будут и другие гости, но к ним тебе выходить не нужно, можешь переодеться и спокойно отдохнуть.

Пока тебя никто не будет беспокоить, – сказала Мадина и, словно что-то вспомнив, добавила: – Обязательно поешь. Ты же ничего не ела.

Как по волшебству, вскоре в ее комнате появился небольшой столик, уставленный разными блюдами. Переодевшись в один из накануне купленных костюмов и убедившись, что дверь закрыта изнутри, Жанна с удовольствием принялась за еду, которая была настолько вкусной, что таяла во рту. Музыка и шум еще долго стояли во дворе и в доме. Казалось, что гости не уедут никогда. Но ближе к полуночи по шуму отъезжающих машин Жанна поняла, что свадебное торжество завершается. Несколько ближайших родственниц, прежде чем уехать, зашли к ней в комнату, пожелали ей счастливой семейной жизни. Чуть позже вошла Мадина. Она еле стояла на ногах.

– Жанна, сегодня больше тебя никто не побеспокоит. Ложись спать, уже поздно. А завтра раньше десяти не спускайся. Отдохни, ты сегодня целый день на ногах. – Сказав это, она нежно обняла ее и вышла.

«Как хорошо, что прошла свадьба», – подумала Жанна. Она взяла из шкафа длинный шелковый халат, переоделась, и в это время кто-то тихо постучал в дверь. Она быстро накинула на себя одеяло. На пороге появился Тамерлан. Вслед за ним шел другой мужчина, почти как две капли воды похожий на него, но только немного моложе и полнее. Не понимая, что происходит, она, словно неживая, застыла посреди комнаты. Закрыв за собой дверь и ведя за руку незнакомца, Тамерлан остановился возле нее.

– Жанна, сейчас ты должна меня внимательно выслушать …

Девушка испуганно смотрела на вошедших. Этот непонятный визит, молодой человек, который странно как-то улыбается и смотрит на нее. Она не могла понять, что вообще происходит.

Тамерлан, запинаясь от волнения, продолжал говорить:

– Это мой младший брат Тагир. На самом деле ты за него, а не за меня вышла замуж… Я тебе хотел об этом сказать, но боялся, что ты этого не поймешь.

У Жанны от этих слов задрожали колени, а голова вообще перестала соображать. Ей не верилось, что все это наяву, что это происходит с ней и что вообще все это возможно…

– Послушай, он не хуже меня. Я понимаю, что для тебя это шок, полная неожиданность, но ты ни на минуту не пожалеешь…

Не закончив фразу, он посмотрел на бледное лицо Жанны, на нервно подергивающиеся губы…

– Ты слышишь меня?

– Я вообще не понимаю, о чем ты… Я хочу домой…

Она слабо попыталась его оттолкнуть, но Тамерлан схватил ее за руку и насильно усадил на кровать. Младший брат продолжал наблюдать за всем происходящим с каким-то детским любопытством. С его лица не сходила улыбка, словно здесь разыгрывалась комедия, а не драма.

– Жанна, послушай, я еще раз повторяю. Это мой младший брат, да, он немного странный, но он добрый, заботливый. Ты ни в чем не будешь нуждаться…

Только сейчас до нее дошел истинный смысл его слов, всего, что здесь происходит. Обманом ее выдали за больного человека. Она с мольбой посмотрела на Тамерлана.

– Пожалуйста, ради Всевышнего, отвези меня домой. Я больше ничего не прошу…

– Нет, сейчас ночь, ты не можешь ехать. Подожди до утра.

– Нет, нет, еще раз нет…

Жанна заплакала навзрыд. До этого она никогда не слышала свой собственный плач. Вырваться из цепких рук Тамерлана у нее не было сил. Пытаясь освободить свою руку, она умоляла его отпустить ее. Но Тамерлан был глух к ее просьбам.

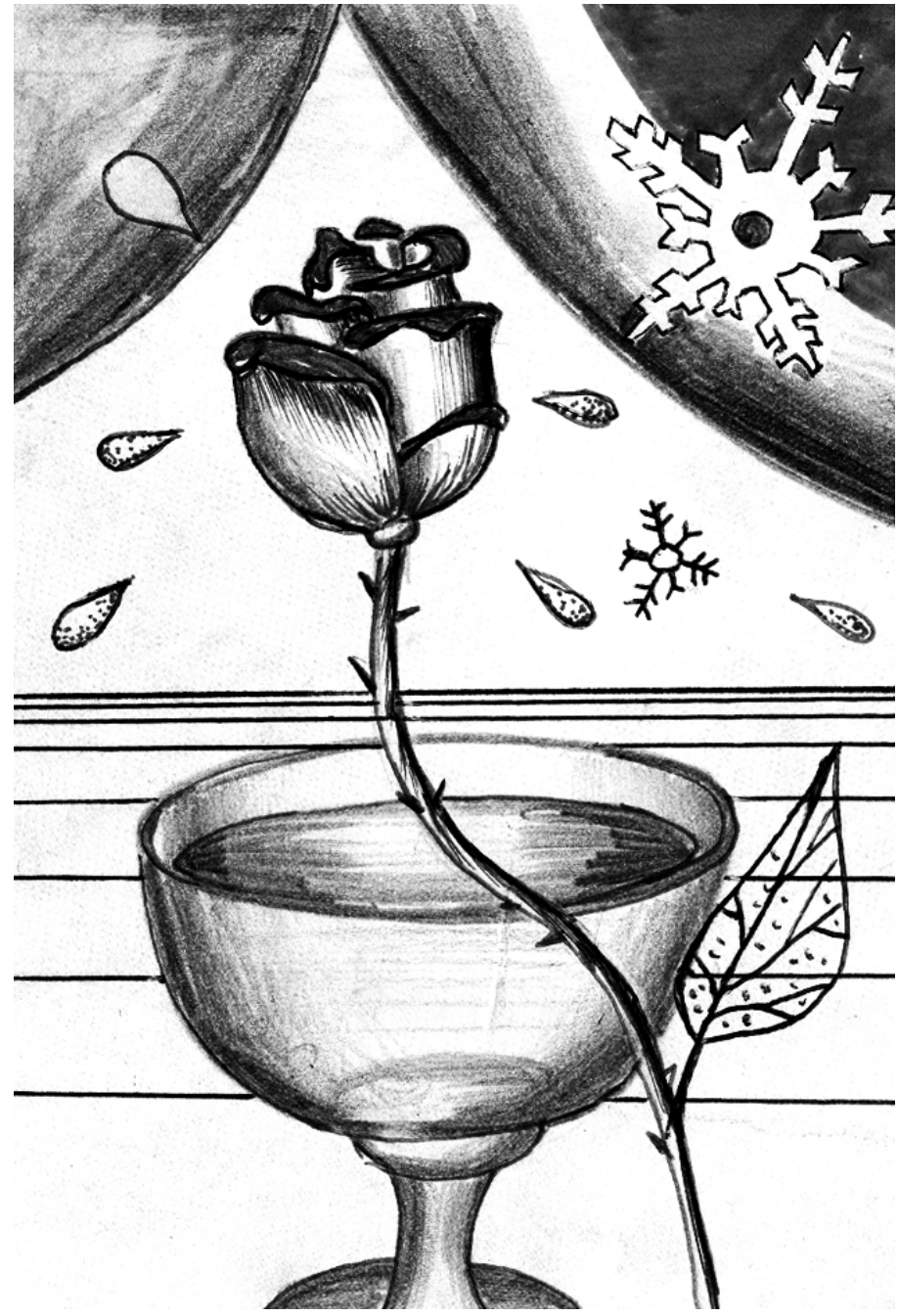
– Послушай, какая тебе разница, я или мой брат. Мы с ним одинаковые, – уже кричал он на нее. – Ты же вышла замуж за богатого человека, вырвалась из этой нищеты, избавилась от этих сопливых детей. Что тебе еще нужно?

В другой раз она поставила бы на место этого зарвавшегося богача, но сейчас у нее не было сил. Она рыдала, не в силах остановиться. Поняв, что сегодня он уже ничего от нее не добьется, Тамерлан снова взял брата за руку и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь на ключ. Слезы душили ее. Она никогда не чувствова-

ла себя такой униженной и оскорбленной. Хотелось кричать, но из груди вырывались только хрипы, словно она уже лежала на смертном одре. «Почему, почему со мной так поступили? Я же и так всю жизнь была лишена родителей, их любви, ласки!» – говорила она себе, и какой-то внутренний голос, отвечал, что именно поэтому с тобой это и случилось.

Она долго еще лежала, уткнувшись лицом в подушку. Поняв, что больше не может оставаться в этом доме, Жанна надела самый теплый костюм из имеющихся в ее гардеробе, подошла к двери и попыталась ее открыть, но дверь не поддавалась. Она с еще большей силой толкнула ее, но она так и не открылась. Она снова начала рыдать и стонать, словно раненый зверь. Убедившись, что слезами горю не поможет, Жанна подошла к окну и повернула ручку. Окно легко поддалось, и в следующую секунду в комнату ворвалась морозная свежесть. Она с силой подтянулась и смогла наполовину вылезти из окна. Но открывшийся перед глазами вид испугал ее: до земли было как минимум метров десять. Даже если бы в этом доме ей угрожала смертельная опасность, она ни за что не смогла бы выпрыгнуть из окна. Высоты она боялась с детства. Стараясь заглушить рыдания, она сползла с подоконника обратно в комнату. «О, Аллах, помоги мне. Я больше не могу, не могу!..» – кричала она уже самой себе. Комната вскоре наполнилась леденящим холодом, но Жанна не чувствовала его. В ее душе был гораздо больший холод. Поняв, что она оказалась в запертой комнате и никто уже ей не поможет, она опять разрыдалась. Ее плач и всхлипы были подобны бушующей реке, пробившей дамбу и стремительно несущейся вниз. Она не услышала, как в замочной скважине повернулся ключ, как в комнату вошла женщина лет семидесяти. И лишь когда ее коснулись теплые и мягкие руки, ей показалось, что это ангел, который пришел ей на помощь, а может быть, за тем, чтобы забрать к себе ее истерзанную душу.

– Вставай, доченька, тебе нельзя так лежать, – сказала женщина и осторожно, поддерживая ее под руку, уложила на кровать и накрыла теплым одеялом. Затем она быстро подошла к окну и закрыла его.



Жанна не могла понять, кто она, и, удивившись ее приходу и подобному поведению, в какой-то миг, позабыв о своем горе, внимательно разглядывала ее. Женщина была одета в длинное зеленое платье, на голове был большой белый платок. А лицо такое доброе, что оно напоминало ей няци Зейнап. Женщина подошла к ней.

– Я знала, что чуда не будет. Знала и предупреждала его, – после этих слов она прослезилась.

Жанна догадалась, что это мама Тамерлана. Она по инерции постаралась встать, хотя тело ее не слушалось, а голова была словно ватной.

– Нет, нет, лежи. Тебе нельзя вставать…

Она снова укутала ее теплым одеялом и, поглаживая по голове, стала рассказывать, точнее, причитать, почему ее сын так поступил с ней.

– Когда Тамерлан сообщил мне, что ты согласна, я не поверила и начала требовать, чтобы он сказал всю правду. Он долго отказывался, но затем признался, что обманывает тебя. В моем роду и роду моего мужа никогда не было лживых людей, но речь шла о моем сыне, о его жизни. – Она снова прослезилась. – Ты не понимаешь, что значит видеть, как мучается твой сын, твой ребенок? Он же одинок.

Несмотря на смертельную усталость, разбитость, Жанна хорошо понимала и слышала эту женщину, которая говорила полушепотом, словно разговаривала сама с собой. И вскоре она услышала рассказ, от которого ей сделалось еще хуже…

Тагир – третий ребенок в этой семье. Старшей была Мадина, затем Тамерлан, а Марет родилась после Тагира. В этом доме все складывалось хорошо. Деньги текли рекой. Глава семьи никогда и никому не рассказывал, откуда и что берется, и только старший сын был отчасти посвящен в семейный бизнес. Постепенно бразды правления он передал ему, а через год умер от инфаркта. Семья долго не могла оправиться от горя. Прошел еще год, и, по настоянию матери, Тамерлан женился и с молодой женой уехал в Москву. Вскоре вышли замуж и обе дочери. Разница между их

замужеством составляла всего три месяца. В мужья им достались люди из окружения Тамерлана. И только Тагир, всеобщий любимец и самый завидный жених, не хотел заводить семью. Его сердцем давно завладела Аза, жившая напротив их дома. Девушка училась в медицинском вузе и лишь на каникулы приезжала домой. Она мечтала стать врачом. Тагир, получавший второе образование в Ростове, особо не настаивал на свадьбе, он знал, что, кроме него, она никого не любит и готова его ждать всю жизнь. Наличие денег позволяло ему ездить на учебу от случая к случаю. Все остальное время он был возле матери. В последнюю свою поездку Тагир задержался в Ростове дольше обычного. Мама особого значения этому не придала, но по возвращению из города какие-то изменения в его поведении заметила. Он стал раздражительным, все время пытался бежать из дома, а об Азе даже не хотел и слышать. Материнское сердце понимало, что происходит что-то непоправимое с ее сыном, но она себя утешала тем, что все это из-за каких-то размолвок с невестой. Но однажды Тагиру стало совсем плохо. Поднялась высокая температура, он начал бредить. Приехавшие врачи лишь разводили руками, не понимая, что происходит. Узнав о случившемся, на следующий же день прилетел Тамерлан. Он, не слушая никого, отвез брата к московским врачам. Но и это не дало результатов. Тагиру становилось все хуже и хуже. Он стал таять прямо на глазах. Из здорового и крепкого парня он превратился в бледного и худого человека. Еще месяцы и годы ушли на больницы Германии, Израиля. Они уже смирились с тем, что ему ничего не поможет, как кто-то посоветовал обратиться к ясновидящим. Тамерлан категорически отказывался, называя их шарлатанами, но, не видя уже других способов помочь своему брату, поддался на уговоры. По совету родственников, Тагира отвезли в отдаленное чеченское село, к старику, о чудодейственном лечении и способностях которого ходили легенды. Слова старика повергли всех в шок: на Тагира наведена порча, которая покидает человека только с его смертью. Однако талисманы старика все-таки помогли больному. Он начал понемногу поправляться, лицо приобрело прежний здоровый вид, но по умственному развитию он стал похожим на ребенка. Яс-

новидящий все это предсказал и предупредил больше не предпринимать никаких шагов, иначе его можно потерять. Родным Тагира ничего не оставалось, как послушаться совета и смириться с его болезнью. Аза по приезду домой всегда навещала Тагира. Наблюдая за их общением, его мама всегда плакала. Это был диалог девушки с ребенком. Женщина сердцем чувствовала, что вскоре ее сын лишится этого общения. На первую красавицу города заглядывались многие, и года не пройдет, как она выйдет замуж. Ее опасения подтвердились. Однажды, никому ничего не объясняя, Аза просто села в машину и уехала. Этот брак ее родители благословили. Тагир долго мучился, не понимая, куда исчезла его любимая девушка. Каждый день спрашивал о ней, и ему отвечали, что она еще не приехала с учебы. Поняв, что эти расспросы будут продолжаться, пришлось рассказать ему всю правду. Никогда они не видели, чтобы взрослый парень так плакал. Он разрывал душу матери. Она не могла и не смела осуждать Азу, но за мучения своего сына винила весь мир. Чтобы сыну не было так одиноко, в доме появилась няня, но она, так и не найдя с ним общий язык, вынуждена была уволиться. Позже появилась еще одна, которая в первые же дни начала потихоньку выносить из дома вещи. Тамерлан неоднократно предлагал матери и брату переехать к нему в Москву, но она отказывалась. Тагира она также не отпускала от себя, боясь, что вдали от нее он не получит должного ухода. Несмотря на то, что все соседи, а это в основном родные племянники ее мужа, буквально днем и ночью находились в их доме, Тагир тосковал. Постепенно он стал забывать об Азе, и часами мог просто сидеть и разглядывать какую-нибудь вещь или играть с детьми. Через год с маленьким грудным ребенком вернулась в отчий дом и Аза. Так и не ужившись с мужем и его родней, она была вынуждена покинуть ненавистный дом. Казалось бы, не было счастья, да несчастье помогло. Мать надеялась, что теперь Аза будет посещать их дом и ее любимый сын снова станет радоваться жизни. Но та ни разу не навестила их. Как позже стало известно, ей категорически запрещено было появляться в их доме, дабы не породить ненужные слухи…

Жанна, свернувшись калачиком, внимательно слушала женщину, которая почему-то мгновенно стала ей близкой. Она уже смотрела на нее другими глазами, с жалостью и сочувствием. Но быть частью этой большой трагедии ей тоже не хотелось.

– Ну, вот, теперь, кажется, и все, – грустно сказала женщина, завершая свой рассказ.

Жанна продолжала молчать. Даже при очень большом желании она не смогла бы вымолвить ни одного слова. Она лишь сжала руку, которая все это время нежно поглаживала ее по голове.

– Доченька, я знаю, как ты сейчас нас ненавидишь. И ты на это имеешь право, но, поверь, мы не хотели тебе зла, просто для любой матери ее сын – это самое дорогое на свете. Я когда узнала, кого Тамерлан хочет засватать для Тагира, немного испугалась, но потом мне как-то стало приятно, я уже сама хотела, чтобы ты скорее вошла в наш дом. Я знала твоих родителей. Это были благородные люди. Надеялась окружить тебя материнской любовью, которой ты была лишена, надеялась заменить тебе маму. Я почему-то верила, что ты согласишься и мой сын будет счастлив с тобой.

Жанна продолжала внимательно ее слушать.

– Тебе, наверное, интересно, почему на тебе мы остановили свой выбор? Признаюсь честно, что для сына нужна учительница или врач, нам посоветовали сами врачи.

«Да-да, еще желательно, чтобы она была круглой сиротой, чтобы за нее никто не смог постоять, да и из небогатой семьи, чтобы она ценила все это богатство», – мысленно продолжила Жанна. Но разве сейчас она могла об этом сказать этой несчастной женщине, которая буквально исповедовалась перед ней?

– Жанна, я сегодня убедилась, что ты не хочешь остаться в этом доме. Потерпи до утра. Завтра я сама с тобой поеду к твоей тете, и как бы мне это ни было трудно, постараюсь ей все объяснить. Сегодня уже ночь, поэтому спи. Постарайся отдохнуть.

Жанна с благодарностью посмотрела на нее и, не в силах что-то сказать, просто кивнула головой. Та, пожелав ей спокойной ночи, ушла. Жанна впервые не знала, что ей делать, как поступить. Сама

мысль оставаться здесь до утра, была ей страшна, но и уходить на ночь глядя она тоже боялась. Ей было больно и обидно, что, войдя к ней в доверие, обманув ее, обещая сказочную жизнь, Тамерлан просто растоптал ее. Горьким было и осознание предательства Марем, которая, зная обо всем этом, не только ничего ей не сказала, но и все сделала, чтобы план удался. «Вот и закончилась сказка про Золушку. Моя карета превратилась в повозку, а жизнь в сущий ад», – подумала она. Постепенно веки становились все тяжелее, и вскоре она погрузилась в глубокий сон…

Жанна увидела себя посреди огромного костра. Языки пламени поднимались к небу и превращались в человеческие руки. Она кричала от боли, огонь пожирал ее все сильнее и сильнее. И вдруг она увидела, как из темноты вышла женщина, которая стремительно к ней приближалась. Когда женщина подошла ближе, она узнала свою маму. Жанна от радости стала кричать. Женщина протянула руки и, словно не чувствуя огня, вытащила ее из костра. Она радостно ее обняла и только хотела сказать «мама», как увидела, что это совсем другой человек. Это была ее свекровь. Она крепко прижала ее к себе и увела подальше от костра, в зеленую чащу…

Рано утром Жанна проснулась от холода и сильной головной боли. Ее буквально трясло, а голова гудела. Она постаралась укутаться посильнее, но озноб не проходил, словно она морозным утром лежала на снегу. Жанна попыталась встать, чтобы поискать в комнате что-нибудь теплое, но даже не смогла приподнять голову. Она не понимала, что происходит, откуда эта боль, этот ледяной холод, который пробирал до костей. Она уже думала кого-то звать на помощь, как услышала стук в дверь. Жанна едва слышно сказала: «Войдите». На пороге стояла женщина лет сорока, с подносом в руках. «Это же та самая горничная, которая в первый день моего приезда была здесь», – вспомнила она. Женщина аккуратно поставила рядом с кроватью поднос с маленьким чайником, кружкой и какими-то сладостями.

– Подождите, не уходите. Мне что-то совсем холодно. Принесите мне какое-нибудь теплое одеяло, – едва слышно попросила она горничную.

Женщина испуганно посмотрела на нее и, ничего не говоря, быстро вышла из комнаты. Уже в следующую минуту в спальню вбежала Мадина, за ней – Марет, а через несколько минут и свекровь. Они не знали, что произошло, и испуганно расспрашивали у нее, что случилось.

– Это я вчера не додумалась дать тебе еще одно теплое одеяло. Здесь же так холодно было! – причитала свекровь.

Жанна словно окаменела, каждое движение причиняло боль. Мадина осторожно потрогала лоб больной и испуганно оглянулась:

– Мама, нужно срочно врача. У нее сильный жар, даже руку печет, – сказала она.

Тут же была отправлена машина за их семейным врачом. Он послушал Жанну, измерил температуру и заметил:

– У нее сильная простуда. Нужно обильное питье, чай с малиновым вареньем, можно бульон. А еще я выпишу некоторые лекарства. Через недельку встанет на ноги.

Выслушав слова благодарности и получив причитающуюся сумму, врач ушел.

А женщины тем временем стали за ней ухаживать. Ее чуть ли не насильно заставили выпить горячий бульон, чай, лекарства. Порой ей казалось, что легче умереть, чем принимать все, чем ее сейчас пичкали. Но уже к вечеру следующего дня она почувствовала, что стало легче. Не было привычного головокружения, озноба, от которого даже кости леденели. Весть о том, что молодая невестка пошла на поправку, быстро разлетелась по дому и вызвала неподдельную радость у домочадцев. Жанна, чувствуя неловкость и даже вину за то, что заставила золовок по очереди дежурить у своей кровати, попросила их отдохнуть, заверив, что чувствует себя гораздо лучше.

– Жанна, мы должны были еще вчера улететь в Москву, но случилось вот это… Если ты позволишь, мы завтра утром уедем. У нас очень много дел, но через месяц мы обязательно вернемся, – виновато сообщила Мадина.

– Да, простите меня. Конечно же, поезжайте домой. Извините, что так все получилось…

– Нет, нет, это ты нас извини. Мы скоро вернемся. Тебе, может, что-то привезти? Мало ли что нужно молодой невестке, – улыбаясь, сказала золовка.

– Нет, спасибо, у меня все есть, – стараясь не заплакать, ответила Жанна. А про себя подумала: « Вряд ли вы меня когда-нибудь еще увидите». Но сейчас свои мысли она старалась не озвучивать. Ей нужно было выздороветь, встать на ноги и вернуться домой.

Позже зашла Марет, а с ней – поразительной красоты женщина. Жанна не знала, кто она, но после нескольких ее слов догадалась: жена Тамерлана. Что-то ангельское было в ее красоте. Жанна снова стала возвращаться к реальности. Каждая фраза этой женщины для нее была мучительной, а ее присутствие причиняло боль. Она понимала, что ее оголенные нервы уже не выдерживают. Ей хотелось, чтобы все это скорее закончилось. Поговорив еще, пожелав снохе скорейшего выздоровления, женщины вышли. Жанна еле выдавила из себя улыбку, хотя в эту минуту ей больше всего хотелось рыдать. «Почему, почему со мной это случилось? Почему Тамерлан больше не зашел, не постарался хоть извиниться?» Эти мысли как назойливые мухи не давали ей покоя. Она понимала, что никаких чувств к этому человеку у нее нет, кроме обиды. Мысли еще долго не давали ей спать. Позже, выпив лекарства и горячий чай, принесенный молчаливой горничной, она заснула.

На часах уже было одиннадцать часов, когда она проснулась. Жанна не могла поверить, что она так долго спала. И хотя ей не нужно было бежать вниз на кухню или заниматься хозяйством, она чувствовала неловкость. Жанна постаралась подняться. Голова немного болела, руки и ноги слабо ее слушались, но она смогла встать и сделать несколько шагов по комнате. Подойдя к окну, она отодвинула тяжелые шторы и увидела во дворе двух женщин, которые, весело о чем-то разговаривая, сгребали снег. Тут же молодой парень подгонял тележку и куда-то вывозил эти сугробы. «Наверное, тоже из прислуги. И сколько же их в этом доме?» – подумала

она. Жанна еще немного побродила по комнате, чувствуя радость оттого, что может ходить самостоятельно, но грустные мысли, словно черные тучи, снова вернулись к ней. Она прекрасно понимала, в какой ситуации находится. Для себя она еще вчера решила, что, несмотря ни на что, должна вернуться домой. Она тихо подошла к шифоньеру, надеясь найти свое черное пальто, но там были лишь наряды для невесты, костюмы, летняя обувь, словно на дворе была не зима, а жаркое лето. Аккуратно сложив в шкатулку все украшения, подаренные ей накануне свадьбы, она, окинув взглядом комнату, подошла к двери, в полной решимости найти внизу что-то из теплой одежды и вернуться домой. Дверь подалась легко, но скрип деревянных ступенек ее предательски выдавал. Жанне было неприятно красться, как воровке, но она понимала, что другого выхода у нее нет. Она уже подходила к входной двери, когда за спиной послышались шаги и раздался тихий голос свекрови.

– Жанна, как хорошо, что ты встала! – Она обняла ее. – Пойдем, тебе нужно покушать…

Жанна не двинулась с места, а только стояла, виновато опустив голову.

Свекровь поняла, что молодая невестка решила покинуть ее дом. Она постаралась не выдать свое разочарование и боль и лишь сказала:

– Ты решила вернуться домой? Я не буду тебя просить остаться. Решать тебе самой. Но послушай меня, как взрослую женщину, которая прожила долгую и тяжелую жизнь. Подожди немного, хотя бы пару дней. Твое быстрое возвращение могут неправильно истолковать. Ты же знаешь людей, у них злые языки.

Жанна стояла как вкопанная. Никогда она не чувствовала такой стыд, как перед этой женщиной. Она чувствовала себя виноватой, словно не она стала заложницей всей этой истории, а эта престарелая женщина, которая излучала материнскую любовь и ласку. Жанна понимала, что имеет в виду ее свекровь. Лицо у нее покраснело. Ничего не говоря, она послушно пошла за ней на огромную кухню, расположенную в другой части дома. Свекровь силой

усадила ее рядом с собой. Их принялась обслуживать женщина, словно они находились в хорошем ресторане, а не дома на кухне.

– Зара очень хорошо и вкусно готовит, – сказала свекровь, взглядом указывая на возившуюся на кухне женщину. – Все у нее получается отлично, Тагир очень любит ее готовку.

Свекровь краешком глаза успела заметить, что при упоминании этого имени молодая невестка испуганно посмотрела на нее. Стараясь не замечать растерянного вида Жанны, хозяйка дома подробно рассказывала о каждой своей помощнице. Их в доме было четверо.

– Я говорила Тамерлану, что сама справлюсь, но он не слушает. Слава Аллаху, все хорошие женщины, руки у них золотые. Мне ничего не приходится делать. Сами все знают и умеют.

Она долго говорила о домашней прислуге, о повседневных заботах в доме, в глубине души надеясь, что молодая сноха передумает. Ей так хотелось, чтобы она осталась в этом большом доме, чтобы рядом с ее сыном была порядочная, умная женщина, которая станет не просто женой, но и подругой. Она знала, что, несмотря на любовь, которой она его окружила, он был одинок. На улицу его не выпускали, зная, что он становится посмешищем для детей, а у родственников он чувствовал себя еще более одиноким.

– Жанна, а ты умеешь готовить? – с неожиданным вопросом обратилась женщина.

– Да, дома я готовила, – едва слышно ответила Жанна.

– Давно не пробовала чего-нибудь жареного. Мне это запрещено, вот в этом доме и не готовят, – с тоской сообщила она.

– Я могу оладьи приготовить, почти не добавляя масло, – смущаясь, сказала Жанна.

Свекровь заметно оживилась. В ее глазах появился блеск. Она предпринимала уже последние усилия, чтобы как-то подольше задержать ее, надеясь на то, что она передумает.

Жанна подошла к Заре, спросила, где и что лежит. Посуды здесь было столько, словно в этом доме готовили не на несколько человек, а на целую роту. Она взяла миску, разбила пару яиц,

добавила молоко, быстро просеяла муку, замешала тесто нужной консистенции. Затем, взяв из шкафа самую маленькую сковородку, начала жарить оладьи. Она не замечала, с какой любовью наблюдает за ней свекровь и как тихо и незаметно зашел Тагир. Повернувшись к ним спиной, она продолжала готовить. Вскоре появилась горка оладьев. Тагира она заметила только тогда, когда, разложив горячие оладьи, подошла к столу. Ей почему-то было стыдно, неудобно на него смотреть. А Тагир с каким-то детским интересом разглядывал ее, не произнося ни единого слова.

– Как вкусно, ничего вкуснее в своей жизни не ела, – воскликнула свекровь, предлагая и сыну отведать это лакомство.

Жанне многие говорили, что готовит она очень вкусно, но сейчас она понимала, что ее свекровь больше преувеличивает, чтобы сделать ей приятное.

– Жанна, возьми, пожалуйста, из холодильника сметану. Так они еще вкуснее будут.

Отказавшись от предложения разделить с ними легкий завтрак, она продолжала жарить оладьи, пока не закончилось тесто. Вдруг за окном послышались громкие мужские голоса. «Наверное, гости какие-то приехали», – подумала Жанна. Но с каждой минутой она убеждалась, что люди пожаловали не с миром. Свекровь попросила сына выйти и узнать, что там случилось. Через несколько минут Тагир вернулся с одной из домработниц, которая что-то прошептала ей на ухо. По тревожному взгляду, брошенному в ее сторону, Жанна догадалась, что речь идет о ней. Сохраняя спокойствие, хозяйка дома дала какие-то указания домработнице, а сама ушла в свою комнату. Встревоженная и находясь в полном неведении, Жанна впервые прямо посмотрела на Тагира, который сейчас был похож на растерянного ребенка, который не знал, что ему делать.

– Что случилось? – смущаясь, едва слышно спросила она у него.

– Там много мужчин. Они что-то кричат и говорят о тебе, – грустно сообщил он.

Земля стала уходить у нее из-под ног. Она не понимала, что происходит, кто эти мужчины и зачем они вообще сюда пришли. Пересилив страх, она подошла к окну и выглянула. От увиденного ее бросило в жар. Во дворе стояли ее близкие родственники, среди которых были дядя Мустафа и Адам. Вскоре во двор торопливыми шагами вошли еще несколько мужчин. По напряженным их лицам стало понятно, что речь идет о чем-то серьезном. Жанна не могла выйти во двор. Пришлось только что вернувшуюся домработницу попросить позвать в дом Адама, рассказав, как он выглядит.

Через несколько минут Адам буквально вбежал в дом. Увидев свою сестру, он бросился к ней. Жанна не могла сдержать нахлынувшие слезы и, крепко обнимая его, плакала.

– Ну, ладно, не надо лить слезы. Поехали домой. Мы еще поквитаемся за это оскорбление.

– Не говори так, не было никакого оскорбления, – постаралась она успокоить брата.

– Как? А то, что тебя обманом выдали за этого сумасшедшего? Это разве не оскорбление?

– Не говори так, здесь его мама…

– Пусть слышит. Я не отдам свою сестру за какого-то дебила! – уже кричал он. – Я же его только что видел!

– Не оскорбляй моего сына. Ты еще не знаешь, что может постигнуть за это твою семью, – услышала Жанна за своей спиной холодный и властный голос своей свекрови.– В этом доме ее пальцем никто не тронул. Да, мы виноваты, но оскорблять сына я никому не позволю, – добавила она.

Адам растерялся от этих слов. Он хотел что-то возразить, но Жанна резко дернула его за руку, давая понять, что не следует пререкаться с взрослой женщиной. Парень растерянно посмотрел на свою сестру.

– Жанна, там все наши родственники, мы за тобой приехали. Выходи, я больше не хочу оставаться в этом доме. – Он сделал решительный шаг, взглядом давая понять, чтобы она последовала за ним.

Жанна впервые не знала, как поступить. Еще пару часов назад она с удовольствием побежала бы вслед за братом, но сейчас она просто не могла нанести боль этой доброй женщине, которая и без того хлебнула горя. Да и неизвестно, чем может все закончиться, если она выйдет. Тем самым она подтвердит, что ее действительно выдали обманом. Тогда конфликта точно не избежать. Ингушские женщины испокон веков проявляли мудрость, жертвовали собой, только чтобы сохранился мир, не пролилась кровь. Заложенная в генах информация сохранялась даже спустя многие века.

– Адам, я позже приеду, – еле выговаривая слова, сказала она двоюродному брату.

Тот растерянно смотрел на сестру, не понимая, что происходит. Наслушавшись рассказов о том, что ее насильно держат в этом доме, а ее муж сумасшедший, он был уверен, что Жанна с радостью уйдет отсюда. Но сейчас он просто не узнавал свою сестру.

– Ты понимаешь, что ты говоришь? Тебя же обманули! Ты хоть знаешь, за кого тебя взяли? – кричал он.

– Я все хорошо знаю и сама приехала сюда. Так и передай всем нашим. Это мое решение, и я не собираюсь его менять, – уже твердо ответила она, даже не понимая, какое странное решение она принимает в эту минуту.

За всем этим диалогом наблюдала ее свекровь, которая жадно ловила каждое слово своей снохи. Услышав последнюю фразу, она прослезилась.

– Все понятно! Тебя тоже купили этим богатством. А ведь когда-то ты говорила совсем по-другому, – сказав это, Адам громко хлопнул дверью.

Он подошел к своим родственникам и сообщил о решении Жанны. Им ничего не оставалось, как извиниться перед родичами Тагира, попрощаться и уехать.

Когда за Адамом закрылась дверь, свекровь подошла к плачущей Жанне и крепко обняла ее.

– Ты сегодня не только доставила мне и моей семье радость, но и не дала опозорить нашу семью, наш род. Я тебе буду всю

жизнь благодарна и обязана, даже если ты когда-нибудь решишь вернуться в свой дом. Я знала, что у благородных родителей может родиться только благородная дочь. Знай, с этого дня мы в неоплатном долгу перед тобой. Глаза женщины излучали столько благодарности, что все было понятно и без слов.

Жанна понимала, что сейчас она определила свою дальнейшую судьбу, согласившись остаться с человеком, за которого ее выдали обманом, что еще несколько минут назад она могла вернуться к той жизни, которой прежде жила. Позже она тысячу раз будет задавать себе вопрос, почему же все-таки не согласилась в тот день уехать с родственниками? Но так и не сможет на него ответить. Видимо, в какие-то минуты высшие силы определяют за нас наши поступки, понимая, что человек может совершить ошибку.

Ни у кого не было уже желания дальше трапезничать. Даже Тагир выглядел как-то угрюмо. Он понимал, что произошло что-то неприятное, но понять, что именно, он не мог.

Жанна, поддавшись на уговоры свекрови отдохнуть, а в обеденное время вновь спуститься на кухню, поднялась к себе. Она снова и снова представляла сцену с Адамом, когда он чуть ли не умолял ее вернуться, но она не поддалась на эти мольбы. «Неужели он меня никогда не простит? Кем он меня считает? Ненавидит ли? А что подумали няци Зейнап, дядя Мустафа, другие родственники? Ведь наверняка они все знают, что Тагир болен». Эти вопросы не давали ей покоя. Но кто сейчас мог дать ей ответы на них? От этого неведения девушке становилось еще хуже. Еще больше она мучилась, не понимая, как ей дальше вести себя, как жить. Она вообще не понимала, ради кого и ради чего она решила остаться в этом доме.

Ближе к обеду, умывшись холодной водой, чтобы никто не заметил ее заплаканное лицо, она вошла на кухню. Свекровь и Тагир о чем-то весело говорили, а Зара их обслуживала. Увидев ее, они попросили сесть с ними за один стол.

– Жанна, поешь манты, пока они горячие.

– Нет, я позже…

– Нет, позже должны другие поесть. Не стесняйся и садись. В этом доме другие порядки.

Но разве могла девушка, воспитанная в строгости, обязанная чтить старших, особенно мужчин и мужа, сесть за один стол с ними? Тем более что она была молодой невесткой в доме. Нет, конечно же! Пока Зара готовила манты, она заварила чай, нарезала свежих фруктов. Ей хотелось себя чем-то занять, чтобы не стоять посреди комнаты и не заставлять себя упрашивать.

Позже, когда все пообедали, свекровь попросила ее зайти в свою комнату.

Жанна не знала, о чем свекровь хочет с ней поговорить, но догадывалась, что речь пойдет о том, что она намерена делать в дальнейшем. Когда она вошла в красиво обставленную спальную комнату, женщина привстала и пригласила присесть. Жанна понимала, что бесполезно отказываться, соблюдая этикет, поэтому покорно села рядом. Свекровь говорила о жизни, кое-что девушке было уже известно, но она продолжала внимательно слушать. Сколько трудностей встретилось на пути пожилой женщины! Каждая морщинка на ее лице – это трагедия или переживание, которые оставили глубокие рубцы на ее лице и сердце. Но, несмотря ни на что, они с мужем смогли поставить детей на ноги, дать им образование и определенный достаток. Богатства они добились уже сами. Сейчас семья жила рядом с самыми близкими родственниками мужа. Почти вся улица была занята ими. С годами рушились старые дома, и на их месте появлялись красивые особняки. Вскоре эта улица превратилась в одну из самых престижных. Кажется, женщина вовсе и не намеревалась гордиться и кичиться этим богатством, но со стороны казалось именно так. Рассказав о материальной стороне, свекровь снова начала говорить ей о своих детях: как она их тяжело растила. Даже по выражению ее лица было понятно, что она считает не зря потраченными все эти годы и силы. Не скрывая гордости, она говорила о каждом из членов семьи, словно до сих пор они были маленькими детьми, а не взрослыми и состоявшимися людьми. Наконец очередь дошла до Таги-

ра. Рассказывая о нем, свекровь снова заметно погрустнела. Она вспоминала, каким чудесным он был ребенком, как внимательно относился к ней, став уже взрослым, какие у него были планы, как он охотно ими делился с матерью.

– Жанна, я врагу не пожелаю испытать то, что испытала я. Нет ничего страшнее для матери, чем беспомощно наблюдать за умирающим на твоих глазах ребенком. Наверное, это было мне наказание за какие-то мои грехи. Но Аллах милосердный. Он сжалился надо мной, над моей семьей. Сейчас Тагиру намного лучше, появилась ты. – Она нежно погладила ее, словно убеждаясь в том, что она здесь, рядом. – Я знаю, что тебе сейчас тяжело. Но пойми меня, он такой же, как и все, даже намного лучше других, добрее. Мне одна ясновидящая сказала, что ему исцеление придет через одну добрую женщину. Я очень надеюсь, что это будешь ты, – продолжала говорить она, поглаживая руку Жанны. – Жанна, мне кажется, что сейчас ты о нас знаешь все или почти все. Если нам повезет и ты останешься в этом доме, то узнаешь и все остальное. В этом доме у тебя нет никаких обязанностей. Просто смотри за своим мужем. Ему нужен рядом человек, который будет его понимать, помогать ему.

Жанна не могла до конца понять, что от нее требуется, что она должна делать. И, словно прочитав ее мысли, свекровь продолжила:

– Он не капризный, он очень добрый. На улицу и к родственникам я его не пускаю. Все, что ему нужно, есть в этом доме. Просто будь почаще рядом с ним. Он очень общительный, может часами о чем-то рассказывать. Не хотела тебе об этом говорить, но ты все равно рано или поздно с этим сама столкнешься. Соседские дети, хоть и наши близкие родственники, но при виде его говорят ему обидные слова. Дети же, сами того не понимая, бывают очень жестокими. Поэтому не отпускай его на улицу, даже если он будет просить.

Жанне с каждой минутой становилось все более не по себе. Она только сейчас до конца осознала, на что решилась, с кем придется провести всю свою жизнь. Ей хотелось плакать, но кто ее сейчас услышит? Она сама выбрала такую судьбу, хотя просто могла вернуться домой и жить той спокойной, размеренной жизнью, какой

и жила еще совсем недавно. Женщины еще немного поговорили, и Жанна ушла искать Тагира. Она должна была приступить к своим обязанностям. Она долго бродила по этому большому дому. «Господи, если бы мне пришлось убирать столько комнат, то с утра до вечера только здесь и возилась бы», – подумала она, разглядывая роскошные комнаты. Всюду стояла дорогая мебель, на полу ковры, с потолка свисали огромные люстры. Такие дома она видела только в фильмах. Побродив по комнатам, она, наконец, нашла Тагира. Он сидел в библиотеке и что-то с интересом разглядывал. Увидев ее, он смущенно и в то же время приветливо посмотрел на нее.

– Посмотри, это мне Тамерлан привез! – Он радостно протянул ей глянцевый журнал про машины.

«Да, все мужчины одинаковы, в каком бы возрасте и умственном развитии они ни находились», – подумала она, беря из его рук журнал. Скоро они уже увлеченно говорили, разглядывая и комментируя каждую картинку. Так необычно и странно началась у нее совместная супружеская жизнь с Тагиром.

Жанна почти целый день находилась рядом с ним, потакая его капризам, слушая его детские речи, делая при этом совершенно серьезный вид. Ей хотелось угодить этому взрослому ребенку, осчастливить его мать, которая просто сияла от радости, видя, как снова стал радоваться жизни ее любимый сын, как он, забывая про еду, целый день был чем-то увлечен. Свекровь понимала, что в душе ее снохе все это в тягость, но всем своим видом она этого не показывала. Напротив, со стороны могло показаться, что эти детские игры больше по нраву ее молодой невестке, чем ее сыну.

А на дворе вовсю царствовала зима. Дни были настолько морозные и снежные, что даже в их доме, с толстыми стенами и напичканном всевозможными обогревательными приборами, порой становилось прохладно. Жанна не выпускала Тагира во двор. Один раз она сама решила выйти, чтобы помочь убрать снег, но сильно об этом пожалела. Через минуту в легкой одежде рядом оказался Тагир. Не чувствуя мороза, он радостно прыгал и визжал от восторга, словно ребенок, ведь в последние годы он видел снег

только из окна. Жанне пришлось вместе с ним быстро вернуться в дом. По серьезному лицу свекрови, она поняла, что та недовольна. Но обе женщины промолчали, словно ничего и не было. Прошло еще несколько дней, которые были наполнены заботами о Тагире. Она каждый раз придумывала для него новые игры, в которые он с азартом играл. Теперь она хорошо понимала, почему в этом доме искали для своего сына и брата учительницу. Только женщина с педагогическим образованием и школьными навыками могла так терпеливо ухаживать за этим взрослым ребенком. Сейчас она собой полностью заполнила всю атмосферу, в коей пребывал ее муж.

Вечером свекровь вновь позвала Жанну к себе. Она долго хвалила свою сноху за заботу, говорила, что если не на этом, то на другом свете ей это зачтется, затем сказала, что пора ей навестить своих родных.

– Жаль, что ни Марет, ни Мадины дома нет, иначе они бы поехали с тобой. Навести свою тетю, дядю. Они, наверное, уже соскучились по тебе. Переночуешь, а в понедельник приедешь домой. Я уже сказала, чтобы утром привезли все необходимое.

Жанна хотела возразить, но по последней фразе свекрови поняла, что это бесполезно и неудобно. Она даже не представляла, как посмотрит своим родственникам в глаза после всего, что случилось, что же она им скажет. Но таков был обычай, и она просто обязана была навестить родных, иначе это могло быть истолковано по-другому.

Ближе к полудню следующего дня подарки, сладости и фрукты были куплены. Привезли их столько, что хватило бы сыграть свадьбу. Жанна надела светлый костюм, купленный ей накануне свадьбы, и только сейчас вспомнила, что ее зимние вещи куда-то в первый же день исчезли. Она уже стала беспокоиться, что ей надеть, как в комнату вошла вечно молчаливая прислуга, чье имя она даже не знала. Она несла в руках белую норковую шубу и сапоги на высоких каблуках. Жанна в первые минуты не совсем поняла, для кого они предназначались, но когда прислуга молча протянула их ей, все стало ясно. «И когда только они все это успевают: купить, привезти? Откуда такая осведомленность, какой размер,

рост?» Эти вопросы возникали у нее в последние дни довольно часто. Свекровь одобрительно окинула ее взглядом. Перед ней стояла уже не та невзрачная девушка в недорогой одежде, а настоящая сув[1]. Она еще раз попросила передать тете и дяде салам-моршал и обещала, что по приезду двух дочерей сама обязательно навестит своих новых родственников. В стороне, с грустью наблюдая за ней, стоял Тагир. Ему казалось, что больше она не вернется в этот дом. Увидев ожидавшую ее машину, Жанна поежилась. Именно на ней и с этим водителем был Тамерлан в тот вечер, когда ее увезли, и ей казалось, что это живые свидетели ее трагедии.

По дороге водитель, который представился Ахмедом, чтобы както нарушить повисшую в салоне тишину, говорил о непривычных холодах, установившихся в последнее время. Люди всегда говорят о погоде, когда у них нет общих тем, когда им больше нечего обсуждать. Но морозы действительно стояли трескучие. Вот и прохожих почти не видно. В основном люди передвигались на машинах, многие просто сидели дома, предпочитая выходить на улицу только по крайней необходимости. Снег шел трое суток, а сегодня, словно по мановенью волшебной палочки, снежная пелена растворилась, выглянуло солнце, и все вокруг засияло миллионами бриллиантовых камней.

Вдоль дороги, по которой они, несмотря на гололед, не ехали, а почти летели, стояли деревья, сейчас больше похожие на плакучие ивы. Их обледенелые веточки, переливающиеся в лучах солнца, словно тысячи серебристых нитей, свисали, почти касаясь земли. Любуясь открывшимся перед ней волшебным пейзажем, Жанна и не заметила, как они подъехали к ее дому. Их старенький, но ухоженный домик стоял как белый теремок. Побелка на стенах сливалась со снегом на крыше и делала его совершенно сказочным. Ком подступил к горлу Жанны, почему-то в эти минуты ей захотелось плакать…

Пока она помогала Ахмеду выгружать многочисленные ящики, вышла няци Зейнап. Обе женщины растерянно смотрели друг на друга, и каждая не знала, как ей поступить. Оставив только что поднятую сумку, Жанна подошла к тете и обняла ее. Даже через одежду она

[1] Сув (инг.) – леди.

чувствовала тепло ее рук. Водитель, выгрузив все подарки, расспросил тетю о здоровье, о родственниках и, отказавшись войти в дом, уехал, обещав утром вернуться. Няци долго причитала, что не нужно было везти столько гостинцев и тратить большие деньги. Она пыталась тем самым оттянуть тяжелый разговор с племянницей. Обе хотели столько рассказать друг другу, расспросить о многом, словно они не виделись не две недели, а целую вечность. Чуть позже они сели пить чай, за которым няци Зейнап рассказала о последних новостях в селе, о работе своего мужа, учебе сына. Как смогла убедиться Жанна, ничего нового в ее семье не произошло. Семья продолжала жить тихой и размеренной жизнью. Наконец, тетя начала расспрашивать, как живется ее племяннице, как к ней относятся.

– Жанна, я не могла поверить своему счастью, когда узнала, что ты попала в очень хорошую и состоятельную семью. Подумала, наконец-то эта девочка получит все то, что заслужила, что недополучила в детстве.

– Няци, не говорите так. У меня было очень счастливое детство. Мне грех на что-то жаловаться. Вы мне дали все, о чем может мечтать каждый ребенок. Я знаю, вы думаете, что мне там плохо. Нет, я скучаю по вам, но, няци, ко мне очень хорошо относятся.

– Да, люди так не думают…

– Пусть думают, что хотят. Я не могу их переубедить… Няци, а как Адам? Ты о нем почти ничего не рассказываешь, – спросила Жанна, не желая развивать тему о ее новой семье.

При упоминании имени сына глаза тети заметно заблестели. О нем она могла говорить часами.

– Обещал весной на неделю приехать. Вот я думаю, может, мне этим летом его женить? Пусть учится. Если захочет, жена с ним будет находиться, нет, пусть с нами поживет. Мне одной очень скучно дома.

– Няци, это очень хорошая идея. А на примете есть девушка?

– Он говорил, что с ним учится очень много девушек, но об одной он все время говорит. Вот вчера звонил, опять о ней рассказывал.

– Да, нужно обязательно женить. Он уже взрослый, да еще и единственный сын.

– Да, надо поговорить с Мустафой, – задумчиво ответила она.

По лицу тети Жанна понимала, что та хочет сказать ей что-то важное, но не решается.

– Няци, вас что-то волнует? Может, я могу чем-то помочь?

– Нет, просто Адам… Ну, как это сказать… Он очень обижен на тебя. Я старалась его переубедить, но он стоит на своем…

Да, у него есть все основания быть недовольным ею. Из дальнейшего рассказа тети Жанна поняла, сколько пришлось пережить ее родным, узнав, кто стал ее мужем…

В то утро няци Зейнап, как обычно, накормив мужа, проводила его на работу. Вот уже несколько дней не было дома ее племянницы, по которой она все больше скучала. Особенно тоскливо становилось, когда наступал вечер. Не с кем было даже поговорить. Муж, уставший на стройке, молчаливо ужинал, коротко отвечал на пару ее вопросов и шел спать. И так каждый день. Ее размышления прервал чей-то голос во дворе. Когда она вышла, то увидела соседского мальчика Рустама. Он сообщил, что звонит Адам и просит срочно подойти к телефону. По первым же словам сына она поняла, что произошло что-то серьезное. Не спрашивая об ее здоровье и здоровье отца, как он это обычно делал, Адам задал странный вопрос: знают ли они, за кого отдали Жанну? Не обращая внимания на слова матери о хорошей и благородной семье, Адам стал сбивчиво говорить, что все в общежитии знают: его сестра вышла замуж за сумасшедшего! Она не могла поверить в то, что говорит сын.

«Мама, пойми, мне об этом рассказал мой однокурсник, который был на их свадьбе. Все об этом знали, но только не вы. Он мне с грустью об этом сообщил, не зная, что она моя сестра. Ты понимаешь теперь, что я не сочиняю все это!» – уже почти кричал он в трубку. Мать слушала своего сына почти как в бреду. Она понимала, что, всегда рассудительный и спокойный, Адам не мог такое сочинить. «Значит, это действительно так? Но почему никто ни мне, ни мужу раньше не говорил об этом? Ведь наверняка

люди знали. По-другому просто не могло быть». Она постаралась успокоить сына, но тот заявил, что вечером в Назрань идет автобус, и он на нем приедет домой. Она старалась отговорить его, обещав все рассказать мужу и родственникам, но он был непреклонен. Вернувшемуся вечером с работы мужу она передала весь разговор с Адамом. Он долго не мог поверить во все это и, даже не поужинав, уехал. Вернулся он только далеко за полночь и сообщил, что всех родственников поставил в известность и завтра они будут здесь.

Рано утром приехал Адам. Когда все собрались, то сразу же отправились на нескольких машинах к дому Тамерлана. Мужчины были полны решимости отплатить за оскорбление, нанесенное их роду. Няци Зейнап очень тревожилась и каждую минуту молилась, чтобы все обошлось мирно. Что происходило дальше, она узнала со слов сына. Когда группа мужчин подъехала к дому, там, кроме нескольких женщин, убиравших снег, никого не было. Но уже скоро двор начал наполняться людьми. Узнав, с какой целью приехали родственники Жанны, решено было позвать старшего в роду Тагира. Тот уже через пять минут был на месте, словно этого ждал. Старейшина внимательно выслушал приехавших, а затем, аккуратно обходя главный вопрос, выдали ли их родственницу обманным путем или нет, холодно и сдержанно сообщил, что женщина сама приехала, и никто ее в этом доме насильно не держит. В правоте его слов, сказал он, может убедиться любой, кто войдет и поговорит с ней. И словно в подтверждение его слов к Адаму подошла женщина и пригласила его в дом. Что было дальше, Жанна сама хорошо знала. Получив ее отказ ехать домой, он вышел во двор и сказал, что она по своему желанию находится в этом доме и не желает возвращаться домой. Мужчинам ничего не оставалось, как извиниться и, пообещав скреплять родственные связи, уехать.

– Все понимали, что тебя обманом выдали замуж, но никто не хотел конфликта, если женщина сама изъявила желание остаться в этом доме. И думаю, что это правильно.

– А что Адам? Он сильно на меня обижен?

– Когда он приехал, на нем лица не было. Долго лежал в своей комнате, а когда вышел, по заплаканным глазам я поняла, что он очень тяжело все это переживает. Ничего, со временем отойдет. Он тебя очень любит. Сам ничего о тебе не спрашивает, но когда я что-то говорю о тебе, то слушает, затаив дыхание.

У Жанны на глазах появились слезы. Она знала, что брат ее любит, как безгранично любила и она его. И только зная, к чему все это может привести, она не ушла тогда с ним…

Вечером с работы вернулся Мустафа и, увидев Жанну, очень обрадовался. Словно ничего не было, расспросил ее о делах, о домашних, тщательно избегая «больную» тему. Он знал, что не стоит сейчас об этом говорить. Слишком свежа рана, чтобы ее бередить. Наверняка Жанна обо всем рассказала тете, и если есть что-то важное, то жена непременно сообщит ему позже. За разговором они и не заметили, как на часах пробило полночь.

В комнате Жанны все было по-прежнему. «Здесь нет той роскоши, но как здесь уютно и тепло!» – подумала она, осматривая знакомые стены. Завтра нужно будет уезжать, поэтому она решила уже сегодня собрать нужные вещи. Но что могло ей понадобиться в доме, где есть все? Да и ее старые наряды как-то жалко смотрелись бы там. Тагир в последнее время просил что-нибудь ему почитать или рассказать, поэтому она решила взять несколько сказок, рассказов. Перелистывая «Ингушские сказки, сказания и предания», она с грустью улыбнулась при мысли: «Разве могла я когда-нибудь представить, что эта книга понадобится, чтобы читать ее мужу? Такую литературу я всегда собирала для детей».

Утром, попрощавшись с Жанной и наказав ей приезжать чаще, уехал на работу Мустафа. Оставшись наедине, женщины снова заговорили о прошлом. Няци Зейнап пыталась давать племяннице советы, как легче и проще относиться к жизненной трудности. Но разве могла она посоветовать что-то действительно полезное в такой необычной и сложной ситуации?

– Жанна, со вчерашнего дня думаю тебе об этом сказать и все забываю: приходила ваша завуч, а потом и несколько роди-

телей. Они просят, чтобы ты вышла на работу, хотя бы довела свой класс до конца учебного года. У них там какая-то молоденькая учительница, и, как я поняла, родители недовольны ее уроками.

– Не думаю, что они согласятся, да и ездить оттуда тяжело… – задумчиво ответила племянница.

– Ты все-таки поговори, а то неловко перед школой, родителями, тем более они просят. Ведь многие работают, выходя замуж. Несколько месяцев поездишь, а потом дома останешься.

– Хорошо, няци, я сегодня же поговорю со свекровью. Надеюсь, что она поймет.

Ближе к обеду, как и обещал, приехал Ахмед. Несмотря на ее возражения, тетя на скорую руку собрала ей подарки, положила гостинцев.

…К ее удивлению свекровь спокойно отреагировала на ее просьбу разрешить ей до конца весны ходить на работу.

– Ты же знаешь, что необходимости в деньгах нет, но если просят, то нужно выходить на работу.

– Мне неудобно, но я бы хотела довести детей до конца года. Я постараюсь к обеду быть дома.

– Не спеши. В доме есть кому убрать, приготовить, а Тагир раньше 11 часов все равно не просыпается. Так что спокойно занимайся своей работой.

При упоминании его имени Жанна вспомнила, что в первую очередь следовало спросить разрешения у мужа, но имело ли это сейчас какое-либо значение? Тем не менее, она спросила совета у свекрови. Услышав просьбу своей невестки, она от радости просто засияла.

– Жанна, ему будет очень приятно, обязательно спроси. И вообще, со всеми вопросами обращайся к нему. Он мужчина в этом доме и должен решать все вопросы, а я тебе помогу, когда будет в этом необходимость. И вот что. Пока Тамерлана нет, Ахмед целый день бездельничает, вот он и будет тебя возить.

– Я могла бы и сама…

– Нет, так будет лучше, и ты быстрее вернешься. Каждая минута твоего нахождения в этом доме – это для нас подарок, – сказала она, ласково глядя на свою сноху.

Чуть позже Жанна нашла Тагира, весело разглядывающего очередную красочную книгу.

– Я тут с мамой говорила… Она разрешила мне ходить на работу… В общем, я на следующей неделе буду ездить в свою школу.

– Тогда я тоже.

– Нет, тебе нельзя, кому-то нужно быть с мамой.

– Но мне одному будет скучно, не с кем поиграть. Даже Зара не хочет.

– Я к обеду буду дома. Тагир, так нужно. Я тебе с работы разные интересные книжки буду привозить.

Все-таки ей удалось уговорить мужа. Общаясь с ним, она испытывала двойное чувство: с одной стороны ее забавлял этот смешной диалог, с другой – она понимала, что это ее супруг и такое общение с ним вызывает только жалость.

Через неделю она приехала в школу пораньше. Здесь еще было безлюдно, и, пока не появились учителя, которые непременно все уже знают и обязательно пристанут с расспросами, она быстро прошла в свой кабинет. Чуть позже класс начал наполняться ее учениками, а вместе с ними морозной свежестью утра. Увидев ее, дети радостно подбежали к ней, пытаясь обнять и одновременно пожаловаться на новую учительницу. Когда начался урок, в класс заглянула завуч и, убедившись, что учитель на месте, ушла. Во время перемены заходили коллеги, поздравляли ее и, пожелав счастья, расходились по своим классам. Жанна понимала, что всем известно, за кем она замужем, что все хотят узнать подробности, но тактичность и ингушская этика не позволяли им этого делать. Когда закончился последний урок, в класс зашла Марем Исаевна. «Вот тебя я точно не хотела бы видеть ни сегодня, ни завтра, никогда», – подумала Жанна, холодно отвечая на приветствие.

– Яй[1], родственница, кажется, ты не рада меня видеть? – удивленно заметила она.

[1] Яй – (инг.)– обращение к человеку. Что-то среднее между «ты» и «эй».

– Нет, почему же, я всегда рада людям…

– А почему так недушевно меня встретила? Кажется, ты мне многим обязана.

– Например?

– Например, тем, что ты сейчас имеешь.

– И что же я имею? Может, я что-то не понимаю? – ответила Жанна, еле сдерживаясь, чтобы не сказать ей в лицо все, что она о ней думает.

– Да, короткая память у людей. Я думала, что ты будешь меня благодарить. Все-таки ты попала в богатую и хорошую семью и именно благодаря мне…

– Ты знаешь, за такое не благодарят, и ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Пожалуйста, покинь этот кабинет. У меня нет никакого желания разговаривать с тобой. Да мне и домой пора ехать, водитель уже ждет.

– Да, водитель ждет, норковая шуба на плечи давит, бриллианты слишком ярки и глаза ослепляют… Хорошо устроилась… И здесь я тоже виновата? Некоторые об этом мечтать даже не смеют...

– А ты, кажется, только и видишь материальную сторону. Тебе наплевать, сколько я страдала по твоей же милости. Не желаю твоей дочери того, что испытала я, – уже чуть не плача сказала Жанна.

– Это и есть человеческая благодарность. Я хотела как лучше. Я же видела, как ты одеваешься, что ты живешь бедно, вот и хотела тебе помочь.

– Запомни раз и навсегда: я никогда не бедствовала, тем более не была несчастливой. Но ты в одном права: я действительно попала в хорошую семью, – сказав это, она быстро взяла сумку и, накинув шубу, вышла из класса. Вслед ей доносились слова, что никто ее насильно в машину не сажал, что больше она никому не сделает доброе дело, чтобы ей не отплатили неблагодарностью…

Дома она обо всем рассказала свекрови. Ведь Марем Исаевна доводилась им родственницей и при встрече могла интерпретировать весь их разговор на свой лад. Та лишь одобрительно кивнула головой, подумав, что за свои услуги она получила сполна.

Глава 3

Кажется, жизнь потекла спокойно и размеренно. Из дома Жанна ехала на работу, как на праздник, а с работы спешила домой. Здесь ее ждали с нетерпением. Она охотно делилась школьными новостями со свекровью. Трудно было сказать, было ли ей все это интересно, но она внимательно слушала, что ей рассказывала невестка. Не меньше в ее внимании и заботе нуждался и Тагир, который почти по пятам ходил за ней, обращаясь с просьбой поиграть с ним в какую-нибудь игру или что-то почитать. Все это со временем вошло в привычку, и, похоже, обоим очень нравилось. Других обязанностей у Жанны не было. Придя с работы, она, по привычке, шла в комнату мужа, хотя прекрасно знала, что постель прибрана, а все вещи лежат на своих местах. Даже горничная Фатима жаловалась, что скучает без дела, так как Тагир все сам делает и не дает ей притрагиваться к своим вещам. «Господи, если бы он был умственно здоров, то более идеального мужа нельзя было бы и найти», – думала она каждый раз, играя с ним. В нем было все: мужская красота, доброта, чистоплотность. Ему никогда не нужно было напоминать, что нужно бриться, стричься. Он за этим четко следил.

Однажды он принес ей книгу с ингушскими сказками, которую она во время последнего приезда домой предусмотрительно взяла с собой, и попросил прочитать ее самую любимую. Она быстренько пролистала книгу и начала читать:

– «Жил старик-бедняк со своим сыном…»

– Жанна, а так только русские сказки начинаются.

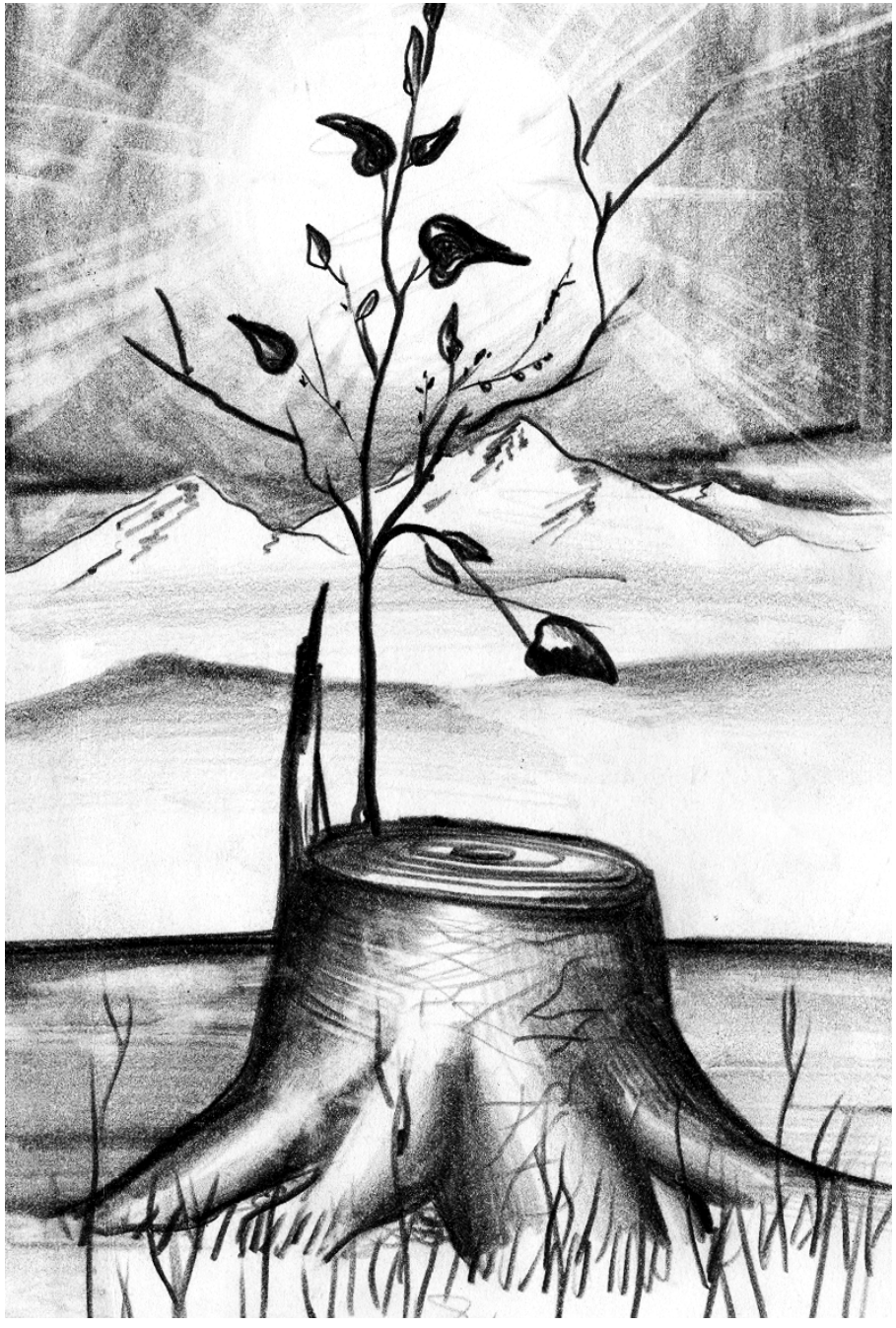
– Нет, Тагир, так все добрые сказки начинаются. Так вот, приходит сын к отцу и говорит: «Ва, дада, засватай мне дочь падишаха».

– А кто такой падишах?

– Это царь…«Брось, дурак, о чем говоришь? Разве за тебя выдадут дочь падишаха?» – сказал отец.

Но сын настоял, и отправился старик сватать дочь падишаха за своего сына, падишах сказал, что посоветуется со своими хакимами[1], и велел ему прийти в следующую пятницу...»

[1] Хаким (инг.) – чиновник, начальник.



– А кто такие хакимы?

– Это его помощники. «Собрал падишах своих хакимов и стал с ними советоваться: что сделать, чтобы отказать старику. Один из хакимов сказал, что нужно потребовать много золота, другой – много овец.

«Все это можно выполнить», – сказал падишах.

Тогда один из приближенных падишаха посоветовал: «В нашем крае девяносто девять лисиц одного цвета и величины. Пусть он выловит их всех за день и приведет к нам. Это будет ему не под силу…»

– Жанна, а разве такое возможно?

– Невозможно, поэтому и сказал падишах это дураку.

Опуская некоторые подробности, она, несмотря на усталость, до конца дочитала ему сказку, у которой, конечно же, был счастливый конец. По выражению лица Тагира, Жанна видела, что эта сказка произвела на него большое впечатление. Он еще долго расспрашивал ее, уточняя некоторые места, словно все это случилось с ней. Жанна охотно отвечала на его вопросы, с ходу придумывая от себя новые подробности.

Глава 4

Человек привыкает ко всему. И то, что раньше казалось невозможным, постепенно становится неотъемлемой частью его жизни. Именно по такой формуле складывалась жизнь Жанны. Если раньше она думала, что и дня не сможет прожить в этом доме после открывшейся ей страшной тайны, то теперь она просто уже не мыслила свою жизнь без этой семьи. В новом доме она вела себя так, словно всегда жила в нем. Ее привлекали не столько богатство и роскошь, сколько свобода, которая была ей превыше всего, хорошее отношение свекрови, ласковый муж, уделять внимание которому ей теперь доставляло удовольствие. С каждым днем уходила на второй план мысль, что она живет с человеком, чье умственное развитие оставалось на уровне ребенка. Смирившись

с этой участью, она настолько себе внушила, что это ее призвание – помогать и быть рядом с человеком, который нуждался в ее внимании и заботе, что со временем убедилась, что по-другому и не могло быть. В новой семье ценили ее отношение к сыну и брату. При гостях она только и слышала хвалебные отзывы в свой адрес. За прошедший месяц никто из домашних так и не приехал из Москвы, но периодически они звонили маме, интересовались ее здоровьем, домашними делами. И только один раз за все это время прилетел Тамерлан, и то на одну ночь. Жанна вначале растерялась, увидев его. У нее было какое-то смешанное чувство к нему. С одной стороны, была обида за обман, за испытанные страдания, с другой стороны, она понимала, из каких побуждений он действовал, понимала, кем он ей доводится, и всячески старалась разбудить в своей душе чувства уважения к деверю. Словно ничего и не произошло, повел себя и Тамерлан. Приобняв ее, он продолжал шутить, говоря, что его брат впервые потерял голову от такой жены. Ни на кого уже не смотрит, даже на родных. Немного поговорив и услышав от нее лишь несколько «да» и «нет», несмотря на ее возражения, заставил ее взять несколько тысяч долларов «на дорогу».

«Да на эти деньги я могу год на такси на работу и обратно ездить», – подумала Жанна, беря деньги. Поговорив немного с братом, а потом еще несколько часов с матерью, Тамерлан рано утром уехал, даже не позавтракав. Единственное: эту идеальную картину в новой семье портило отношение со стороны горничной Фатимы. Если с остальными тремя работавшими в этом доме женщинами она быстро нашла общий язык и в любое время могла обратиться за помощью или советом, то Фатима очень холодно и неохотно общалась с ней. В первые дни, когда она старалась заговорить с ней, та вообще молчала. Жанна это объясняла тем, что женщина стесняется разговаривать с малознакомыми людьми. Но что мешало ей сейчас общаться с Жанной, ведь она жила в этом доме уже месяц? И все же один случай позволил ей не только сблизиться с Фатимой, но и узнать много нового и интересного о своей новой семье.

Она, как обычно, вернулась с работы и, быстро переодевшись, пошла в комнату мужа, чтобы проверить, все ли в порядке. Открыв дверь, она вскрикнула от неожиданности: почти весь ковер был устлан мелкими кусками стекла, а Фатима, сидя на корточках, с порезанной рукой, из которой сочилась кровь, собирала осколки. Жанна воскликнула:

– Что случилось?

– Это проклятая ваза! Я хотела ее протереть, но она огромная и вот – выскользнула из рук, – плача, сказала горничная.

– Оставь все это и быстро перевяжи руку.

– Но если Тагир сейчас зайдет…

– Не переживай. Я сама все сделаю.

Фатима вскочила и, держа окровавленную руку, быстро побежала за аптечкой. «Странно, зачем нужна в мужской комнате ваза?» – подумала Жанна, аккуратно собирая осколки. Впрочем, здесь было еще много непривычных для мужских комнат вещей. Но все они появились по желанию ее хозяина. Тагир любил, чтобы все вещи, которые ему нравятся, всегда были рядом с ним. В дальнем углу стоял даже детский манеж с изрядным количеством игрушек. Убрать его никто не решался, но и в комнату постороннего не пускали, дабы не порождать новые слухи о его болезни. Минут через пять вернулась Фатима с перевязанной рукой. Она быстро собрала осколки, затем несколько раз пропылесосила ковер.

– Жанна, я вас прошу, пока никому ничего не говорите. Я постараюсь что-нибудь придумать… – впервые по имени и с мольбой заговорила Фатима.

– Ничего не нужно придумывать. Это всего лишь ваза. Я скажу, что сама ее разбила. Надеюсь, что ко мне мой муж будет более снисходительным, – улыбаясь и подбадривая женщину, ответила она.

Жанна видела растерянность и какую-то безграничную благодарность, которую излучали карие глаза женщины.

Спустившись вниз, она увидела Тагира, который с интересом смотрел мультфильмы, привезенные братом из Москвы. Она ему сообщила, что разбила вазу в комнате. По его виду и отсутствию

всякой реакции Жанна поняла, что никакой ценности она для него не представляла, а возможно, сейчас его мысли полностью были с главными героями мультика. Чуть позже то же самое она сказала свекрови. Та, убедившись, что с ней все в порядке и что горничная собрала все осколки, шутливо ответила, что у русских есть примета: когда что-то разбивается, то это на счастье. Впервые за все это время она сказала мужу и его матери неправду. В глубине души ей было неприятно, но это была ложь во имя спасения другого. То, что ей с легкостью сходило с рук, другим просто так не простили бы. Она знала, что при всем добродушном отношении к работницам, свекровь, тем не менее, строга с женщинами.

В этот день она долго провозилась с Тагиром. Каждый раз нужно было придумывать что-то новое или читать очередную сказку. Иногда он просто удивлял ее своими вопросами, словно к нему приходило озарение. Жанна не знала, радоваться или бояться ей этих взрослых вопросов. Она настолько привыкла к его детской речи, что в такие минуты немного терялась, не зная, что и как отвечать.

Вечером, убедившись, что муж поужинал и пошел в свою комнату, она поднялась к себе и села писать план уроков на завтрашний день. За работой она не заметила, как тихо открылась дверь и вошла Фатима. Что в комнате кто-то посторонний, она поняла, когда к ней тихо обратились по имени. Жанна испуганно обернулась.

– Фатима, ты меня так напугала. Проходи, пожалуйста, но в следующий раз обязательно стучись, иначе я тут инфаркт получу, – улыбаясь, сказала она женщине, приглашая ее сесть напротив.

– Извините, я хотела, но боялась, что Тагир выйдет, услышав стук в дверь. У него хороший слух, и даже при малейшем шорохе на втором этаже он обязательно выходит из свой комнаты.

– Он не такой страшный, как тебе кажется, – улыбаясь, ответила она.

– Нет, нет, вы ничего такого не подумайте. Он очень хороший и светлый человек. Просто не хочу его беспокоить.

Фатима нервно теребила пуговицу на своей кофте, не решаясь что-либо сказать. Чтобы как-то расположить ее к себе, Жанна перевела разговор на другое:

– Фатима, а почему ты обращаешься ко мне на «вы»? Разве я такая взрослая? Можно просто на «ты».

– Нет, дело не в этом, просто вы… точнее, ты – хозяйка, а я как бы прислуга.

– Никогда так больше не говори. Не стесняйся своей работы. Ты сюда приходишь, чтобы зарабатывать деньги. Это твоя работа. Ведь должен же человек как-то жить.

– Да, именно нужда заставила меня согласиться на эту работу… Жанна, но я пришла поблагодарить тебя за тот случай…ну, с вазой…

– Забудь про это. Даже не вспоминай. Кстати, как рука, не болит?

– Нет, не болит.

– Фатима, а ты разве по вечерам домой не ездишь?

– Когда как. Сегодня не поехала, так как очень холодно. Завтра поеду.

Вскоре между женщинами завязалась беседа, из которой обе сделали для себя некоторые открытия и стали намного ближе друг к другу. Слушая свою собеседницу, Жанна думала, как порой обманчив внешний вид, какой богатый внутренний мир может быть у человека, на первый взгляд, ничем не примечательного. Вот Фатима: средний рост, чуть смугловатая кожа, карие глаза. Невозможно было даже понять, шатенка она или брюнетка, потому что на голове Фатимы всегда был платок. А ее долгий рассказ и история жизни закрепили в Жанне уверенность, вопреки утверждению классика, что женщины, где бы они ни жили, какой бы цвет кожи у них ни был, счастливы по-разному, а несчастны одинаково.

Фатима была младшим ребенком в семье. У нее было два старших брата. Родители в ней души не чаяли. Окруженная любовью и вниманием, она смогла окончить школу с золотой медалью. Когда возник вопрос выбора профессии, к всеобщему удивлению, она

решила поступать на философский факультет. Родители, знакомые и родственники настойчиво советовали ей выбрать более практичную профессию, например, врача или экономиста. Но философия и теории древних мудрецов покорили ее. Она очень хотела поступить в московский вуз, но старший брат настоял, и ей вслед за вторым братом пришлось ехать в Волгоград, который она со временем полюбила. Фатима без каких-либо проблем выдержала экзамены, чем удивила преподавателей, с интересом слушавших ее ответы по античной философии и ее собственные оценки доктрин каждого ученого.

Днем она была на лекциях, в библиотеке, а вечером, живя с братом в одном общежитии, была для него в роли повара и прачки. В одной комнате с ним еще жили двое ребят из Ингушетии, которые также познавали тонкости юриспруденции. Здесь она познакомилась со своим будущим мужем Хасаном. Парень особых знаков внимания не уделял, но при виде ее у него всегда менялось лицо. Он становился более серьезным, чем вызывал смех у однокурсников. Через четыре года брат и Хасан, отучившись, уехали, а она еще год продолжала занятия, периодически приезжая домой. В учебе все ей давалось легко. С такой же легкостью она сдала все госэкзамены, защитила диплом и приехала домой. Она рвалась на работу, но в университет без ученой степени ее взяли только ассистентом кафедры. Зато ей доверили вести практические занятия, чему она была очень рада. Студенты слушали ее, затаив дыхание. Вскоре в ее жизни вновь появился Хасан, который к этому времени работал в прокуратуре. Уже через месяц он сделал ей предложение, и вскоре они поженились. Фатима радовалась как ребенок тому, как удачно у нее все складывается. Именно так она планировала свою жизнь. Без диплома на руках она и не помышляла устраивать свою личную жизнь. Каждое утро муж привозил ее на работу, а вечером заезжал за ней. Жили они ладно, в любви и уважении. Эта сказка, которая длилась полгода, закончилась в один день, в один миг, как красивая мелодрама, обрывающаяся на самом интересном месте. Когда за ней приехал деверь и велел надеть на голову платок, она поняла: что-то случилось. Он всю дорогу молчал и лишь слезы на глазах выдавали, что произошла трагедия. Она набралась смелости и спросила, что случилось, но он продолжал молчать. Когда она вошла во двор, по сочувствующим взглядам людей, устремленным в ее сторону, поняла, что трагедия коснулась именно ее…

Так не стало Хасана, которого неизвестные расстреляли по дороге в университет. Сколько слез она пролила, сколько раз хотелось умереть вместе с ним! Но каждый раз ее спасали мысли о малыше, который должен был через три месяца появиться на свет. Прожив в доме покойного мужа еще месяц, несмотря на просьбы родных Хасана, она вернулась домой. Ей было больно каждый день видеть убитых горем родственников мужа, ловить на себе их сочувствующие взгляды. Каждая мелочь напоминала о нем. А потом на свет появился чудесный мальчик, которому в честь отца дали имя Хасан. С ним она часто ездила в гости к родителям мужа, чем доставляла им несказанную радость. Но горе вновь дважды постучалось в ее дом. Почти на глазах у Фатимы умирает отец, а через два месяца – мама. Только Всевышний Аллах знает, как смогла она все это пережить. Молитва и ежедневные обращения к Богу помогли ей не потерять рассудок, взять себя в руки и начать жить снова. Прежнею она, конечно же, уже не была. Замкнулась, ушла в себя. Работу ей тоже пришлось забросить. Теперь она занималась домашним хозяйством, проблемами своих братьев, сына. Ей не хотелось выходить даже во двор. Но жизнь продолжалась, и время постепенно затягивало нанесенные раны. Через год в семье сыграли скромную свадьбу старшего сына, а еще через год и второго. Все хлопоты по дому взяли на себя снохи, которые чувствовали себя абсолютно счастливыми. Фатиме было стыдно жить на иждивении братьев. Ведь нужно было кормить не только ее, но и сына. Поэтому, несмотря на возражения братьев, она, отдав маленького Хасана в садик, вышла на работу в школу, где стала вести обществознание. Уже с первых дней она поняла, что не сможет работать с детьми. У нее не было сил, нервов терпеть их капризы,

видеть хамское отношение некоторых учеников к учителям. Она несколько раз попыталась поставить на место таких учащихся, но кроме еще большей агрессии к себе с их стороны ничего не добилась. Проработав так пару месяцев, она написала заявление по собственному желанию и уволилась. Через два месяца ей кто-то сказал, что для умственно отсталого юноши требуется учитель. Обещали хорошую зарплату. Какими-то невероятными усилиями ей удалось уговорить братьев, противившихся тому, чтобы их сестра работала в частном доме, дать ей разрешение пойти на эту работу. Благо еще, что новые работодатели доводились им дальними родственниками. Если она задерживалась на работе, малыша забирала одна из снох. Иногда она отвозила сына к родителям Хасана, которые считали подарком каждый приезд своего внука. Так в ее жизни появился совсем необычный ученик – Тагир. Но долго с ним заниматься ей не удавалось. Его все время куда-то увозили. Порой его не бывало дома месяцами. Как позже она узнала, его возили по врачам. Но ее никто не просил уволиться. Зарплату платили исправно, и, чтобы как-то оправдать ее, она начала помогать по дому. Постепенно Фатима настолько привыкла к этой семье, что была готова работать даже бесплатно. Когда окончательно стало понятно, что Тагиру никто не в силах помочь, его оставили в покое. Несмотря на ее усилия, Тагир мало что вспомнил из прошлой жизни. Он хорошо читал, исправно писал, но дальше их учеба не шла. Она понимала, что осваивать сложные задачи по математике, физике у него не получится. Впрочем, такую задачу перед ней никто и не ставил. Для семьи главное было, чтобы он был чем-то занят. Именно на этом настаивали врачи. Как поняла Жанна из дальнейшего рассказа Фатимы, в этом доме побывало несколько женщин, которые нанимались няньками к Тагиру. Но почти все они со временем уходили. Кто-то находил другую работу, кого-то пришлось уволить. Не все могли преодолеть соблазн и не унести чего-то из этого, как полная чаша, дома. Сидеть у воды и не напиться может не каждый. Фатима очень тепло отзывалась о каждом члене семьи, но ни одного хорошего слова не сказала о

Тамерлане. На ее просьбу рассказать что-нибудь о нем, она всячески уходила от ответа, но затем объяснила, чем была вызвана эта нелюбовь.

– Он очень хороший сын для своей матери, хороший брат для Тагира и сестер, но на пути к своему счастью, счастью своей семьи ни перед чем не остановится.

«Да, в этом ты права, и я на своем горьком опыте смогла в этом убедиться», – подумала Жанна, но, не промолвив ни слова, продолжала слушать.

– Тамерлан редкого характера человек. С одной стороны, очень добрый, щедрый, с другой – очень жесткий. Я была свидетелем нескольких его ссор. Люди приезжали в этот дом, старались миром уладить возникшую проблему, но он был груб, жестко отвечал отказом. Нельзя таким быть. И очень хорошо, что он в Москве, иначе ты сама смогла бы убедиться в справедливости моих слов.

Для них словно остановилось время: женщины говорили больше двух часов. Фатима, поняв, что перед ней сидит не циничная и бездушная женщина, какой она представляла Жанну вначале, а добрая, умная и такая же простая, как она, продолжала рассказывать:

– Я Тагира очень люблю. Это добрый и светлый человек. Мне для него ничего не жалко, и, когда я делаю намаз, я каждый раз прошу, чтобы Всевышний послал ему здоровье, исцелил его от недуга. Но мне были омерзительны женщины, которые хотели выйти за него замуж, зная, что он болен. Им нужен был не он, а его деньги. Что может быть хуже этого?

– А разве такие были? – удивленно спросила Жанна.

– До тебя Тамерлан засватал одну девушку, я даже знала ее и не могла никогда подумать, что она настолько меркантильна. Но этой свадьбы не случилось. Говорили, что ее родственники были против.

– Теперь я понимаю, почему ты с первого дня так ко мне относилась, – сказала Жанна.

– Не буду скрывать. Ты мне была не очень приятна. Можно понять, если бы это была какая-то молодая девчонка, у которой образования два класса и коридор и все мысли о замужестве, деньгах,

но мне было обидно за взрослую девушку с высшим образованием. Я только позже поняла, что тебя привезли обманом, а осталась ты, поддавшись уговорам Розы.

«Значит, мою свекровь зовут Роза. Удивительно, я за все это время даже не задумывалась, как ее зовут», – подумала она. А впрочем, у ингушей не принято по имени обращаться к родственникам мужа, поэтому вряд ли это и пригодится.

– Фатима, все гораздо сложнее, чем ты думаешь. Я как-нибудь тебе расскажу об этом. А почему ты во второй раз не вышла замуж? Ты же еще молода.

– Знаешь, человеческая жизнь – это как книга. В ней все по главам распределено. Я когда-то заполнила главу под названием «Замужество», там уже места нет. Выходить второй раз не хочу. Это получится, что я из своей книги делаю черновик. А мне этого не хочется, – ответила она, загадочно улыбаясь.

– Фатима, ты не права. Мне кажется, ты с философией немного заигралась. Нельзя философские законы привносить в свою жизнь. В жизни все по-другому, иначе.

– Да, все настолько сложно, что к этому нужно относиться проще. Посмотрим, может, со временем и поменяю свои взгляды на жизнь. Ведь смогла же из преподавателя философии стать горничной. А знаешь, если вкладывать определенный смысл во все, что делаешь, то это даже становится интересно. Вот я убираю пыль, мою пол и представляю, что очищаю какой-то участок планеты от грязи. Это ведь приятно, видеть плоды своего труда, – продолжала она рассуждать, то ли всерьез, то ли в шутку.

Глядя на нее, Жанна вспомнила, как много у нее было знакомых девушек, которые придумывали для себя какие-то непонятные кодексы поведения в жизни и, не желая им изменять, подстраиваться под реалии современного мира, просто не выходили замуж и получали обидное клеймо «старая дева» или «жеро»[1]. А ведь они могли создать прекрасную семью, быть хорошими женами, матерями.

[1] Жеро (инг.) – бывшая замужем, вдова.

Из дальнейшего рассказа своей новой подруги Жанна узнала еще немало подробностей о семье Тагира, но одна из них заставила ее задуматься и спустя какое-то время помогла не только ей самой, но и многим людям. Говоря о Тагире, Фатима вскользь упомянула, что в его жизни была какая-то русская девушка в городе, в котором он учился.

– Я пришла через полгода, после того как Тагир заболел, и становилась невольной свидетельницей многих сцен. Я помню, что Тамерлан говорил о какой-то Людмиле. Он держал большую кипу писем, фотографий. Я всего этого близко не видела, но знаю, что содержание этих писем многих навело на мысль, что болезнь Тагира напрямую связана с этой женщиной. Во всяком случае, Тамерлан ездил к ней. Что там было, я не знаю.

Эта новость насторожила Жанну. Она знала, что кто-то навел порчу на ее мужа, но не могла понять, причем тут эта девушка. Ведь в жизни Тагира была только некая Аза, которую за целый месяц она ни разу не видела, хотя та и жила напротив их дома. Словно прочитав ее мысли, Фатима продолжала:

– Для семьи это была полная неожиданность. Никто и не мог подумать, что он вел как бы двойную жизнь. Ведь весь город знал, за кем он ухаживает, что он сохнет по Азе. Но про существование этой загадочной Людмилы знают немногие, даже Аза ничего не слышала. Она была просто красавицей, но с характером скверным и неуступчивым. Считала, что если она красивая, то все мужчины должны быть ей покорными. Не знаю, как терпел ее Тагир, я бы не выдержала. Мое глубокое убеждение, что подобное поведение говорит об ограниченности ума женщины. Мало быть грамотным, нужно быть еще и умным.

Она еще немного пошутила, стараясь вывести Жанну из тяжелых раздумий, затем, что-то вспомнив, сказала:

– Один раз в неделю мы убираем два дома по соседству. Они тоже их, точнее, ваши. Так что завтра трудный день, пойду, прилягу. У нас тут своя комната есть. Может, кто-то из женщин остался также на ночь, как и я. А ты отдыхай. Прости, что прервала твою

работу, просто мне было очень приятно с тобой общаться. Ты чудесный и чистый человек, как и твой супруг. Раньше я думала, что только он такой, оказалось, что вы похожи.

Попрощавшись, она, тихо закрыв за собой дверь, ушла.

Жанна еще долго сидела за тетрадями, но сосредоточиться на работе уже не могла. Столько нового и неожиданного пришлось ей услышать, и почти все это напрямую или косвенно касалось ее.

Этот откровенный разговор позволил обеим женщинам стать ближе. В лице Фатимы Жанна нашла не только подругу, собеседницу, но и помощницу. Бывало, что уставшая за день от капризов Тагира, она просто с ног валилась, не было даже сил проверить тетради, и тогда с удовольствием за нее это делала Фатима. Жанне искренне было жаль, что она, вместо того чтобы преподавать в вузе, вынуждена работать горничной. Но женщине как-то нужно было кормить себя, своего ребенка, а на маленькую зарплату педагога она не могла бы достойно растить малыша. Здесь она получала жалованье гораздо выше. Несмотря на все ее протесты, Жанна стала часто покупать Хасану одежду, гостинцы. Если раньше Фатима в ее отсутствие только по просьбе кого-то могла присмотреть за Тагиром, считая, что это не ее работа, то теперь до прихода Жанны с работы, она, бросив свои дела, могла развлекать его. А Тагир с каждым днем становился все капризней и требовательней. Однажды он велел купить ему воздушные шарики и надуть их. Почти все домашние целый час, с покрасневшими от усилий лицами, сидели и надували ему шарики. Зато сколько было радости, когда он увидел около сотни разноцветных шариков, почти заполнивших комнату. В другой раз, наблюдая из окна, как дети лепят снеговика, Тагир захотел присоединиться к ним. Пришлось долго его отговаривать, а поэтому слепить такого же во дворе. Но все это были детские шалости по сравнению с тем, что случилось потом.

Жанна продолжала каждое утро ездить на работу. Не пропуская ни дня. Она радовалась успехам своих учеников, которые показывали хорошие результаты. Даже самые отстающие теперь подтянулись, чем доставляли радость и ей, и своим родителям. В

один из дней она, пройдя по рядам и убедившись, что все переписали домашнее задание, начала вытирать с доски. Вначале она услышала чье-то хихиканье, но не обратила на это внимания, но затем в классе поднялся громкий смех. Она обернулась, чтобы сделать замечание детям, и с ужасом увидела Тагира, который из-за двери строил детям смешные гримасы. От испуга, что кто-то из коллег это может увидеть, она выскочила из класса. Ей с трудом удалось уговорить его вернуться в машину и подождать ее там.

Не успела она отойти от этого случая, как супруг преподнес ей еще один сюрприз. Иногда Жанна, отпросившись у свекрови, оставалась ночевать у тети. Вечерами Зейнап была одна, хотелось ей чем-то помочь, да и самой от общения с родным человеком становилось намного легче.

Няци Зейнап, как всегда, много говорила об Адаме, она не могла дождаться приезда сына, чтобы всерьез поговорить с ним об его женитьбе. Несмотря на усталость, обе женщины не ложились и ждали возвращения Мустафы. Вдруг раздался настойчивый стук в дверь.

– Странно, кто бы это мог быть? – заметно нервничая, сказала тетя, идя к выходу.

– Няци, может, я открою?

– Нет, это, наверное, кто-то из соседей. Мало ли что у них случилось или нужно что, – ответила она, больше успокаивая себя.

Через две минуты она вернулась, немного озадаченная.

– Жанна, там какой-то чудаковатый мужчина тебя спрашивает. Я поинтересовалась, кто он, но он только и просит, чтобы ты вышла. Может, кто из родителей твоих учеников?

– Меня? Странно, кто бы это мог быть…

– Может, я скажу, что тебя нет, ты уехала домой?

– Нет, я выйду. Может, действительно кто-то из детей не пришел домой. Не дай бог, конечно…

Она сразу же узнала Тагира, несмотря на то, что во дворе было тусклое освещение, а на нем надеты шапка и дубленка. В первые минуты она настолько растерялась, увидев его, что даже не знала, что и сказать.

– Тагир, как ты здесь оказался? – испуганно спросила она.

– Меня Ахмед привез. Он в машине сидит, – радостно и невозмутимо отвечал он.

– Но почему ты приехал?

– Я подумал, что ты оставила меня и навсегда уехала. Мне одному очень плохо, поехали домой, пожалуйста. Я больше не буду баловаться, – умоляющее попросил он.

Только сейчас Жанна вспомнила, что накануне он сильно капризничал, стал рвать новые книги, говоря, что в них мало картинок, и тогда ей, чтобы как-то его успокоить, пришлось пригрозить тем, что она уедет. Это действовало моментально. Он снова становился ласковым и послушным.

– Тагир, это же некрасиво. Возвращайся, пожалуйста, домой. Мама, наверное, волнуется. А я завтра в обед приеду. Сегодня не могу, тете нездоровится, ей уколы нужно делать.

Его лицо стало очень серьезным. Слово «укол» на него действовало магически. Если он слышал, что кому-то делают уколы, он считал, что этот человек смертельно болен. Он с жалостью посмотрел на нее.

– Хорошо, но только завтра приезжай домой. Ты мне недорассказала одну сказку.

– Да, конечно, расскажу.

Усадив его в машину и велев Ахмеду ехать домой, она вернулась назад. По лицу тети Жанна поняла, что няци Зейнап догадалась, кто был этот ночной гость.

– Красивый парень, даже жалко его, – сказала она, не глядя на Жанну.

Это были больше размышления вслух, чем слова, обращенные к племяннице.

Глава 5

После долгой холодной зимы наконец-то почувствовалось пока еще почти незаметное, но такое желанное любому живому существу дыхание весны. И хотя на улице еще лежал снег, в воздухе

уже появился тот особый, присущий только этому времени года, тонкий аромат талой воды, пока еще не появившейся, но вот-вот готовой разбудить закованную в лед землю, зазвенеть тысячами ручьев и ручейков…

Радостная пора ожиданий и предчувствий, надежд и мечтаний…

У Жанны с весной было связано очень много теплых и радостных воспоминаний, поэтому она по-особому любила это время года. Дни становились все длиннее и длиннее, поэтому она могла на час-другой забежать к тете, которая очень нуждалась в ее внимании. Несмотря на все возражения няци Зейнап, она провела ей телефон, купила кое-что из мебели. Теперь всю зарплату и те деньги, которые ей давали свекровь или деверь, а также гости, которых бывало много в их доме, она могла тратить на свое усмотрение. За это время она смогла поговорить с Адамом. Терпеливо выслушав все его упреки, она сказала брату, что со временем он сам все поймет. Впрочем, юноша прекрасно осознавал, что не все так просто. Не могла его сестра самостоятельно решиться на такой шаг. Словно наверстывая упущенное время, они могли часами говорить по телефону. Из общения с ним Жанна поняла, что тетя уже успела поговорить с сыном насчет свадьбы и не услышала возражений. Чтобы брат еще больше утвердился в своем решении привести в дом невесту, Жанна, приукрашивая, рассказывала, как тяжело его матери, как ей нужна помощница. Ее слова как всегда достигли своей цели: Адам обещал обязательно жениться этим летом, тем более что сама девушка была не против.

Но если в школе и у родных все было относительно хорошо, то поведение Тагира вызывало у нее тревогу. Она не могла понять почему, всегда тихий и спокойный, ближе к весне муж стал более капризным и требовательным. Свекровь видела, как непросто ее невестке терпеливо ходить за ним по пятам и угождать во всем. В последнее время она даже не имела возможности отлучаться по своим делам. Он начинал настойчиво стучать по полу, требуя, чтобы она вернулась и продолжила с ним играть. Неожиданно он

полюбил шахматы. И хотя оба толком не умели играть в них, но долгими часами передвигали по доске шахматные фигурки, выполненные по специальному заказу. Каждая фигурка – это целое произведение искусства. Здесь были и персонажи русских народных сказок. Как правило, Жанне приходилось проигрывать, вызывая у него бурный восторг. Игры порой могли продолжаться с обеда до позднего вечера. Видя, как тяжело Жанне, свекровь подходила и начинала просить сына хоть немного отдохнуть. Но он, как капризный ребенок, начинал смешно размахивать руками, давая матери понять, что не намерен оставлять любимую игру. Жанна, в свою очередь, подыгрывала мужу, говоря, что нисколько не устала и ей очень нравятся шахматы.

Когда дни стали теплее, Тагир начал просить вывести его во двор. Врачи тоже советовали ему почаще гулять на свежем воздухе, больше двигаться. Это могло положительно сказаться на общем состоянии его здоровья. Прогулки на свежем воздухе позволили Жанне намного больше узнать о своем муже. Порой, общаясь с ним, ей казалось, что он играет в безумного человека. Внимательно слушая ее многочисленные рассказы о школьной жизни, он внезапно настолько рассудительно мог охарактеризовать ситуацию, дать оценку всем героям ее рассказов, что ей становилось стыдно за ее обращение с ним, как с ребенком. В один из вечеров они прогуливались по саду, в котором было около пятидесяти плодовых деревьев. На них уже появились едва различимые почки. Тагир уверенно говорил, какие плоды и когда на них должны вырасти, кто эти деревья посадил и сколько лет они проживут. Вдруг он обратился к ней с вопросом:

– Жанна, ты никому не скажешь о моей тайне?

– Нет, Тагир, конечно же, нет, – удивленно ответила она.

– Тогда пошли.

Он взял ее за руку и повел в конец сада, в небольшой домик. В нем было много старой мебели, инструментов для работы в огороде и в саду. Попросив ее подойти ближе, Тагир, откинув несколько дощечек, вытащил из старого комода небольшой черный пакетик,

туго перевязанный бечевой. Жанна с интересом наблюдала, как он аккуратно открывает и достает из него какие-то бумаги, фотографии, конверты.

– Тагир, откуда у тебя все это? – удивленно спросила она.

– Это все мое, я долго собирал, а потом здесь спрятал.

– А почему здесь? Фотографии могут испортиться от сырости.

– Я раньше в своей комнате хранил, но там Фатима убирает. Я не хочу, чтобы кто-то видел это.

«Даже будучи в таком состоянии, он понимает, что, в отличие от Фатимы, я ему родной человек и он смело может мне доверять свои секреты», – думала она, с интересом разглядывая его детские и студенческие фотографии. С них на нее смотрел абсолютно счастливый и здоровый человек, окруженный близкими и родными, школьными и университетскими товарищами. По фотографиям она могла хронологически проследить, как рос Тагир, как учился в университете, кто был рядом с ним. Среди этой кипы ненужных справок, каких-то чеков из магазинов и официальных писем приехать на очередную сессию, она заметила небольшую фотографию, с которой на нее смотрела девушка чуть старше двадцати лет. Интуитивно она перевернула ее и прочла на обороте написанные аккуратным женским почерком слова: «На вечную память с любовью Тагиру от Люды». И тут же она вспомнила слова Фатимы, которая называла именно это имя. «Не красавица, но очень хороша», – подумала она, разглядывая белокурую девушку с голубыми глазами.

– Тагир, а кто эта девушка? – обратилась она с неожиданным вопросом к мужу, который увлеченно разглядывал свои фотографии.

Он как-то отрешенно посмотрел на фотографию и пожал плечами, говоря, что не знает. Жанна аккуратно сложила все снова в пакет и хотела уже попросить его вернуться в дом, как он протянул ей еще один сверток. «Опять, наверное, какая-то ненужная макулатура», – подумала она, разворачивая его. Открывшаяся картина немного удивила ее. В свертке лежала большая стопка денег.

Судя по достоинству и состоянию купюр, она поняла, что он собирал их не один год.

– Это я на машину собираю. У меня еще много есть, они в доме, – сказал Тагир, опережая ее вопрос, откуда он их взял.

– Тагир, а зачем тебе машина? У нас же их много, и, когда нужно, тебя могут возить.

– Я хочу свою, такую большую и красную.

– А почему именно красную?

– Не знаю, – ответил он, как-то по-детски пожимая плечами.

Она снова положила деньги на место. Жанна хотела закрыть сверток, но тут ее внимание привлекла стопка писем, точнее, почерк на одном из конвертов – тот же, что и на фотографии. Она открыла первое письмо и вскоре, не обращая внимания на Тагира, полностью погрузилась в чтение. За полчаса она смогла прочесть все двенадцать писем. Никогда она не видела, не слышала, чтобы девушка просила ответной любви. Каждая строчка в письмах была пронизана любовью, мольбой не оставлять ее. Слезы застилали глаза Жанны. Она понимала, что не только ей одной было так плохо. Дочитав до конца последнее письмо, она спросила Тагира, откуда они, как они сохранились?

– Это мне Тамерлан передал. Он хотел их выбросить, но я не разрешил. Они же мои.

– Да, наверное. Но ты знаешь от кого, о чем в них пишут?

– Нет, не знаю, я их не читал. Но они мои и в красивых конвертах, – улыбаясь, ответил он.

«Конечно, у него почти отсутствует память, и он не может помнить обо всем этом. Просто собирает, как и все остальные ненужные вещи, потому что они его и красочные», – подумала она, заворачивая все снова в сверток.

– Тагир, может, мы их в дом занесем? Я буду их хранить в своей комнате. Никто не возьмет. А когда тебе будет нужно, просто приходи и бери. Я покажу тебе, куда я их положу. Это будет нашим тайным местом, – улыбаясь и заговорщицки подмигивая ему, произнесла она.

Он немного подумал, потом кивнул, давая понять, что не против. Они вернулись в дом. Несмотря на прогулку и усталость, Тагир снова захотел играть в шахматы, а когда они ему надоели, попросил почитать новую сказку. Некоторые она перечитывала уже трижды. Даже увлеченно играя с ним, она все время помнила о письмах. Их содержание изменило ее отношение не только к своему мужу, но и к той женщине, которая, кажется, тоже продолжала страдать. Ей с трудом верилось, что человек, который так искренне, проникновенно писал любимому, может совершить зло. Ей нужно было с кем-то поделиться своими мыслями, переживаниями, посоветоваться. Но с кем? Сегодня выходной день, иначе можно было забежать к тете. Она уж точно дала бы мудрый совет. Вдруг она вспомнила, что у нее есть пусть не настолько близкая подруга, но человек, который поймет ее. Фатима уже собиралась ехать домой, когда Жанна обратилась к ней с неожиданной просьбой.

– Фатима, ты можешь остаться сегодня? У меня очень важный разговор к тебе.

– Да, конечно… Но мне нужно предупредить сноху, чтобы кто-то забрал Хасана из садика, – ответила она.

Уже ближе к ночи, когда все разошлись по своим комнатам и никто им не мог помешать, Жанна с Фатимой наконец-то смогли посекретничать.

– Сегодня как никогда устала от Тагира. Пришлось долго с ним гулять, а потом еще и играть, – сказала Жанна, чтобы начать разговор.

– Да, я видела, как вы гуляли в саду, а потом долго находились в домике…

– Да, мы там были, и именно поэтому я попросила тебя остаться сегодня. Одна находка, точнее, письма от какой-то девушки Тагира, очень озадачили меня. Я даже не знаю, как мне поступить. Вроде теперь все ясно и понятно, я даже знаю, где ее искать, – задумчиво говорила Жанна.

– Да, я знаю о существовании этих писем, почему-то в этом доме их бережно хранили. Наверное, оттого, что они приходили

даже после того, как Тагир заболел. Я их не читала, Тамерлан их хотел уничтожить, но, по просьбе брата, а потом и матери, оставил их.

– Ты хочешь их прочесть? – обратилась с вопросом к Фатиме Жанна.

– Нет, зачем? Я и так знаю, о чем они. Что может написать безумно влюбленная девушка парню? Конечно, только просить ответных чувств.

– Как ты думаешь, может, мне ее найти?

– Зачем? О чем ты собираешься с ней говорить? Во-первых, к ней ездил Тамерлан и ничего не добился, во-вторых, тебе тем более она ничего не скажет, так как в любом случае в ее глазах ты соперница и источник всех ее бед.

– Но как? Я же совсем недавно за него вышла замуж.

– Ты попробуй это объяснить обезумевшей от безответной любви женщине, – как всегда философски заключила Фатима.

– Ну, а что делать? Вот так сидеть и ждать чего-то? Фатима, поверь, мне очень тяжело. Я даже не знаю теперь ради кого, ради чего я живу.

– Вот и мне хотелось бы это знать. Если ты надеешься, что он выздоровеет, то, прости, это невозможно. Все врачи и ясновидящие об этом сказали. Если ты хочешь попасть в рай, то ты идешь по верной дороге. Твоя свекровь в каждой молитве просит об этом Всевышнего Аллаха.

– Фатима, я все это знаю. Наверное, я уже никогда не смогу оставить Тагира, его маму. Аллах мне этого не простит, но и жить так очень трудно. Я знаю, что родственники жалеют меня, но некоторые люди просто ненавидят, думая, что я живу с ним из-за денег. Но это не так, это совершенно не так. Он идеальный муж, о котором может мечтать любая женщина.

Услышав эти слова, на лице Фатимы появилась улыбка.

– Ты можешь смеяться, но я так считаю. Я знаю, как живут многие женщины, что им приходится терпеть. А от него я не видела ничего плохого, – больше убеждая себя, чем подругу, сказала Жанна.

– Прости, но супружеская жизнь подразумевает и другие отношения. В конце концов, нужно думать о детях. Ради них мы живем, в них продолжение нашей жизни.

– И что ты мне предлагаешь сделать? – воскликнула Жанна.

– Да если бы я знала! Но я хочу тебе сказать, что чудеса случаются. Ты умная девушка. Чтобы тебе ни советовали, продолжай искать исцеление для своего мужа, не обращай внимания на все эти разговоры. Люди говорили и будут говорить. Поверь, на твоем месте хотели бы оказаться сотни девушек. Я это точно знаю. Когда ты живешь в нищете, мечтаешь элементарно вкусно и сытно поесть, не говоря уж о том, чтобы красиво и хорошо одеваться, то ты невольно становишься меркантильной. Отсюда и рождаются браки по расчету. Я не говорю, что это хорошо, но и не осуждаю. Современная жизнь диктует совершенно иные правила, которые иногда приходится принимать.

– Нет, я никогда не хотела жить по таким правилам. Ты знаешь, что меня совершенно другие обстоятельства привели в этот дом, – задумчиво ответила Жанна.

Женщины еще долго общались, но главная мысль, которую Жанна вынесла для себя из этого разговора, – рано отчаиваться, нужно действовать. Просто нужно все тщательно обдумать. Привыкшая добиваться поставленной цели, она знала, что невозможного нет. Но через несколько дней, в очередной раз прогуливаясь с Тагиром по саду, она впервые засомневалась, стоит ли ей вмешиваться в его состояние здоровья. В этот день ей показалось, что он сам уже идет на поправку и ее вмешательство может только навредить этому процессу.

– Жанна, беги сюда, я покажу тебе своих друзей, – радостно позвал он ее, подбежав к дереву.

Она заметила, как Тагир с большим интересом разглядывает колонию муравьев.

– Смотри, это мои друзья. Они меня тоже узнали, – радостно говорил он, внимательно наблюдая за муравьиной работой. – Зна-

ешь, у них все там очень строго, все расписано. Они почти не отдыхают, все время работают, но совсем не устают.

– Тагир, а ты откуда это знаешь? – еле сдерживая смех, спросила она.

– Я про них все знаю. Они могут поднять вес в 170 раз больше своего. Вот ты могла бы поднять семь тонн?

– Нет, откуда, – делая испуганный вид, сказала она, чем обрадовала своего мужа.

Он еще долго рассказывал о муравьях. Правда, она не знала, соответствует ли все, что говорит Тагир, истине, но для себя сделала вывод, что память к нему возвращается, а значит, он идет на поправку.

Вечером Жанна поделилась своими наблюдениями с Фатимой, которая была не столь оптимистичной.

– Жанна, я тебе всегда говорила, что чудеса случаются. Будем на это надеяться. Но ты не должна сидеть, сложа руки. У него умственное развитие как у семилетнего ребенка. Ему все интересно, он хочет все и сразу узнать. Скорее всего, он это видел по телевизору или же ему об этом рассказывала одна из нянек. Несмотря на свой далеко не простой характер, они были образованными и научили Тагира многому. Так что он тебе еще многое расскажет. Мне младшая сноха говорила, что в их селе, это за Малгобеком, есть одна женщина, которая по камушкам предсказывает. Я не люблю заниматься гаданием, особо этому не доверяю, но говорят, что эта женщина всегда говорит правду и дает хорошие советы.

– А когда мы сможем к ней поехать? – спросила Жанна, готовая хоть сейчас навестить ясновидящую.

– Подождем немного. К ней заранее нужно записаться. Насколько я знаю, она не так часто гадает, а в некоторые дни вообще никого не принимает.

Почему-то Жанна была уверена, что эта гадалка даст ей верный совет и она сможет излечить своего мужа.

Все последующие дни и недели она только и думала о ней. Приближались весенние каникулы. Именно на этот период планировала Жанна свою поездку в Малгобек. Фатима уже договорилась с гадалкой, оставалось только придумать причину и отпроситься у свекрови на целый день. Но неожиданно Жанне пришлось внести коррективы в свои планы. Свекровь с радостью сообщила, что накануне звонил Тамерлан и обрадовал ее тем, что он со своей семьей, а также Марет и Мадина скоро приедут к ним на неделю. Благо, у детей в школе каникулы, и они могут какое-то время побыть дома. Жанне тоже пришлось изобразить на лице радость, хотя сейчас их приезд был совсем не кстати.

Тем не менее, как и подобает молодой снохе, она радостно их встретила и, несмотря на все их возражения, сама обслуживала за столом. Жанна старалась быть как можно более обходительной, угождать им даже в мелочах. Тамерлана она за все эти дни видела всего лишь несколько раз, и то вечером, когда он возвращался после посещения своих многочисленных родственников, друзей и знакомых. Золовки, в первый же день одарив ее подарками и столичными нарядами, занимались своими детьми. Когда они уезжали по делам, то все дети оставались на ее попечении. Самое сложное было успокаивать Тагира, который искренне радовался приезду малышей и весело играл с ними. Почти безучастной ко всему, что происходило в доме, оставалась только жена Тамерлана, Луиза. Природа одарила ее необыкновенной красотой. Кожа у нее была настолько белой, что казалось, словно она создана из мрамора. А темно-зеленые глаза и копна рыжих волос делали ее похожей на голливудскую актрису. Казалось, что она поддерживает именно такой имидж. В день она по несколько раз меняла наряды, которые были столь откровенными, что это вызывало у свекрови негодование. Но никто не решался сказать ей об этом. К своим детям она относилась так, будто вспоминала о них, когда только видела. Заметив, что ее сын или дочка балуются, она, сделав замечание, уходила в свою комнату, зная, что о них позаботится Жанна. С ней она почти не разговаривала, словно ее и не существовало в доме. Луиза могла себе позволить иногда улыбнуться, задать один или два коротких вопроса, и то, если рядом был муж

или кто-то из его родных. Тагира она вовсе не замечала, словно его и не было. При виде его, она поворачивалась спиной, не желая даже общаться с ним. Это больше всего было обидно Жанне. Фатима рассказывала, что она является дочкой одного известного адвоката в Москве и никогда не жила в Ингушетии. Жанна молилась, прося у Всевышнего терпения, чтобы вынести надменный вид и тон этой снежной королевы. Наконец настал долгожданный день отъезда. Она в очередной раз «натянула» улыбку на лицо, всем видом показывая, что была безгранично рада их приезду. Все эти тонкости мудрой женщины, которая, несмотря на свое душевное состояние, всегда должна дарить гостям радость и улыбку, она постигла у няци Зейнап.

Глава 6

На следующий день после отъезда гостей, сославшись на то, что ей необходимо навестить больную родственницу, Жанне удалось отпроситься у свекрови, а заодно уговорить ее отпустить Фатиму, объяснив, что ехать одной неудобно. Больше всего пришлось уговаривать Тагира, непременно желавшего отправиться с ними, но отступившего перед перспективой получить свои любимые воздушные шарики. От услуг Ахмеда им пришлось отказаться, ведь он наверняка мог кому-нибудь проговориться. Вскоре Жанна с Фатимой уже ехали в Малгобек.

В тесной маршрутке, набитой до отказа, было невыносимо душно. Одна из пассажирок, женщина средних лет, категорически запрещала открывать окна, причитая, что, если это произойдет, она обязательно заболеет. Поэтому всем пришлось смириться с ее капризами и ехать в город в таких невыносимых условиях.

В Малгобеке пришлось искать таксиста, который хорошо знал бы нужное им село. Наконец, один пожилой мужчина согласился отвезти их, и, хотя плата за проезд была высокой, Жанна облегченно вздохнула, потому что была готова отдать последние деньги, лишь бы побыстрее уехать с автостанции, где ее мог увидеть кто-

нибудь из родственников мужа. Ей не хотелось что-то объяснять им, а тем более лгать.

Таксист вел себя так, словно он экскурсовод. Не обращая внимания, слушают его пассажиры или нет, он подробно рассказывал, когда и какое село образовано, кто в нем живет, и даже о проблемах его жителей. Через час такой познавательной езды они оказались в небольшом селе, раскинувшемся на невысоком холме. Как объяснил шофер, называлось оно Картофельное, но почему получило именно такое название, он, на удивление, не знал. Жанна и раньше встречала маленькие покосившиеся домишки, но такой нищеты, как здесь, не видела. Редкие кирпичные дома затерялись среди саманных избушек с потрескавшимися стенами и почерневшими от времени крышами. Снег еще сошел не везде, поэтому на дорогах стояли огромные лужи, в которых в любую минуту могла застрять их старенькая «Волга».

Хижина целительницы Тамары ничем не выделялась из множества других. Единственное отличие – небольшие железные ворота и скамейка рядом с палисадником. Им пришлось немного подождать, пока одна из посетительниц уйдет. Наконец очередь дошла до них. В небольшой комнате, в которой из мебели были большой сундук, стол, несколько стульев и кровать, сидела женщина лет пятидесяти. Видимо, чтобы придать себе побольше загадочности, она полностью покрыла голову белым платком, который украшали то ли бусы, то ли четки. У нее было круглое полноватое лицо, но белая, почти прозрачная кожа и черные глаза делали ее красивее и моложе. Она не проронила ни единого слова, едва слышно ответила на приветствие вошедших женщин и пригласила сесть напротив. Пробормотав то ли молитву, то ли заклинание, она, наконец, обратилась к ним:

– Вижу я, приехали вы с серьезными проблемами. Что вас беспокоит?

Жанна уже приготовилась исповедаться перед ней, но ее опередила Фатима.

– Тамара, у нас все хорошо, но вот она хотела бы узнать свою судьбу.

Женщина загадочно улыбнулась.

– Вам, возможно, неверно рассказали о моем занятии, но, тем не менее, посмотрим.

Она развернула белый платок и высыпала 6-7 разноцветных камушек на маленький столик. Затем стала внимательно смотреть и прислушиваться, словно они ей что-то рассказывали. Минут через пять она опять загадочно улыбнулась и посмотрела на Жанну.

– Не права ваша подруга, не все у вас так ладно, как она говорит. Живете вы в большом доме, есть у вас муж. В этом доме живут и другие люди, но детей нет. – Она остановилась, чтобы внимательно взглянуть на Жанну и убедиться, что камушки говорят ей правду. Увидев растерянное лицо женщины, она продолжала говорить: – Ваш муж болен. Только не бойтесь, со здоровьем у него все хорошо, у него голова болит, и вас всех это беспокоит… – Она немного помолчала, потом продолжила: – Не ждите, сам он не выздоровеет. У вас есть его фотография?

– Да, есть, – ответила Жанна, вспомнив, что накануне прихватила ее.

– Я скажу так: на него навели очень сильную порчу, точнее, навела одна женщина…

Услышав эти слова, Жанна протянула ей фотографию Людмилы.

– Да, это именно она. Это говорю не я, а эти камни.

– А что делать, как помочь? – почти в отчаянии спросила Жанна.

– Не знаю пока… Но без помощи этой женщины вы ничего не сделаете. Постарайтесь с ней поговорить.

– А если я не смогу ее найти или она откажется помочь?

– В моих силах сказать, точнее, передать то, что говорят эти камни. Она, скорее всего, совершила свою магию через фотографию или через что-то из его личных вещей. Пока вы это не заберете, он не выздоровеет, – сказала она и встала со своего места, давая понять, что прием окончен и ей больше нечего им сообщить.

Поблагодарив и заплатив почему-то в два раза больше, чем они ранее договаривались, Жанна и Фатима снова вернулись к машине, в которой их терпеливо дожидался таксист.

Рассказывать свекрови о своей поездке и таинственных пророчествах гадалки Жанна не стала, хотя все эти дни испытывала угрызения совести. Фатима тоже не хотела, чтобы она с кем-то делилась, объясняя это тем, что, кроме переживаний и упреков в бесполезности всей этой затеи, она ничего не услышит. На том и порешили – пока нужно молчать.

А время текло неумолимо, и с каждым днем крепла уверенность Жанны в том, что необходимо самым серьезным образом взяться за лечение Тагира, чьи капризы становились все более невыносимыми. Свекровь это объясняла наступлением теплого времени года, когда он особенно сильно рвался на улицу. Едва успев переодеться после школы и немного перекусив, Жанна шла с ним во двор или в сад, весь одетый в белый весенний наряд. Волшебная красота и пьянящий аромат цветущих деревьев создавали настроение ожидания чего-то прекрасного и необыкновенного… Жанна с жадностью вдыхала этот волнующий запах, приглашая Тагира разделить с ней ее состояние радости и восторга. Но он бегал среди деревьев за какими-то насекомыми, не обращая внимания на все это великолепие. К вечеру в его стеклянной банке собиралось столько насекомых, что от их жужжания начинало звенеть в ушах. Каждый раз ценой невероятных усилий Жанне удавалось уговорить Тагира не нести банку в дом, а отпустить бедных насекомых на свободу, где их ждут маленькие дети. Последний аргумент на него действовал магически. Он сразу проникался жалостью к бедным букашкам и, аккуратно вытаскивая каждое насекомое, помогал ему улететь или уползти. Но на следующий день все повторялось снова.

Дни летели за днями, недели за неделями, а в их доме все оставалось по-прежнему. Приходили гости, пару раз прилетал домой Тамерлан, вот, собственно, и все события. А потом закончился учебный год, и, к всеобщей радости домочадцев, Жанна осталась

дома. Свекровь очень надеялась, что ее невестка уже никогда не выйдет на работу, и все время будет рядом с ее сыном. В перспективу дальнейшей работы в школе мало верила и сама Жанна, но на всякий случай предупредила директора, что в новом учебном году может вернуться.

Теперь от рассвета и до позднего вечера она занималась только своим мужем, потакая его прихотям и придумывая каждый раз все новые и новые игры. Все это настолько вошло в привычку, что такие занятия вовсе не казались ей утомительными. От одной мысли, что родные и близкие мужа счастливы ее заботами об их сыне и брате, ей становилось легче. А когда одолевали грустные мысли, Жанна делилась ими с Фатимой, всегда готовой дать мудрый совет, а заодно и пофилософствовать. Это позволяло ей не только не забывать свои знания, но и применять их на практике, ведь Фатима искренне была уверена, что философия – это ключ к познанию человеческой души, способ помочь человеку обрести душевную гармонию.

На улице с каждым днем становилось все теплее. А в конце мая наступила такая жара, что старожилы начали предрекать засуху и неурожай, не забывая при этом просить Всевышнего послать им дождь и одарить богатым урожаем.

В первых числах июня, досрочно сдав сессию, приехал Адам. Главным событием семьи теперь стала его грядущая свадьба, а вместе с ней – многочисленные хлопоты. Предстояло сделать в доме ремонт, достроить навес и благоустроить двор. По возможности, Жанна старалась помогать родным. Когда выпадал свободный час, она ехала к ним и с радостью белила, красила, убирала. Несмотря на возражения тети, Жанна купила кое-что из мебели, ведь теперь она могла себе это позволить. Вскоре дом и снаружи, и внутри приобрел совершенно иной, обновленный вид.

В этой предсвадебной суматохе Жанна забыла о главном: как ей представлять родственникам своего мужа, которые наверняка будут о нем расспрашивать, захотят увидеть зятя. Вернувшись в субботу вечером от тети, она попыталась затронуть эту тему в разговоре со свекровью, но та, улыбнувшись, ответила, что об этом уже позаботились, и завтра утром она может пораньше поехать к своим родным. Этот загадочный ответ взволновал ее больше, чем успокоил, но переспрашивать свекровь Жанна не стала.

Наутро она отправилась в дом тети, в котором провела свои лучшие годы. Несмотря на ранний час, здесь уже было полно народа. В основном соседи, но среди гостей она заметила и своих родственников, с которыми не встречалась уже несколько лет. Жанна была очень рада их видеть, они же искренне радовались за нее, отмечая, как она похорошела. Няци Зейнап как-то растерянно бегала по дому, только и успевая отдавать поручения. Ближе к обеду гости были не только в их доме, но и в соседских домах. Женщины, заняв почетные места, сидели за празднично накрытыми столами, а мужчины по очереди заходили в дом и угощались. Привычная картина всех ингушских свадеб.

Когда Жанну попросили быстро выйти во двор, она даже не поняла, в чем причина такой поспешности. Но в следующую минуту, ее удивление переросло в гордость за своих новых родственников. По очереди подъезжали дорогие иномарки, из которых выходили нарядные женщины и мужчины. Даже издалека она узнала свою свекровь, Мадину, Марет и еще несколько женщин, которых она видела у них в доме. Среди мужчин она разглядела Тамерлана. «Господи, когда они успели приехать? Когда собраться?» – подумала она.

Когда женщин усадили как самых дорогих гостей, Жанна вышла, чтобы поздороваться с Тамерланом. Но каково было ее удивление, когда вслед за ней выскользнула Мадина и на ухо шепнула ей, что Тамерлана всем нужно представлять не как деверя, а как своего мужа. Опешив от удивления, она хотела что-то ответить, но золовки уже и след простыл. Во дворе началась суета. Старики торопились отправить свадебный кортеж за невестой. По некоторым репликам она поняла, что все приняли Тамерлана за ее мужа, а белая роскошная машина для невесты, которую он специально заказал на эту свадьбу, вознесла его до небес. Смущаясь от соб-

ственной лжи, Жанна кивала головой, когда женщины переспрашивали, он ли является ее мужем. Сейчас эта ложь не казалась ей такой уж кощунственной. В конце концов, он родной брат ее мужа и почти как две капли воды похож на него. Успокоив себя этим, она просто окунулась в эту праздничную суету, продолжая принимать восторженные отклики в свой адрес по поводу удачного замужества и ловить на себе завистливые взгляды девушек.

Через два часа прибыли замеш, которые о своем возвращении в станицу с невестой оповестили всех непрерывными сигналами машин, не казавшимися сейчас Жанне такими неприятными. Они теперь воспринимались как свадебная мелодия. Когда с большими усилиями во двор загнали длинную белую машину и из нее вывели высокую и стройную невесту, одетую в национальное платье, Жанна не смогла сдержать слезы радости.

…Почти целый час Жанна не могла подойти к невесте: все хотели посмотреть на девушку, о красоте которой за последнее время успели уже сложить легенды. Но, наконец, повезло и ей.

– Маьрша йоаг1ийла хьо, Луиза! Меня зовут Жанна. Я сестра Адама, значит, твоя золовка, – сказала она, улыбнувшись.

Девушка впервые за все время подняла глаза и с каким-то интересом начала разглядывать ее. В красоте невесты было что-то детское. А ее большие глаза и длинные ресницы делали ее похожей на живую куклу. Жанна пожелала девушке счастливой семейной жизни, шутливо добавив, чтобы она не забывала о своей золовке.

…Когда гости начали расходиться, провожая своих новых родственников, Жанна тихо, чтобы никто не слышал, поблагодарила свекровь и впервые поцеловала ее в щеку. Роза в ответ лишь улыбнулась:

– Это малость того, что мы можем пока для тебя сделать. Сегодня оставайся здесь, а завтра днем приедешь. Кто-нибудь присмотрит за Тагиром.

В этот вечер Жанна с большим удовольствием посидела в кругу своих самых близких и родных. Каждое воспоминание вызывало бурю эмоций и смех. «Так бы и сидела всю жизнь. Здесь так

хорошо, уютно, но завтра уже нужно возвращаться в свой дом, где меня тоже ждут и любят», – думала она.

Глава 7

Лето в этом году началось с проливных дождей, и затянутое тучами небо, и пришедший неожиданно на смену жаре холод больше напоминали осеннюю погоду. Гулять сейчас не только не хотелось, но было и рискованно, поэтому почти две недели Жанне пришлось сидеть с Тагиром в доме, несмотря на его протесты и настоятельные просьбы отпустить во двор. Она была уверена, что он обязательно простудится, и тогда днем и ночью ей придется дежурить у его постели, пока он не встанет на ноги.

Но вот наконец-то сквозь тучи начали пробиваться солнечные лучи и заметно потеплело. Солнце будто хотело наверстать упущенное и торопилось согреть своими лучами все живое на земле. Весь их сад был залит золотым светом, как и утопающий в зелени деревьев и кустарников дом, отчего этот тихий и милый сердцу уголок казался маленьким раем.

Сколько раз Жанна мысленно представляла себе именно такой большой дом, окруженный деревьями, кустарниками и цветами, среди которых бегают ее маленькие дети. «Отчасти моя мечта сбылась», – с грустью усмехнулась Жанна, глядя на Тагира, который в очередной раз обнаружил насекомое и с большим любопытством разглядывал его. Эта сцена еще раз напомнила ей о необходимости срочно найти ту самую Людмилу и постараться помочь мужу. Но как уехать почти на неделю и как найти эту женщину, она не знала. Вечером Жанна решила поделиться своими мыслями с Фатимой.

– Ничего гениального здесь не нужно придумывать, и нечего голову ломать. Просто скажи Розе, что тебе необходимо ехать на обследование в Ростов, – сказала Фатима, как только услышала, из-за чего переживает ее подруга.

– А чем, я скажу, болею?

– Да мало ли что у замужней женщины может быть. Скажи, что непонятные боли в груди, вот и хочешь обследоваться.

– Но я не хочу, чтобы она волновалась…

– Тогда, подруга, я не знаю, что тебе и посоветовать. Но ехать тебе обязательно нужно. О твоем идеальном я позабочусь.

– О каком идеальном? – удивленно переспросила Жанна.

Фатима рассмеялась:

– Знаешь, как-то ты сказала, что он идеальный муж. Мне эта фраза так понравилась, что я имела неосторожность повторить ее при Заре. Теперь все в доме его так и называют.

– Нашли тоже, над кем смеяться, – с обидой заметила Жанна.

– Не обижайся, пожалуйста. Это же шутка. А вообще, я действительно считаю его идеальным. Трудно найти такого доброго и светлого человека на земле.

– Да, наверное... – с грустью ответила Жанна.

После долгих обсуждений Фатиме все-таки удалось убедить подругу завтра же переговорить со свекровью о поездке в Ростов.

На следующий день Жанна поведала свекрови о своих планах. Та поначалу встревожилась, даже хотела пригласить врача, но настоятельные просьбы невестки остановили ее.

– Почему ты мне раньше ничего не сказала? Мы же могли тебя с Тамерланом в Москву отправить, там очень хорошие врачи.

– Мама, вам незачем волноваться. Я думаю, что здесь нет ничего серьезного. Просто поеду, обследуюсь и скоро приеду.

– А в какую больницу ты едешь?

– Я пока точно не знаю, но, говорят, там, в городе, есть хорошая женская клиника. Я быстро найду ее. – Жанна смущенно опустила голову, краснея от собственной лжи и от того, как правдоподобно она ее преподносит.

Но свекровь восприняла по-своему ее смущение. «Бедная ты моя. Она как нормальная замужняя женщина мечтает о детях, и даже не может понять, что в клинике ей ничем не помогут». Она с жалостью и с какой-то материнской любовью посмотрела на нее:

– Жанна, ты знаешь, где лежат деньги. Возьми столько, сколько тебе нужно. Я завтра отправлю Ахмеда, и он купит тебе билет.

– Не нужно беспокоиться, я все сама куплю, и деньги у меня есть.

– Делай, что я тебе говорю. И не теряй время, а собери все необходимое в дорогу. Я сама за Тагиром присмотрю, да и Фатима в последнее время охотно мне в этом помогает, – сказала свекровь.

Вернувшись в свою комнату, Жанна без сил упала на кровать. У нее словно гора с плеч свалилась. Самое главное: она получила добро от свекрови, но теперь предстояло как-то уговорить и Тагира, чтобы он не волновался из-за ее длительного отсутствия и не воспринял это как ее очередной побег из дома. Тогда он мог снова навестить дом ее тети, а еще хуже – стал бы искать ее в школе.

Играя вечером с ним в шахматы, она решила потихоньку затронуть тему своего отъезда.

– Тагир, а тебе нравятся игры, в которые мы с тобой играем?

– Да, нравятся.

– А ты хотел бы очень интересные и новые игры?

– Да, конечно.

– А какие, например?

– Чтобы было много зверей, птиц, чтобы все они ходили, летали, – весело начал говорить Тагир, жестикулируя и поднимая руки высоко над головой.

– К сожалению, их здесь нет.

– А где есть?

– В другом городе. Я завтра поеду и привезу их тебе.

– Я тоже хочу с тобой поехать.

– Нет, тебе нельзя. Там вход только для женщин, а ты мужчина.

Он хотел что-то возразить, но затем, опустив голову, с грустью начал передвигать фигурки по шахматной доске. По его молчаливому виду Жанна поняла, что теперь он не станет противиться ее поездке и уж точно не будет ее искать.

На следующий день она уже сидела в вагоне поезда, отправлявшегося в Москву через Ростов. Ее попутчиками оказались при-

ятная женщина лет пятидесяти и ее сын семнадцати лет, который спал на нижней полке, не обращая никакого внимания на нее. «Вот невоспитанный юноша. Хоть бы привстал, когда я вошла, и помог бы», – подумала Жанна, закидывая свои вещи на верхнюю полку. Еще больше ее возмутили действия его матери, которая то поправляла ему подушку, то просила поесть, на что слышалось лишь невнятное бормотание. Через полчаса парень мирно спал.

Убедившись, что сын заснул, женщина наконец-то обратила внимание на Жанну.

– Вы уж извините, что вам придется спать на верхней полке, просто мне нужно все время быть рядом с ним.

– Нет, все нормально. Вы не беспокойтесь, – ответила Жанна, а про себя подумала, что он и ведет себя так, потому что окружили взрослого парня ненужной заботой.

– Меня зовут Хава. А как вас? – продолжала женщина.

– Жанна.

– А вы в Москву?

– Нет, в Ростов. Родственники у меня там живут, хочу их навестить, – соврала Жанна, не желая посвящать в свои планы случайную попутчицу.

– А я вот сына везу на операцию.

– А что с ним? – удивленно, слегка стыдясь своих прежних мыслей, спросила она.

– Жанна, это долгая история. Позвоночник у него поврежден. Врачи говорят, что это безнадежно, а я почему-то не верю. Легенды ходят об одном московском враче. Три раза я его возила к нему, сейчас в четвертый раз едем. Вроде ему лучше, да и врач обещает сотворить чудо.

Только сейчас Жанна заметила рядом с дверью сложенную инвалидную коляску.

– Извините меня, – сказала она, словно ее попутчица прочитала ее мысли.

– За что извиняетесь? Это мы должны просить у вас прощения за доставленные неудобства.

Постепенно их разговор перешел в задушевную беседу, из которой Жанна узнала почти все о непростой судьбе своей попутчицы.

Кажется, все было у Хавы, чтобы она могла называть себя счастливой женщиной. После нескольких лет ожидания у них с мужем Баширом родился мальчик, которого назвали Магомедом. Это был единственный и долгожданный ребенок в их семье, который рос крепким и здоровым малышом. Башир вначале часто уезжал в Томск на заработки, а со временем, когда сын подрос, полностью перенес свой бизнес в Ингушетию. Продажа леса приносила хорошие деньги. Так со временем они смогли разобрать старый домик и возвести на его месте новый двухэтажный особняк, приобрести машину. Кое-что из прибыли перепадало и многочисленным родственникам. Но в их спокойную и счастливую жизнь пришла беда, превратив их жизнь в чертово колесо.

Когда Магомеду исполнилось 16 лет и он успешно окончил школу, Баширу захотелось сделать сыну подарок. Несмотря на возражения Хавы, он как-то утром поехал с Магомедом на автомобильный рынок и приобрел для него новенькую машину. Сын был на седьмом небе от счастья. Теперь у него был собственный автомобиль, о котором его сверстники могли только мечтать. На следующий же день Башир начал учить сына водить машину. Желание юноши овладеть железным конем было столь велико, что он быстро запоминал все, что говорил отец. Поездив час по улице, они наконец-то выехали на оживленную трассу. Башир удивлялся, как его сын бесстрашно водит машину, не обращая внимания на хаотичное движение транспорта. Вдруг им навстречу на сумасшедшей скорости вылетела иномарка. Водитель был то ли пьян, то ли был уверен, что ради собственной же безопасности люди предпочтут убрать свою машину с его пути. Башир выхватил из рук сына руль и только хотел съехать с дороги на обочину, как обе машины столкнулись. Очевидцы той страшной аварии рассказывали, что спасатели почти целый час пытались вызволить двух человек из машины, которая превратилась в гармошку. У иномарки

же сработали подушки безопасности, и ее пассажиры отделались легким испугом.

Башир по дороге в больницу скончался, а Магомеда спасло то, что отец собственным телом прикрыл его от страшного удара. Врачи почти месяц боролись за его жизнь. Со временем он начал видеть, затем говорить, но о том, чтобы встать на ноги, не могло быть и речи. В нескольких местах у него был поврежден позвоночник. Хаве пришлось целыми сутками сидеть у изголовья сына. Иногда ее подменяли родственники мужа. Через полгода врачи все же разрешили забрать Магомеда домой, но теперь он мог передвигаться только в инвалидной коляске. И все же Хаве казалось, что все самое страшное позади, и отныне она посвятит свою жизнь сыну, его лечению. Но однажды в дом постучались двое мужчин. Выразив соболезнование, расспросив о самочувствии сына, тот, что постарше, сказал, что, видя, какая в семье трагедия, они раньше не решались об этом говорить, но теперь, когда все худшее позади, они намерены потребовать возместить ущерб за разбитую по вине ее мужа или сына машину.

Хаве казалось, что все это во сне. Не могли люди, у которых есть сердце, требовать от убитой горем женщины деньги за какую-то машину. Она только хотела сказать это, как услышала в ответ, что машина не их, а чужая и очень дорогая. От суммы, которую они назвали, она чуть не потеряла сознание. Ей ничего не оставалось делать, как сказать, чтобы они вернулись через пару дней, а она за это время посоветуется с родственниками мужа. Деверь с сожалением признал, что в этой аварии виноват Башир, так как за рулем машины сидел мальчик, да еще без прав. В любом случае получалось, что виноваты они, и материальный ущерб придется возмещать. Решили продать бизнес мужа и расплатиться по долгам. Через месяц просители, получив причитающуюся сумму, оставили их в покое. Дохода в семье никакого не было, а нужно было как-то жить. Понемногу Хава стала продавать дорогие украшения, кое-что из бытовой техники. Она понимала, что ни ее родственники, ни родственники мужа не могут ей помочь. Каждый по

мере сил пытался прокормить свою семью. Лишать их последнего куска хлеба Хаве тоже не хотелось. С момента трагедии прошел год, и, несмотря на вердикт докторов, что ничего ее сыну уже не поможет, она настойчиво продолжала его возить от одного врача к другому. Когда казалось, что уже нет никакой надежды, она узнала от одной знакомой, что в Москве есть хирург, возвращающий к жизни даже самых безнадежных. «Но откуда взять деньги на операцию?» Выход был только один: она выставила дом на продажу. Однако покупатели не шли. Даже после значительного снижения цены появилась только пара любопытных, и на этом визиты потенциальных покупателей закончились.

– Ты когда-нибудь видела, чтобы взрослый парень плакал? – с неожиданным вопросом обратилась она к Жанне, прервав свой рассказ.

– Нет, никогда, – едва слышно ответила она, все еще находясь под впечатлениями от услышанного.

– А знаешь, я сама никогда не думала, что мой сын так может. Наверное, на такое способны только гордые и независимые люди, – задумчиво ответила она. Посидев еще немного, справившись с волнением, она продолжила: – Я уже устала искать деньги, просить и занимать их у родственников, знакомых. Первые две операции прошли очень успешно. Я сейчас не могу точно передать тебе слова врачей, но смысл в том, что не сделай мы эту операцию вовремя, у него мог неправильно срастись позвоночник. Оперировавший его хирург давал очень хорошие прогнозы. Но предстояло сделать еще четыре операции, и опять нужны были деньги. Только один Аллах знает, с каким трудом я их добывала. Мне уже стыдно было перед своими родственниками, перед родственниками мужа, которые, видя мои усилия, приходили и отдавали почти последний рубль. После третьей операции пальцы ног Магомеда понемногу начали двигаться. Я наняла массажиста, и он часами работал с ним. Не знаю, к счастью или к несчастью, но объявился покупатель, который купил дом, хотя и за полцены. На эти деньги я смогла приобрести двухкомнатную квартиру, расплатиться с

должниками, а остальные отдавала массажисту. Но время шло, и вскоре мне позвонил московский хирург, занимавшийся лечением Магомеда, и пригласил на очередную операцию. Я была в отчаянии, не знала, что делать… – Она снова замолчала. Было видно, что она еле сдерживается, чтобы не зарыдать.

Жанна не знала, что и говорить…

– Хава, пожалуйста, не нужно так расстраиваться. На все воля Всевышнего. Аллах посылает страдания только тому, кого любит. Не нужно дальше рассказывать, я все поняла.

– Прости, что заставила и тебя поволноваться. Но я все-таки расскажу. Так вот, в отчаянии я на следующее утро посадила Магомеда в инвалидную коляску и поехала с ним в Назрань на центральный рынок. Когда он узнал, что мы будем просить милостыню, он зарыдал, просил не делать этого. Мне кажется, у меня в это время сердце стало каким-то каменным. Я не слушала и не слышала его. Продолжала ходить по рядам и собирать деньги. Люди видели в коляске молодого юношу, который, опустив голову, плакал. Узнав, на что мне нужны деньги, люди охотно подавали нам. Я помню, одна женщина просто вывалила все содержимое своего кошелька, а другая, извинившись, что ничего за целый день не продала, подарила рубашку. После обеда мы собрали хорошую сумму, но этого явно было недостаточно на поездку и операцию. И тогда к нам подошел один мужчина. На вид ему было около пятидесяти лет. Он спросил, на что нужны деньги, а узнав, что случилось и как срочно мне нужно везти сына на операцию, попросил дать ему наш домашний адрес и вернуться домой. Ближе к вечеру к нам приехал парень лет тридцати. Спросив, как меня зовут, есть ли у меня сын-инвалид, протянул конверт и, даже не говоря, от кого деньги, уехал. Я до сих пор не могу себе простить, что не узнала имя этого благородного человека. Но я обязательного найду его и отблагодарю. Вот, пожалуй, и все. Сейчас мы едем в Москву на очередную операцию, – с какой-то детской радостью сообщила она.

– А вам достаточно этих средств? – тихо спросила Жанна.

– Думаю, что да.

Ничего не говоря, Жанна открыла свою сумку и протянула ей деньги, даже не пересчитывая.

– Нет, что ты! Я не возьму. Тебе они самой понадобятся.

– Нет, нет, у меня еще достаточно. Возьмите, пожалуйста!

Хава долго отказывалась, но, видя, что ее попутчица настойчива, взяла.

– Дай Аллах, чтобы все у тебя в жизни было хорошо. Я знаю, что Всевышний не оставляет таких людей.

– Хава, простите, что я вам вначале сказала неправду. Я еду не к родственникам, а на лечение мужа…

– А я ведь поняла, кто ты, когда твой водитель Ахмед занес сумки. Я знаю эту семью, заочно знаю тебя и твоего супруга. Доченька, ты держись, потерпи немного. Это ничего, что он немного необычный и не похож на других. Скоро у тебя все будет хорошо. Мое сердце не может меня обманывать.

Женщины еще долго говорили бы, но подсевший на одной из остановок пассажир стал ворчать, что их разговор не дает ему заснуть. Пожелав друг другу спокойной ночи, женщины вернулись на свои места. Жанна почти не сомкнула глаз. Этот тяжелый разговор, постоянный шум колес не давали ей заснуть. А под утро, когда проводница сообщила, что через пятнадцать минут ее остановка, она стала осторожно собирать свои вещи. Похоже, в эту ночь не заснула и Хава.

– Что, тебе уже пора? – тихо спросила она.

– Да, Хава. К сожалению, вынуждена с вами расстаться. Пусть Аллах пошлет вашему сыну здоровье, а вам терпение! Я вас прошу, если что будет нужно, пожалуйста, обращайтесь. Вы же знаете, где меня искать. – Жанна обняла свою попутчицу.

Ей так хотелось увидеть лицо этого юноши, поговорить с ним немного, подбодрить. Но, кажется, он со вчерашнего вечера так и лежал, отвернувшись к стене не только от людей, но и от всего мира, который причинил ему столько душевных и телесных ран.

Глава 8

Поезд в Ростове приняли на первый путь, и, выйдя из него, Жанна оказалась прямо перед дверями большого современного здания вокзала. Пройдя через длинный и просторный холл, она вышла на привокзальную площадь, где ее сразу обступили несколько таксистов, навязчиво предлагавших отвезти в любой конец города. Она выбрала того, чье лицо ей больше внушало доверие, и, назвав адрес, указанный на конверте письма от Людмилы, который она предусмотрительно взяла с собой, села в машину.

Было уже десять часов, по летним меркам – почти середина дня. И точно так же, по-летнему, светило солнце. Даже ветерок, врывающийся в открытые окна машины, мало спасал ситуацию – в салоне было душно. А ехать было не близко, как оказалось, Людмила жила на окраине города, в новом микрорайоне.

Жанна никогда прежде не была в Ростове, поэтому с интересом смотрела по сторонам, на проплывающие мимо дома, витрины, яркие рекламные щиты. Ее привлекли красивые цветники на площадях, затейливые висячие клумбы, мелькающая реклама на огромных мониторах. Сначала они ехали по широкому, полностью забитому машинами проспекту, потом повернули на такую же длинную и так же загруженную транспортом улицу и еще долго петляли среди похожих друг на друга многоэтажных высоток.

– Красивый город, – сделала вывод Жанна, – но очень большой и весь забит машинами. Нелегко, наверное, жителям до работы добираться.

Ее размышления прервал водитель.

– Приехали, – громко сказал он. – Вот ваш дом и подъезд, похоже, этот, – указал он на дверь, из которой как раз выходила молодая женщина с ребенком.

Действительно, квартира Людмилы была в этом подъезде, но Жанна еще несколько минут собиралась с духом, не решаясь войти и повторяя заранее заученный текст.

Наконец, набравшись храбрости, она позвонила в квартиру. Из-за двери вначале послышался собачий лай, от которого у нее

по спине пробежал холодок, а потом чьи-то шаги. На пороге появилась девушка лет двадцати восьми. Даже без косметики и в домашнем халате Жанна узнала в ней Людмилу. Эти красивые голубые глаза невозможно было забыть.

– Добрый день! Извините за беспокойство. Мне нужна Людмила, – едва слышно проговорила Жанна.

– Добрый день! Я и есть Людмила, хотя, возможно, в этом подъезде есть еще Людмилы, – недружелюбно ответила хозяйка квартиры.

– Вы знаете… В общем, я приехала из Ингушетии… К вам приехала… за помощью, – выдавливая из себя каждое слово, заговорила Жанна.

Взгляд женщины стал более пристальным, и она стала с любопытством разглядывать гостью.

– Но чем же я могу вам помочь?

– Я жена Тагира... Вы, наверное, помните его, – с надрывом в голосе сказала Жанна.

Она боялась, что, услышав это имя, женщина не станет слушать ее. Но Людмила лишь молчала, не понимая, что нужно этой молодой женщине, пунцовой от неловкости.

– Я рада, что он женился… Но какой может быть помощь от меня? Насколько я помню, он состоятельный человек и ни в чем не нуждается.

– Понимаете, я не знаю, как вам это объяснить…

– Скажите, как есть. Я все пойму. Уже привыкла и смирилась с его сюрпризами, – несколько раздраженно ответила она.

Жанна старалась подбирать каждое слово. Неосторожная фраза могла навредить ей, но, видя, что терпение ее собеседницы кончается и она уже нервно подергивает ручку двери, наконец, решилась:

– Людмила, я живу с Тагиром уже полгода. Он очень хороший, мне с ним легко…

– Поверьте, мне это неинтересно. Говорите, что вам от меня нужно. У меня собака некормленная, – резко прервала ее женщина.

– Хорошо. Вы, наверное, знаете.… Ну, как это сказать, в общем, что он болен...

– Да, слышала, но я не врач, поэтому, к сожалению, ни ему, ни вам не могу помочь.

– Вы можете помочь мне снять порчу. Я знаю, что это в ваших силах, – выпалила Жанна.

Лицо Людмилы заметно изменилось. Она готова была вспылить, но, видя, как мучительно даются слова пришедшей к ней женщине, решила ее дослушать.

– Я вообще не понимаю, о чем вы говорите. Да, я была знакома с Тагиром, общалась с ним. Но это было так давно. Скорее всего, вас неправильно информировали.

– Но мне об этом сказала гадалка! Она все знает, – почти закричала Жанна.

– Все знает? Тогда зачем вы приехали ко мне? Езжайте обратно к гадалке и просите у нее помощи. Еще раз извините, но мне нужно идти, – сказала она, пытаясь закрыть дверь.

Но Жанна не дала ей этого сделать и вновь стала умолять выслушать и помочь.

– Людмила, я вас очень прошу, пожалуйста, я знаю, что вы можете помочь! Пожалуйста, не отказывайте мне! Я измучилась, только на вас вся надежда, – едва сдерживая слезы, молила она.

– Мне кажется, это не Тагир, а вы больны. Я же сказала вам, что не знаю, о какой порче идет речь. Сначала его брат с угрозами приезжал, теперь вы. Мало ли врут эти гадалки?! Пожалуйста, уходите, сейчас соседи могут выйти.

– Я не уйду, пока вы не поможете мне. Я сделаю все, что вы скажете. У меня есть деньги, драгоценности, только не отказывайте мне, – продолжала говорить без остановки Жанна.

Убедившись, что гостья настроена решительно и никуда не собирается уходить, Людмила пригласила ее в квартиру. Больше всего она боялась, что их разговор могут услышать любопытные соседи и домыслить невесть что. Вслед за Людмилой Жанна прошла на маленькую кухню. Попросив ее немного подождать, хозяйка

стала кормить собаку, поглаживая ее, как ребенка. Сделав еще кое-какие дела, она, наконец, обратилась к ней.

– Может, наконец-то вы представитесь?

– Извините, меня зовут Жанна.

– Так вот, Жанна, теперь внимательно послушайте меня. Сейчас я вас напою чаем, а потом вы отправитесь домой. Я не понимаю, о чем вы говорите, – с ноткой угрозы в голосе сообщила она.

– Людмила, вы можете делать со мной все, что хотите, но я не могу просто так уехать. Я очень устала, намучилась, только вы мне можете помочь, – заплакала Жанна.

– Вот сволочь! Он даже в этом состоянии еще одну душу загубил! – смотря на нее, проговорила Людмила. – Я вот тоже так плакала, умоляла его когда-то не оставлять меня. Я валялась у его ног, а он, переступив через меня, просто ушел. Вы можете понять, на что способна женщина в таком состоянии? Да я чуть с ума не сошла. Резала вены, глотала таблетки, а потом оказалась в больнице. И все благодаря твоему Тагиру, для которого ты приехала просить помощи, – уже кричала она, сама готовая расплакаться. – Никогда я ему не прощу этого, ты слышишь меня? Никогда! Я вижу, ты хорошая и добрая девушка, а он сволочь и не достоин моего прощения.

– Умоляю вас, ради Всевышнего, помогите мне. Я отдам все, что у меня есть, – продолжала Жанна.

– Мне не нужны твои деньги и украшения. Я просто хочу, чтобы он мучился так же, как и я когда-то.

– Людмила, он несколько лет мучается, пролежал во всех больницах. Больше всех страдает его мама. О себе я уже не говорю.

– А зачем тогда вышла? Ты знала, что он болен?

– Да, знала, но об этом долго рассказывать.

– А что тут рассказывать! И так ясно, что на деньги купилась, – зло выпалила она.

– Нет, это не так, совсем не так. Так обстоятельства сложились, я вынуждена была остаться.

– Ну, да, у вас же там дикие порядки, украдут девушку, как барана, а потом делай с ней все, что хочешь, хоть шашлык жарь, – го-

ворила она, стараясь каждой фразой сделать больнее Жанне, через нее отомстить тому человеку, который причинил ей столько боли и оставил глубокий рубец на душе.

Жанна спокойно выслушивала эти упреки, понимая, что измученная женщина имеет на это право. К тому же она чувствовала, что Людмила – человек добрый, а злые слова – это отголоски прошлой боли.

Наконец, высказав все, что накопилось на душе за все эти годы, Людмила обратилась к Жанне:

– Послушай, я вижу, ты хорошая девушка. Зачем он тебе? Как только он выздоровеет, он тебя бросит. Я это вижу лучше, чем любая гадалка. Поверь мне.

– Нет, он совсем не такой, как вы думаете. Он очень хороший, добрый. Пожалуйста, помогите мне. Вся надежда на вас, – умоляюще продолжала упрашивать Жанна.

– Я честно не знаю, чем и как помочь, – задумчиво ответила та. А затем рассказала историю своего знакомства и общения с Тагиром.

Людмила, как и многие ее ровесницы, успешно окончив школу, без чьей-либо помощи поступила в университет. Она нисколько не обращала внимания на комплименты однокурсников, их тщетные попытки приударить за ней. Все ее мысли были об учебе. Редко она посещала модные клубы и даже студенческие посиделки, так как зачастую именно там ей приходилось отбиваться от назойливых ухажеров. Особенно она сторонилась ребят с Кавказа, которые пугали ее своим темпераментом и вспыльчивостью. Однажды к ней подошел красивый юноша, которого она редко видела на занятиях. Представившись, он попросил ее помочь с написанием курсовой работы. Она уже хотела отказать ему, как какая-то неведомая сила заставила ее согласиться, и в последующие дни все свое свободное время она посвятила его курсовой. Иногда они встречались и обговаривали некоторые главы. Людмила успела заметить, что парень не только хорош собой, но и умен. Она не понимала, почему он прогуливает занятия, ленится, когда бог одарил его незаурядными способностями. Некоторые ребята его не особо жаловали, зная, что практически все зачеты и экзамены он покупает, а те, что не может, сдает через таких прилежных студенток, как она. Когда защита их совместного труда прошла успешно и Тагир услышал от преподавателей достаточно лестных слов в свой адрес, он пригласил Людмилу в ресторан. Она сначала отказалась, но на повторную его просьбу почему-то согласилась. Ее подкупало то, что он никогда не говорил громко, не упрашивал настойчиво, в то же время просил так, что сложно было отказать.

За обедом они говорили об учебе, о жизни, словно они были старыми друзьями, а потом он подарил ей дорогие духи.

После этой встречи Людмила долго не видела Тагира и почему-то стала скучать, ждать его очередного приезда. Теперь ему не приходилось о чем-то просить ее, она сама с удовольствием делала все за него, заранее предупреждала о зачетах, экзаменах. На курсе уже стали поговаривать, что эта дружба плавно перешла в более нежные чувства. Со временем в этом убедилась и Людмила. Теперь она как глоток свежего воздуха ждала его приезда, готовая лететь к нему навстречу по первому зову. Ее мало интересовали его подарки, хотя у многих они вызывали зависть, она хотела от него только внимания. Но, кроме слов благодарности и обещаний оказать ей помощь в любую минуту, она ничего не слышала. Подруги настойчиво советовали ей признаться молодому человеку в своих чувствах, но она не решалась, боясь потерять его. Однажды она все-таки набралась смелости и осторожно затронула эту тему, но в ответ лишь услышала, что у него есть девушка и, кроме дружбы, между ними ничего не может быть. Кажется, именно в этот момент она поняла, что безнадежно влюблена и вряд ли добьется от него ответных чувств.

А Тагир вел себя так, словно ничего и не произошло. Он продолжал общаться с ней как с другом, не замечая, что ее глаза излучают совсем иные чувства. Эти муки продолжались два года. Она уже испробовала все способы, чтобы он пересмотрел к ней свое отношение, стал ближе, но все попытки были тщетны. Днем она

была счастлива, потому что он был рядом, а ночью плакала. Видя ее страдания, одна из подруг однажды посоветовала ей приворожить его. Вначале она отказалась от этой затеи, но потом поняла, что это единственный способ заполучить любимого. Через знакомых она раздобыла различные снадобья, которые нужно было подсыпать в еду. Но почти месяц ее попытки были тщетны. Как правило, в студенческой столовой они собирались группой, а в ресторане он не вставал из-за стола и развлекал ее разными историями из своей жизни, не понимая, что от него ждут совсем другого.

Но однажды удача улыбнулась Людмиле, Тагир согласился поехать к ней на обед. Это был, наверное, единственный шанс подсыпать зелье. Она приготовила разные блюда и понемногу в каждое из них подсыпала данные ей гадалкой порошки. Каково же было ее разочарование, когда он отказался от мясных блюд, и, прочитав молитву, поел немного салата, выпил чая. Они долго сидели за столом, говорили о жизни. Но Тагир рассказывал о своих планах, в которые она точно не входила. Он все время повторял имя Азы. Со временем у Людмилы оно стало самым нелюбимым именем. Прошла неделя, а затем и другая, но зелье не действовало. Позже гадалка объяснила ей, что порошки бессильны перед молитвой и попросила принести что-нибудь из его вещей. На какие только ухищрения не шла Людмила, чтобы выкрасть его платок или шарф, но каждый раз они заканчивались провалом. План выкрасть вещь из комнаты в общежитии тоже провалился. Тагир давно переехал на квартиру, а его хозяйка даже слушать ее не стала и прямо перед носом закрыла дверь.

Приближалось лето, а вместе с ним заканчивалась студенческая жизнь. Совсем скоро они должны были получить дипломы об окончании вуза. Если раньше Людмила только об этом и мечтала, то теперь боялась этого, как судного дня. Когда она наконец-то поняла, что все ее ухищрения тщетны, она подошла к Тагиру и снова призналась ему в своих чувствах. Он внимательно выслушал ее, а потом нежно, словно ребенка, погладив по голове, тихо, но очень жестко сказал ей, что, кроме дружбы, между ними ничего

не может быть. Когда он повернулся, чтобы выйти из аудитории, она упала на колени, обхватила его ноги руками и стала умолять не оставлять ее. Он осторожно высвободился из ее плена, переступил через нее и, не обращая внимания на ее рыдания и мольбу, громко хлопнув дверью, ушел.

После этого она видела его несколько раз, но он даже не смотрел в ее сторону. А когда он окончательно уехал из города, она, словно пьяная, пошла в ванную и перерезала себе вены. Она так и не узнала, кто вызвал «скорую», но с того света ее вытащили …

Все ее письма к нему оставались без ответа. Людмила их писала каждый день, придумывая самые нежные слова и даже стихи. Позже были еще попытки суицида, и ее перестали оставлять одну, все время рядом с ней теперь был кто-то из родителей. Постепенно ее чувства к Тагиру перешли в ненависть, и она искала любой способ, чтобы отомстить ему и заставить его точно так же мучиться. Она снова стала ходить к прежней гадалке. Но на расстоянии и без личной вещи Тагира она была бессильна что-либо сделать. И тогда Людмила решилась на отчаянный шаг. Однажды она села на поезд, следовавший в Ингушетию, поселилась в гостинице. Переодевшись до неузнаваемости, нашла его дом и стала просить милостыню. Вначале ей вынесли немного денег и кое-что из продуктов, а когда узнали, что ей нужна теплая одежда для больного мужа, принесли куртку, несколько рубашек и пару брюк. Она от радости чуть не закричала, когда увидела его клетчатую рубашку. Вернувшись домой, она сразу же поехала к гадалке. Позже, по выражению ее лица, она поняла, что результат достигнут. И как подтвердила одна из ее сокурсниц, Тагир действительно заболел. Но на этом ее душа не успокоилась. Она продолжала ныть, причиняя ей боль. Тогда она решила снова уйти из жизни, тихо, спокойно, просто наглотавшись таблеток. Теперь ее не только снова вернули к жизни, но и заставили пройти обязательный курс лечения у психиатра. Этот молодой врач настолько вошел к ней в доверие, что она делилась с ним самым сокровенным. А когда через месяц он сделал ей предложение, не раздумывая вышла за него. С Алек-

сеем, так звали ее мужа, они жили уже три года, но детей так и не смогли завести. Мужа она боготворила, хотя сильных чувств к нему не испытывала. Свою любовь целиком и полностью она отдала Тагиру.

– Ну, вот, пожалуй, и все, – почти с торжественным видом победителя сообщила она.

Жанна слушала ее рассказ с ужасом. Она долго молчала, не смея и даже не зная, что сказать. Выйдя из оцепенения, она решилась спросить, где эта женщина и как снять порчу.

– Даже не знаю. Это было так давно. Возможно, ее и нет в живых. Даже тогда она еле ходила.

– Так не может быть. Мы должны ее найти, обязательно найти, – добавляя нотки угрозы в свой голос, сказала Жанна.

– Найти? Ты хоть знаешь, что ты говоришь? Это было так давно…

– Я все понимаю, но, может быть, она еще жива? Я умоляю вас.

Людмила обреченно посмотрела на Жанну, которая с каждой минутой становилась все настойчивей. Она понимала, что ей плохо и она ждет от нее помощи. Сама когда-то была почти в такой же ситуации.

– На часах почти двенадцать. Скоро муж придет на обед. Пожалуйста, подождите меня у подъезда, иначе будет много вопросов, – сказала она и начала вытаскивать продукты из холодильника.

Жанна вышла из подъезда и стала терпеливо дожидаться Людмилу, которая, как и обещала, пришла спустя час. По ее новому наряду было видно, что она действительно собирается ехать с ней.

– Жанна, я не знаю точно, куда ехать, придется ловить такси. Никогда бы, ты слышишь, никогда бы я не решилась на этот шаг, но мне тебя, а не твоего непутевого мужа жалко. Я отвезу тебя к этой гадалке, а там сама разбирайся, – говорила она, явно раздраженная тем, что ей пришлось оставить домашние хлопоты и ехать с этой незнакомой женщиной.

Через полчаса они выехали из города и оказались в небольшом поселке. За все это время Людмила ни разу не обратилась к ней.

Она лишь изредка показывала водителю дорогу и задумчиво смотрела куда-то в сторону. Вскоре они оказались возле небольшого дома из белого кирпича. Она велела ей подождать и стала настойчиво стучать в дверь. На стук вышла молодая женщина. Они обменялись парой фраз, а затем Людмила подозвала Жанну.

– Должна тебя огорчить, но баба Катя уже два года как умерла. Так что даже не знаю, что делать.

– А что мне тогда делать? Я так надеялась… – плача сказала Жанна, понимая, что рухнула последняя надежда.

Обе женщины беспомощно смотрели на нее. Они не знали, как помочь этой бедной женщине. Наконец, хозяйка дома обратилась к Людмиле:

– Вы помните, что это была за порча? Я иногда слушала бабу Катю и кое-что запомнила.

Людмила рассказала о некоторых деталях, которые с трудом припоминала.

– Скорее всего, вам нужно ехать после полуночи на кладбище сумасшедших. Ну, там похоронены бывшие пациенты нашей психбольницы. А вы помните год и число?

– Примерно, – с ужасом ответила Людмила, понимая, что ей придется ехать с Жанной, которая тоже от всего услышанного стояла словно вкопанная.

– Хорошо, что хоть примерно. Так вот. Обычно баба Катя закладывала тотемы на свежую могилку, под плиту. Придется вам немного повозиться. Но я уверена, что они именно там.

Попрощавшись, женщины сели в машину. Обе снова молчали. Одна понимала, что сейчас ее будут настойчиво просить поехать ночью на кладбище, другая боялась об этом просить, опасаясь, что ей могут отказать. Молчание нарушила Людмила:

– Ну, что будем делать?

– Не знаю, вы же сами все слышали… Я даже не смею вас об этом просить, но сама одна я ничего не смогу сделать…

– Да, это я уже поняла, – задумчиво ответила она. В ее голове в этот момент крутились тысячи мыслей. Она понимала, что сей-

час у нее реально появилась возможность помочь этой женщине, наконец-то покончить с этой историей и очиститься от греха. С другой стороны, как объяснить мужу свой ночной визит? Придется соврать ему, что нужно навестить родителей, решила она. – Жанна, вы в какой гостинице остановились?

– Пока ни в какой. Я прямиком к вам приехала.

– Хорошо. Поселитесь в «Ростове» и ждите меня ближе к двенадцати часам ночи в холле гостиницы. Я приеду.

Жанна радостно и с благодарностью посмотрела на нее и согласно кивнула.

В условленное время Людмила действительно приехала. Все тот же таксист ждал их в машине. Пришлось ехать долго, прежде чем они оказались на месте. Несмотря на просьбу щедро заплатить, шофер отказался их сопровождать. Он лишь несколько раз перекрестился и, сделав вид, что спит, просто не поворачивался больше в их сторону. Убедившись, что фонарик работает, обе женщины двинулись к кладбищу, которое издалека было похоже на большой и черный призрак. Они вдвоем отодвинули еле державшуюся на петличках железную калитку и двинулись в глубь кладбища. Стояла жуткая тишина, которую иногда нарушали ночные птицы, увидевшие на своей территории чужаков. От страха, боясь даже громко дышать, они шли между неухоженными рядами могил. Несмотря на яркие звезды и луну на небе, кругом было темно. Посмотрев вверх, Жанна увидела, что над ними нависают ветви деревьев, напоминая страшных сторожей, охраняющих это царство мертвых. Один раз она поскользнулась и сильно ударилась обо что-то железное. Она еле сдержалась, чтобы не закричать. Так они блуждали минут десять. Наконец, когда цель была уже близка, она почувствовала, как что-то ее удерживает, и попыталась вырваться, но не получилось. И тогда она истошно закричала. В ту же секунду подбежала Людмила с фонариком и, посветив на нее, увидела, что ее кофточка зацепилась за металлический прут.

– Пожалуйста, не кричи, успокойся, это всего лишь прутик, – говорила она, высвобождая Жанну.

Дальше они шли, держась за руки. Наконец появился ряд могил, который по датам подходил им. Людмила отдала фонарик Жанне, приказав светить ей на руки, а сама аккуратно начала копать деревяшкой вокруг плиты. Не обнаружив ничего, она перешла к следующей, а затем к третьей. Здесь что-то было.

– Вот, кажется, мы и нашли то, что искали, – сказала она, с довольным видом вытаскивая небольшой узелок. Но тут же с разочарованием поняла, что это не тот узелок, который она искала: – Господи, я так обрадовалась! Но, видать, еще одна несчастная, как я, тоже положила узелок, надеясь на чудо. – Она с силой швырнула его в темноту.

Несмотря на страх и усталость, она терпеливо от могилы к могиле шла и копала. Под восьмой плитой она снова обнаружила узелок. Аккуратно развернув его, она радостно, словно ребенок, начала громко смеяться:

– Жанна, это то, что мы ищем! Господи, спасибо тебе!

Она развернула его и показала содержимое. Жанну чуть не вырвало при виде маленькой куклы с иголками в голове, высушенной мыши и куска клетчатой рубашки. Там еще были какие-то мелочи, но понять в темноте, что это, было трудно.

– Людмила, пожалуйста, уйдем отсюда, мне очень плохо!

– Думаешь, мне приятно среди мертвецов ходить? Смотри, завтра из этой куклы вытащишь все иголки, и твоему мужу станет намного лучше. – Она протянула ей куклу. Остальное бросила куда-то вдаль, в темноту.

Когда они вернулись, водитель сидел так, словно только что приехал.

– Девушки, у вас там шабаш был? – постарался пошутить он, но, поняв, что женщинам не до шуток, замолчал.

Жанна, несмотря на только что пережитый страх, была счастлива. Она очень надеялась, что это исцелит ее мужа. Людмила сидела словно выжатый лимон, но тоже была довольна, что помогла не только несчастной женщине, но и самой себе. Она была

уверена, что теперь Всевышний обязательно подарит им с мужем малыша, которого они ждали несколько лет.

Когда машина подъехала к гостинице, Людмила спросила:

– Скажи, а как сейчас Тагир?

– Ничего, он очень добрый, внимательный, но болеет немного.

– Да, я об этом знаю. А знаешь, я его все еще продолжаю любить. Даже не знаю, за что и почему. Впрочем, какое это имеет сейчас значение! Постараюсь забыть его теперь окончательно… Жанна, и еще очень прошу… больше у меня вины перед ним никакой нет. Пожалуйста, забудьте мой адрес, меня. Я живу другой жизнью и не хочу, чтобы в ней был кто-то другой, даже Тагир. Вы мне обещаете?

– Да, но я хотела…

– Никаких «но», просто забудьте меня, и все.

– Людмила, может, я как-то смогу помочь…

– Пожалуйста, выходи, мы уже приехали. – Жанна словно в бреду вышла из машины, успев лишь отдать деньги таксисту. В эту же секунду машина умчалась, словно убегала от чего-то страшного.

Ночью она почти не сомкнула глаз, а рано утром, с первыми лучами солнца, уже стояла на мосту и, по очереди выдергивая из куклы иголки, бросала их в воду, а затем отправила в реку и саму куклу. В эту секунду она почему-то искренне верила, что с этой ужасной игрушкой под воду уходят все болезни ее мужа.

Вернувшись в город, она сразу отправилась на железнодорожный вокзал и в тот же вечер села в поезд, державший путь на родину.

Глава 9

Дорога домой казалась Жанне намного короче, и даже усталость и почти бессонная ночь не могли помешать ее хорошему настроению. Она сделала то, о чем давно мечтала. Мысленно она уже рисовала себе картину, как ее встречают здоровый и в прекрасном настроении Тагир, свекровь и другие домочадцы. Все счастливы и

благодарны ей. Но реальность оказалась намного суровей и хуже, чем она могла представить даже в самом кошмарном сне.

Подъезжая к своему дому, она уже издалека заметила, что возле него стоит больше, чем обычно, машин и карета «скорой помощи». От страха у нее душа ушла в пятки. Боясь услышать что-то страшное, Жанна медленно вошла в дом. К счастью, первой ее встретила Фатима, которая, с одной стороны, немного успокоила ее, а с другой – посеяла в ней страшные предположения.

Из ее короткого рассказа выходило следующее. Утром Тагир, как обычно, погулял во дворе, затем в саду, хвастаясь перед Фатимой своими находками, преимущественно насекомыми. Поужинав, он поднялся к себе. Это был обычный режим, который если не устраивал всех, то, по крайней мере, с ним все смирились. Но на следующий день Тагир, как обычно, не вышел из комнаты. Фатима поделилась своими тревожными мыслями с Розой, которая, больше успокаивая себя, ответила, что, возможно, он вечером устал и решил подольше поспать. Но в сердце матери росла тревога. Она никогда не входила в комнату сыновей, когда они там, но сегодня решила нарушить традицию и тихонько постучала в дверь. Никто не ответил. Роза снова постучала и позвала сына, но в ответ была лишь тишина. Тогда она тихо открыла дверь и подошла к Тагиру, который то ли спал, то ли был без сознания. На его лбу выступили мелкие капли пота. Роза положила руку на лоб и сразу почувствовала сильный жар. Решив, что сын накануне простудился и заболел, она тут же распорядилась вызвать врача. Приехавшие медики внимательно осмотрели его и, не обнаружив никаких признаков простуды или другого заболевания, решили ввести ему успокоительное, чтобы он немного поспал. До сих пор мирно лежавший, Тагир как-то тревожно начал отодвигаться от врачей, не открывая при этом глаз. Затем он с силой стал отталкивать от себя всех, кто пытался к нему приблизиться. Такое странное поведение Роза видела впервые. Понемногу она начинала понимать, что с сыном происходит что-то странное, объяснение которому она не могла найти. Наконец, врачам с помощью двоюродных братьев, кото-

рые, узнав о болезни Тагира, тут же примчались, удалось сделать укол. Роза, с расширенными от ужаса глазами, наблюдала за тем, как ее сын начал дико хохотать, когда ему вводили лекарство. В эту минуту он был похож на сумасшедшего наркомана, который долгое время ждал заветную дозу и, наконец, получил ее. Весь день и всю ночь он потом хорошо спал, но на утро следующего дня все вновь повторилось. Пришлось снова вызывать «скорую». Именно в это время и вернулась домой Жанна.

Выслушав подругу, она поднялась в комнату мужа. Ей открылась тревожная и горестная картина. Врачи и еще несколько родственников стояли над Тагиром, стараясь выполнить какие-то процедуры, а чуть дальше, с выражением испуга на лице, наблюдала за происходящим свекровь. Жанне показалось, она увидела какое-то смешанное чувство на ее лице. С одной стороны – радость, с другой – укор за то, что она оставила мужа и уехала....

– Как хорошо, что ты приехала, – сказала она, стараясь скрыть свои подлинные чувства. – Почему так быстро? У тебя все хорошо?

– Да, мама, у меня все хорошо, – почти не глядя на нее, ответила Жанна. – Мне Фатима вкратце все рассказала, а что говорят врачи? – обратилась она с вопросом к свекрови, словно рядом и не было медиков.

– Они делают все возможное, но они же не боги, – почти с рыданием в голосе ответила она. – Вот со вчерашнего дня он кушать отказывается, температура не спадает. До последнего ждала, но сейчас придется сказать Тамерлану, – с каким-то отчаянием сообщила она.

– Мама, не отчаивайтесь, все будет хорошо. Может, это очередная простуда, – говорила Жанна, хотя прекрасно понимала, что причина совсем в другом.

Как только она услышала от Фатимы, что Тагиру плохо, она сразу догадалась, что это порча понемногу начинает покидать его тело. Но, как глубоко верующий человек, она отказывалась во все это верить.

Врачи, сделав очередной укол и посоветовав обследовать Тагира в Ростове или Москве, уехали. Поняв, что без помощи Тамерлана не обойтись, родственники сообщили ему о беде. Тамерлан прилетел ближайшим рейсом, а Тагиру становилось все хуже и хуже. Несмотря на все усилия, не удавалось сбить температуру, он начал бредить и говорить какие-то странные и невнятные слова. Жанна, плача, проклинала себя, что послушалась какую-то гадалку и пошла на эту сомнительную сделку с дьяволом. Когда стало понятно, что медицина не в силах чем-либо помочь, решили позвать муллу. Велев женщинам выйти из комнаты, Тамерлан, в любых ситуациях остававшийся хладнокровным, старался изо всех сил сдерживать свои эмоции. Можно понять, чего ему стоило, чтобы не заплакать, видя, как его единственный и любимый брат покидает его! Он сильно сжал его руку, стараясь удержать жизнь в этом сильном и молодом теле. Тамерлан поднес руку брата к губам и тихо начал просить Всевышнего не забирать его. Но каково же было его удивление и удивление пришедшего старика, когда после первых же строк из священного писания, тело Тагира начало биться в конвульсиях, словно через него пропустили электрический ток. Впервые в жизни Тамерлан услышал бранную речь из уст Тагира. На лице старика он заметил растерянность, которая затем сменилась ужасом. Не веря до конца, он сообщил ему, что в теле этого юноши находится джинн. Тамерлан много раз слышал и даже один раз видел, как его изгоняют из человека, но сейчас он верил в это с трудом. Он еще раз переспросил и, убедившись, что ему не показалось, тихо отпустил вспотевшую руку брата.

– Вoти[1], что можно сделать, как помочь? – почти с мольбой обратился он к мулле.

В эту минуту этот сильный и мужественный парень стал беспомощным ребенком, который ждал помощи от старого и немощного старика.

Мулла немного подумал, а потом вынес неутешительный вердикт:

[1] Вoти (инг.) – дядя, обращение к почтенному старшему.

– Так легко, как нам хочется, его излечить не удастся. Тут нужно очень много физической силы. А я, как видишь, уже стар для этого. Придется позвать кого-то помоложе, – ответил он. И, видя растерянное лицо парня, добавил: – Ты не отчаивайся, его можно вылечить. В молодости не таких еще джиннов изгоняли. А давно он болеет? – обратился он с неожиданным вопросом к нему.

– Года четыре. Но он всегда был тихим и спокойным. Таким он стал только несколько дней назад.

– Скорее всего, в него вселился добрый джинн, но сейчас его что-то встревожило или он проснулся. Не знаю даже как это объяснить, но излечить его можно, – повторил он и торопливо ушел, обещав сегодня же прислать одного знакомого муллу.

В тревожном ожидании шли минуты, а затем и часы. Ближе к полуночи, как и обещал старик, приехал молодой парень, на вид ему было лет двадцать пять. Старше своего возраста Османа, так его звали, делали борода и какой-то суровый взгляд, взгляд взрослого мужчины, перенесшего многие тяготы жизни. По тому, как тот уверенно раскладывает Коран и другие священные книги, Тамерлан догадался, что парень этим занимается не впервой. Дальнейшие его действия были столь пугающие, что не поддавались никакому объяснению. Он попросил положить больного так, чтобы ноги были в изголовье кровати, а сам, наклонившись к его левому уху, начал что-то нашептывать. По тому, как он периодически заглядывал в Коран, Тамерлан догадался, что именно священное писание должно помочь излечить его брата. Постепенно он начал монотонно стучать по груди Тагира, массажировать шею, голову. До этого спокойно лежавший, больной вначале попытался высвободиться из рук Османа, потом начал стонать, а затем комнату оглушили дикие крики. Тамерлан стоял, покраснев от напряжения. Его руки сильно сжались, ногти впились в кожу. В другое время он отбросил бы этого странного парня от Тагира, который своими действиями причинял немыслимую боль его брату, но сейчас он понимал, что он старается ради его же излечения. Священнослужитель постепенно стал что-то читать все громче. Затем он

стал сильнее бить по груди больного, при этом приказывая кому-то покинуть тело юноши. Тамерлану и подошедшим только что ребятам силой приходилось удерживать Тагира, чтобы он не вырвался из рук Османа, который, вспотев и покраснев от усилий, продолжал изгонять джинна.

До Жанны, как и до всех в доме, доходили эти дикие крики, ругань Тагира, которую она доселе не слышала. Порой она просто затыкала уши и навзрыд плакала. Она тысячу раз пожалела, что поехала к Людмиле. Сейчас она готова была жить с таким Тагиром, каким она его знала.

Через час Осман, почти без сил, отошел от Тагира. С его лица ручьем тек пот, а рубашка была мокрая, словно он вышел из парилки. С удовлетворением он сказал:

– Тамерлан, на сегодня хватит. Я думаю, что через месяц-другой мы его излечим. Джинн легко поддается.

Услышав, что страдания его брата будут продолжаться еще пару месяцев, Тамерлан почти воскликнул:

– Неужели нельзя все это закончить раньше?

– Нет, нельзя. Организм больного не выдержит. Это не так легко сделать, как тебе кажется.

Он снова начал собирать все, что принес с собой, попросив обязательно находиться рядом с Тагиром, лежавшим почти в бессознательном состоянии.

В эту ночь дежурить возле Тагира вызвался Тамерлан. Он никому не хотел доверять брата.

Теперь подобные процедуры повторялись почти каждый день. Привыкнуть к этим душераздирающим крикам было очень сложно. Розе пришлось два раза вызывать «скорую помощь». Она не поддалась ни на какие уговоры Мадины и Марет уехать на какое-то время к родственникам, которые, услышав о случившемся, оставив свои семьи, тоже приехали из Москвы. Она готова была терпеть все эти муки, лишь бы быть под одной крышей с сыном. Это время для Жанны превратилось в настоящий кошмар. Днем она бегала, принимая многочисленных гостей, приехавших про-

ведать Тагира, помогала на кухне, а ночью по очереди дежурила у кровати больного мужа. Несмотря на его категорический отказ принимать пищу, им удавалось заставить его хоть немного перекусить. Сейчас на его измученном и бледном лице не было той детской непосредственной улыбки, взгляд стал каким-то отрешенным. Он смотрел на нее и на всех остальных членов семьи, как на чужих людей, причиняющих ему немыслимую боль. В минуты, когда она оставалась с ним наедине, Жанна намоченной в холодной воде салфеткой протирала ему лицо, кормила с ложки. Она не могла сдержать слезы, когда видела его тело все в синяках. Он и сейчас для нее оставался самым идеальным мужем, о котором можно мечтать. О том, чтобы выйти на работу она и не думала. Кардинально изменить свой график пришлось и другим членам семьи. Тамерлан буквально на день-другой летал в Москву, чтобы проверить, как идут дела, и снова возвращался. Марет и Мадина тоже по очереди летали домой. Осман исправно приходил точно в одно и то же время, и тогда каждый из домочадцев старался уйти в дальние комнаты, чтобы не слышать крики Тагира. Они и не заметили, как подошло к концу лето, которого Жанна так ждала. Дни становились короче, а вечера уже немного прохладней. В воздухе с каждым днем все сильнее чувствовалось дыхание осени. Деревья и трава начали одеваться в желтые наряды.

На календаре было 4 сентября. Этот день ни Жанна, ни другие члены семьи никогда не забудут. После очередной процедуры в доме снова разразился дикий крик, но уже похожий на женский. Спустившийся вниз Тамерлан, несмотря на усталость, излучал радость.

– Кажется, теперь все закончилось. Осман сказал, что удалось изгнать джинна.

Эти слова сейчас звучали как-то смешно, словно они были из сказки. Никто не мог поверить, что Тагир все эти годы мучился из-за какого-то джинна, которого никто не видел и не слышал. Но факт оставался фактом: больному действительно стало лучше. Жанна быстро поднялась в комнату мужа. Она увидела его почти

бездыханное тело на кровати. Осман довольно потирал руки. И, чтобы закрепить свой результат, снова читал молитву. Но Тагир ни разу не пошевельнулся, не сказал ни одного слова.

– Сейчас ему нужно поспать. Думаю, что он проспит как минимум сутки. Не тревожьте его, – сказал Осман, попросив всех покинуть комнату. Но Тамерлан решил снова остаться с братом.

Глава 10

Прошло две недели с того дня, как Тагир окончательно выздоровел. За это время в доме был исполнен мовлид, на который съехались многочисленные родственники, в том числе близкие и родные Жанны. Это было их первое официальное посещение ее дома. Счастью людей не было предела. Все приходили смотреть на Тагира, как на святого. А он покорно принимал поздравления, до конца не понимая, что с ним на самом деле случилось. Его уставшее тело и измученная душа требовали отдыха. Но гости шли и шли. Жанна старалась изо всех сил оградить его от назойливых родственников, но ей это плохо удавалось. Лишь спустя несколько дней она смогла остаться наедине с мужем и спокойно поговорить с ним. Разговор как-то не клеился. Он, стесняясь, благодарил ее за все, что она для него сделала. Сам, конечно же, Тагир ничего не помнил, но по рассказам матери знал, что это его супруга, которая была с ним в самые тяжелые дни и месяцы. Их общение напоминало двух совершенно посторонних людей, которые совсем недавно познакомились. Жанне было сложно теперь привыкнуть к своему мужу, которого, как ей казалось, она раньше хорошо знала. Но теперь это был совершенно другой человек, к которому нужен был совсем иной подход. Иногда она ловила на себе его взгляд. Он с большим интересом разглядывал ее, изредка спрашивал о ком-то из родственников, пытался вспомнить прошлое. Память действительно к нему стала возвращаться. Он уже поименно помнил всех племянников, начал вспоминать некоторые эпизоды из своей жизни.

…Жанна была счастлива. Наконец-то она зажила полноценной супружеской жизнью. Не нужно было внимать капризам Тагира, рассказывать ему сказки, играть в различные детские игры. Реки их жизней слились воедино и понеслись бурным потоком между тихими берегами. Роза от счастья забыла обо всех своих болезнях. Она с радостью наблюдала, как весело о чем-то разговаривают ее сын и сноха, как они трепетно относятся друг к другу. Она боялась нарушить эту гармонию и всячески старалась не мешать им. Перед сном она всегда просила Тагира заглянуть на минуту к ней. И каждое ее наставление заканчивалось тем, что она просила его быть вежливым со своей супругой, уважать и ценить ее.

Наконец-то в этом доме воцарились спокойствие и любовь. Марет и Мадина теперь окончательно вернулись к своим семьям, а Тамерлан, убедившись, что его брат теперь здоров и ничто ему не угрожает, все-таки продолжал почти каждый вечер звонить и справляться о его здоровье. Несмотря на протесты Жанны, свекровь заставила ее и Тагира поехать на отдых в Кисловодск. Впервые в жизни она оказалась в санатории. С утра они принимали различные процедуры, а потом шли в парк. Тагир с неподдельным интересом смотрел на людей, любовался природой, словно он никогда этого не видел. А великолепие, окружающее их, действительно могло поразить любого. Особенно им нравился Курортный проспект, по обе стороны которого расположились скамейки с отдыхающими, а посредине – разноцветные клумбы, одна краше другой. Им иногда казалось, что они плывут по цветочной реке. Деревья к осени, словно сказочные красавицы, тоже приоделись в яркие зелено-желтые, багровые наряды.

Все вокруг было сказочно прекрасным, может быть, именно потому, что Тагир и Жанна были здесь абсолютно счастливы.

– Скажи, Тагир, а каково это – быть высоким? Мне всегда хотелось быть высокой, чтобы дышать свежим воздухом, – сказала она, до конца не понимая, какой странный и детский вопрос она задает супругу.

– Жанна, а тебе кислорода не хватает? – еле сдерживая смех, переспросил он.

– Нет, ну, просто так спросила…– слега обиженно ответила она.

– Вот ты умная, образованная, а такие вопросы задаешь. Чем выше, тем меньше кислорода. И вообще, перестань комплексовать по поводу своего роста. Маленькие женщины созданы для настоящих мужчин, – сказал он, весело подмигивая ей.

Затем Тагир снова попросил жену рассказать ему о том, что происходило в то время, когда он болел. Она подробно все пересказывала, утаивая лишь подробности своего выхода за него замуж. Ей казалось, что сейчас говорить об этом излишне и неуместно. Она была уверена, что со временем он обо всем и сам узнает.

Однажды они пошли на местный рынок. Несмотря на возражения Жанны, он накупил ей множество самых различных украшений и сувениров. Вечером они их внимательно разглядывали, а Тагир комментировал каждую вещь, прося Жанну примерить то одно, то другое… Опьяненные счастьем, они даже и не заметили, как пролетели три недели и подошло время возвращаться домой.

– Жанна, мне так понравилось здесь, – с грустью заметил Тагир перед отъездом.

– Да, это прекрасное место.

– Может, скоро снова вернемся? Мне очень хорошо с тобой, так хорошо, как не было никогда.

Жанна покраснела от этих слов. За все это время он впервые признавался ей в своих чувствах. Видя смущение своей жены, он, смеясь, добавил:

– Неужели остались еще девушки, которые смущаются?! – И, словно отвечая на свой же вопрос, добавил: – Кажется, одна такая осталась, и она досталась мне.

Постепенно осень вступала в свои права: дни становились все короче и холоднее. Жанна с ностальгией вспоминала свою школу, учеников. Оставшись наедине с Тагиром, она подробно рассказывала ему о своей работе, школьной жизни. Он внимательно слу-

шал ее, как бы заново открывая для себя ее характер и потайные струны души.

Однажды вечером он сообщил, что решил выйти на работу. Чем конкретно будет заниматься ее муж, Жанна не знала. По отрывкам его разговора с Тамерланом, она поняла, что он вновь возглавит сеть автозаправок, которыми во время болезни Тагира заправлял их двоюродный брат. При всем уважении к своим родственникам Тамерлан хотел, чтобы бизнесом управлял кто-то из членов его семьи. С одной стороны, Жанна обрадовалась, что муж наконец-то выздоровел и может самостоятельно работать и принимать решения, с другой – она так привыкла быть рядом с ним, что боялась потерять то хрупкое счастье, которое сама же построила, пройдя через многочисленные испытания.

– Тагир, а может, ты до весны подождешь? – постаралась она отговорить мужа.

– А что изменится весной?! Я здоров и способен теперь самостоятельно вести дело. Мне и так неловко перед вами. Все эти годы, как бездельник, просидел дома…

– За это ты меньше всего должен себя упрекать. Твоей вины в этом нет. Просто я переживаю… Ну, ты же давно не водил машину.

– Пока буду ездить с Ахмедом, а там будет видно, – задумчиво ответил он.

На следующий день Тагир действительно уехал. Жанне казалось, что она отправляет его не на работу, а на фронт. Проводив его до ворот, она со слезами на глазах вернулась в дом. Роза теперь почти не выходила из дома, жалуясь на боли в коленях, поэтому всю заботу о хозяйстве Жанна взяла на себя. Обходя свои владения, она только сейчас поняла, каким огромным хозяйством обладает. Здесь все работало как часовой механизм, где каждый отвечал за свой участок работы. Одни подметали двор, который за ночь вновь покрывался листьями и другим мусором, другие убирали дом, третьи возились на кухне. Жанна вдруг вспомнила, что в этой суматохе совсем забыла о своей подруге. Походив немного

по дому, она, наконец, нашла Фатиму, неспешно убирающую в гостиной.

– Ты, наверное, обиделась, что я ни разу не зашла к тебе? – спросила она, увидев, с каким равнодушным видом встретила ее подруга.

– Нет, нисколько. Я же знаю, что сейчас тебе не до меня. Ты вон со своим идеальным целый день воркуешь, – насмешливо сказала она.

– Неужели до сих пор вы его так называете? – кокетливо спросила Жанна.

– А как же?! Уж теперь-то он точно таковым и является. Таких мужей нужно поискать. Как бы вас не сглазили, – усмехнулась она и постучала по дереву.

– Да, мне действительно хорошо, я абсолютно счастлива, – задумчиво и радостно ответила Жанна.

Подруги вновь стали обсуждать все последние события. Фатима делилась своими домашними проблемами, жаловалась на снох, которые только и умеют, что целый день бездельничать, и не заботятся о ее малыше. Жанна внимательно слушала ее, но сейчас при всем желании ей трудно было понять ее, проникнуться ее проблемами и переживаниями. Счастливый человек видит мир через розовые очки, а чужие проблемы воспринимает как что-то далекое.

Глава 11

Казалось, жизнь Жанны постепенно становилась похожей на жизнь сотен и тысяч женщин, которые, пройдя через испытания, наконец, обрели долгожданное счастье.

Тагира теперь она видела редко. С раннего утра и до позднего вечера он был занят работой. Привычными в доме стали разговоры о заправках, о бензине. Она ничего в этом не понимала, но с большим удовольствием слушала рассказы мужа об удачных сделках. Он с таким азартом занимался этим бизнесом, что ей порой казалось, что больше его в жизни ничего не интересует. В свободные

часы она старалась навестить Мустафу и няци Зейнап. Несмотря на то, что Адам женился, в доме так и не появилась новая хозяйка. Молодые предпочли жить вместе в Ростове, чему не стали возражать родители. Посидев час-другой с тетей, Жанна ехала домой. До приезда мужа ей хотелось быть дома, чтобы самой накормить его. Да и свекровь нуждалась во внимании и заботе. Но в ее спокойную и размеренную жизнь ворвалась беда, которая, ее если не поменяла, то в значительной мере на нее повлияла.

Однажды вечером она, как обычно, накрывала на стол, когда к ней подошла Фатима и полушепотом сообщила, что ей необходимо сказать что-то важное. Жанна минут десять повозилась на кухне, чтобы не вызвать никаких подозрений у Зары, а затем поспешила к подруге.

– Фатима, что случилось? После всего, что мы пережили, вряд ли что-то может меня удивить, – заметила она.

– Ты только не волнуйся, может, это очередные сплетни… – Она замолчала, не решаясь продолжать. – Я сегодня стала невольной свидетельницей разговора наших снох. В общем, они говорили о Тагире … Ну, что он снова стал общаться с Азой.

Жанна вначале не поняла, о ком идет речь, но в следующую секунду до нее дошло, что речь идет о той девушке, которую Тагир когда-то безумно любил.

– И что говорят? – спросила она, боясь услышать страшную новость.

– Ничего такого здесь нет. Просто Аза доводится дальней родственницей нашей младшей снохе. Так вот, она где-то говорила, что он пару раз заезжал к ней в больницу. Но я думаю, что это Аза больше преувеличивает. Она такая! – со злостью выпалила Фатима.

Но как бы то ни было, люди не просто так говорили. Значит, во всей этой истории была какая-то доля правды. Видя задумчивое и несколько обеспокоенное лицо своей подруги, Фатима добавила:

– Рано отчаиваться. Кто его знает, может, они случайно встретились. Всякое бывает. Но ты контролируй его. За такими мужчи-

нами глаз да глаз нужен. Он мужчина видный, и женщины возле таких так и кружат.

Жанна поблагодарила подругу и, попросив ее сообщать ей любую новость, связанную с мужем, вернулась на кухню. Позже приехал и Тагир. Он как всегда был в приподнятом настроении. Жанна всячески старалась скрыть тревогу, но по ее лицу Тагир догадался, что с ней что-то происходит.

– Послушай, что-нибудь случилось? На тебе лица нет. Ты какая-то странная, – сказал он, внимательно разглядывая ее.

– Нет, все хорошо, просто вспомнила родителей, – сказала она, не успев придумать ничего другого.

– Ну, вот еще. Они в раю, и не нужно об этом думать и расстраивать себя, – заметил он и, замолчав, сел за стол.

Прошло еще несколько дней, и Жанна начала потихоньку успокаиваться, надеясь, что это чьи-то злые языки или сама Аза распространили эти нелепые слухи. Фатима тоже соглашалась, что такие разговоры беспочвенны. Обе надеялись на благоразумие Тагира. Однако буквально через два дня Фатима ошеломила ее очередной новостью, сообщив, что накануне ее муж с большим букетом роз приезжал к Азе, а потом они вместе куда-то уехали. О его визитах в больницу уже знали многие. Жанна не смогла сдержать слезы. Она никогда не думала, что будет ревнивой женой, сцены ревности всегда казались ей глупостью, придуманной взбалмошными женщинами, но сейчас, когда это коснулось ее, она была готова рыдать от обиды. Самый близкий и родной ей человек предал ее. Вечером, когда они поднялись к себе в комнату, Жанна решила поговорить начистоту.

– Тагир, ты можешь мне честно ответить на один мой вопрос?

– Да, конечно, а что случилось? – спросил он удивленно.

– Я не хочу в это верить, но ты же знаешь, люди разное говорят…

– Да, люди разное говорят, но какое это имеет отношение ко мне?

– Просто накануне сказали… Ну, что ты снова общаешься с той женщиной.

– Какая женщина? О чем ты говоришь? – резко и очень грубо ответил он. – Ты поменьше слушай все эти разговоры. И вообще, пора о ней забыть. Она живет своей жизнью и занимается воспитанием своего сына.

– Я бы с удовольствием забыла ее, но людям рот не закроешь…

– Ты предлагаешь мне это сделать? – повышая голос, ответил он.

– Нет, просто я хочу, чтобы ты не совершал поступки, за которые пришлось бы стыдиться членам нашей семьи. Я имею в виду не себя, а маму и Тамерлана.

По лицу мужа Жанна понимала, что он готов накричать, нагрубить ей, но изо всех сил сдерживается.

– Послушай, никогда больше не говори со мной на эту тему. Если когда-то что-то было, это не значит, что я до сих пор с ней общаюсь. Я все время на работе. Я не знаю, от кого ты это услышала, сидя дома, но этот человек ни тебе, ни мне не желает добра, – холодно ответил он, давая понять, что дальше говорить на эту тему не следует.

Поняв, какими последствиями чреваты разговоры на эту тему, Жанна промолчала, еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. Этот разговор внес холодок в их отношения и, как показалось Жанне, немного отдалил от нее мужа. Все последующие дни она старалась делать вид, что ничего не произошло. Почему-то во всей этой истории она считала виновной себя и всячески старалась загладить свою вину. Но Тагир ходил обиженным и через силу отвечал на ее вопросы. Роза видела, что отношения ее сына и невестки не такие, как прежде, но спросить у них, что случилась, не решалась. Она знала, что между супругами всякое бывает, но потом все сглаживается.

Но пока у них ничего не менялось. Жанна чувствовала, что муж потихоньку отдаляется, позже приходит с работы и, сославшись на усталость, предпочитает пораньше ложиться спать. Эти равнодушие и холодность угнетали ее больше всего. Она несколько раз хотела поговорить со свекровью, но так и не решилась. Что

могла сделать пожилая женщина? Да и как ей объяснить, что ее сын связался с разведенной женщиной? Это могло окончательно подорвать ее здоровье. Она решила терпеть и ждать.

Зима в этом году пришла рано. На деревьях еще были зеленые листья, а кругом уже лежал снег. Но эти удивительные картины природы мало интересовали Жанну. На душе лежал тяжелый камень, все мысли ее были связаны с мужем, с той ситуацией, в которой они оба оказались. Но, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Однажды вечером Розе стало плохо, поднялось давление. Приехавшие врачи после долгих попыток, наконец, сбили высокое давление. Все это время она просила, чтобы рядом с ней был Тагир, но он как назло задерживался. На работе сообщили, что он с обеда куда-то уехал. Когда Жанна осталась наедине со свекровью, та встревоженно спросила:

– Скажи, что между вами происходит? Я же вижу, что-то случилось.

– Мама, ничего не произошло, не стоит из-за этого волноваться.

– Нет, я должна знать. Когда я умру, вот тогда и делайте все, что хотите, – с обидой сказала она.

– Не говорите так. Это небольшая размолвка, но все будет хорошо.

– И тем не менее, я об этом должна знать, – настаивала на своем Роза.

Жанна вкратце рассказала о том, что услышала накануне, утаив лишь имя тайного осведомителя. Лицо Розы заметно изменилось.

– Люди разное говорят, думаю, что женщина из такой хорошей семьи не будет пачкать доброе имя своих родителей. Тем не менее, мне нужно поговорить с сыном. Я не позволю, чтобы о моем сыне говорили что-то плохое, – жестко отреагировала она.

– Мама, он будет меня винить. Пожалуйста, ничего не говорите, может, действительно, люди оклеветали…

– Русские, знаешь, как говорят: дыма без огня не бывает. Я должна с ним поговорить, как бы тяжело мне это ни было.

Жанна поняла, что переубеждать ее бесполезно. Вечером она со страхом ждала возвращения мужа. Когда после ужина Роза попросила Тагира зайти к ней, у нее душа ушла в пятки. В какую-то минуту она хотела сбежать из дома. Прошли тревожные минуты ожидания. Вскоре он вышел весь багровый. По брошенному на нее взгляду она поняла, что ничего хорошего ждать ей не приходится. Он был в ярости, и, скорее всего, не накричать на нее ему мешало обещание, данное матери.

Но ночью ей не удалось избежать этого разговора.

– Я вот не могу понять, какую цель ты преследуешь. С виду добрая и тихая, а вот что-нибудь сделаешь, прямо страшно становится, – зло выпалил он.

– Да, внешний вид действительно бывает обманчивым, – парировала она.

– Мы же накануне обо всем поговорили, неужели нужно было об этом рассказывать матери? Ты же знаешь, что она больна, ей нельзя волноваться.

– Я все это знаю. Она сама заставила меня все рассказать. Но сейчас это не столь важно. Ты же сам видишь, что ты изменился, спутался с кем-то…

– Не смей так говорить. И вообще, не лезь в мою жизнь. Чего тебе не хватает? Ты же купаешься в роскоши, работать не нужно, по дому ничего не делаешь!

– А ты считаешь, что в этом и заключается счастье женщины?!

– Тебе не хватает внимания? И тебе не стыдно мне в этом признаваться? – уже кричал он. – Я знаю, кто тебе эти сплетни приносит. После общения с этой Фатимой в тебя словно бес вселяется. Ничего, скоро я лишу тебя этого удовольствия! – угрожающее бросил он.

Жанна поняла, что дальше говорить с ним бесполезно. Связавшись с этой женщиной, он потерял свое истинное лицо. Сейчас он говорил чужие слова, стараясь каждой фразой сделать ей больней. Выслушав его длинный монолог на тему человеческой неблагодарности, она, ничего не говоря, ушла в свою комнату, в которой

и проревела почти до утра. Все последующие дни она также провела в своей комнате, не желая видеться с мужем. Похоже, сейчас Тагира это вполне устраивало.

В этой неразберихе она даже не заметила, как пропала Фатима. Никто не мог сообщить толком, куда она делась. Лишь Зара почти плача сказала, что накануне она собрала вещи и поспешно ушла из дома. «Все-таки он исполнил свою угрозу. Так он старается оградить меня от всех слухов», – с горечью подумала она. Ей хотелось плакать, что из-за нее подруга потеряла работу – единственный источник дохода. Роза тоже молчала. Но по ее виду она догадалась, что ее свекровь сидит в ожидании чего-то или кого-то. И вот, спустя почти неделю после этого скандала, приехал Тамерлан. Он делал вид, что не в курсе событий, но его чрезмерная любезность выдавала его. Конечно же, он приехал поговорить с братом и наставить его на истинный путь.

А вечером разразился скандал. Никогда еще Жанна не слышала, чтобы в их доме стоял такой ор. Тамерлан кричал, в ответ слышались едва различимые фразы Тагира. Он пытался оправдываться, объяснять, что все это наговоры людей. Но его аргументы слабо действовали на решительно настроенного брата. Он требовал не позорить их семью и больше не устраивать в доме скандалы. «Она золотая женщина. Ты такую на миллион одну не сыщешь. Цени, а все свои похождения оставь, пока не перешел черту», – кричал он, не боясь, что их слышат все домочадцы. По тому, что речь становилась все тише и тише, Жанна догадалась, что Тагир соглашался со всем, что ему говорил старший брат. Он знал, что противоречить ему нельзя ни при каких обстоятельствах. После этого в доме на несколько дней воцарилось спокойствие. Но Жанна и Тагир по-прежнему жили в разных комнатах и продолжали хранить молчание.

Глава 12

Но однажды разговор все-таки состоялся, и он позволил Жанне найти единственное верное решение в этой непростой ситуации. Она, как обычно, приводила комнату в порядок, когда вошел Тагир.

– Я забуду про все, что ты сделала. Но впредь не смей лезть не в свои дела, точнее, в мою жизнь, – спокойно произнес он, надеясь, что жена согласно кивнет головой.

– Я думала, что у супругов нет друг от друга секретов, что мы живем одной жизнью, – холодно ответила она.

– Ты вообще много чего себе надумала. В этом доме принято, чтобы женщины беспрекословно слушались мужчин. Жаль, что тебе с первого дня это не объяснили, – с вызовом заметил он.

– Ты знаешь, мне многое тогда не объяснили. Если бы с самого начала я знала все, возможно, и этот разговор бы не состоялся, – парировала она.

– Я понял, на что ты намекаешь. Извини, но насильно тебя никто не держал, могла бы сразу уехать, – желая заставить ее замолчать, сказал он.

У Жанны от обиды выступили слезы. Человек, из-за которого она столько настрадалась и даже в какой-то миг поставила крест на своей личной жизни, говорил ей такие слова, которые разрывали ей сердце.

– Тагир, я не знаю, чего ты хочешь, какую цель преследуешь, но за какой-то месяц ты изменился до неузнаваемости. Я не заслужила, чтобы ты меня вот так оскорблял, унижал.

– А я заслужил то, что со мной никто из родных нормально не разговаривает? Из-за тебя я стал изгоем в собственном доме! Даже мама, ты слышишь, моя родная мама злится на меня. И все по твоей милости. Кто тебя тянул за язык? Почему ты вообще полезла в эту историю? Да, я встречался и встречаюсь с этой женщиной. И что теперь? Ты хочешь, чтобы я этого не делал? Никогда! В отличие от тебя, я ее люблю! – кричал он, не понимая, какую смертельную обиду наносит своей жене.

Жанна стояла и плакала, не в силах что-либо возразить. Она вдруг поняла: все эти разговоры после болезни и в санатории были неискренними. Просто тогда он пытался отблагодарить ее за то, что она в самое трудное время была с ним, мучилась и терпела его.

– Я все поняла. Больше мне в этом доме делать нечего. Желаю обрести счастье с любимой, – тихо, но твердо ответила Жанна.

– Живи, никто тебя не гонит. В этом доме всем места хватит. А те, кто переступает порог этого дома, никогда не возвращаются, – сказав это, он настолько сильно хлопнул дверью, что у нее зазвенело в ушах.

Она еще долго лежала в своей комнате, рыдая. Тысячи вариантов прокрутила в голове, но ничего не придумала, кроме как покинуть этот дом. Она долго не решалась войти в комнату свекрови. Однако не сказать ей о своем уходе не могла. Увидев заплаканное лицо невестки, Роза изменилась в лице.

– Что опять случилось? Неужели он продолжает тебя мучить? – удивленно воскликнула она.

– Мама, я так больше не могу. Я хочу уйти, – плача ответила Жанна.

– Подожди, подожди. Что значит – уйти? Ну, мало ли что в гневе муж может сказать. Подожди, присядь. – Она усадила ее рядом с собой и заставила передать ей все, что та услышала от Тагира.

– Нет, мой сын не мог сам до такого додуматься, он повторяет чужие слова, – гневно воскликнула она, имея в виду Азу. – Я вот что тебе скажу. Сейчас бесполезно что-либо ему говорить. Ты поезжай домой, поживи несколько дней. Но я прошу тебя, своим ничего не говори. Им и без наших проблем забот хватает. А я заставлю его приехать к тебе и извиниться.

Она встала и, открыв дверцы стоящей недалеко тумбочки, достала оттуда деньги.

– Вот, повези своим гостинцев. Скажи Зейнап, что мне стыдно за то, что я давно не навещаю ее. Как только мне станет лучше, я обязательно приеду.

Жанна не хотела брать деньги, но потом, тем не менее, согласилась. В эту минуту она не знала, вернется ли еще в этот дом. Сейчас ей было настолько плохо, что не хотелось думать о чем-либо, не говоря о том, чтобы строить планы дальнейшей совместной

жизни с Тагиром. Попрощавшись, она вышла из дома и впервые за все время замужества вызвала такси и уехала домой, даже забыв по дороге купить сладости и фрукты.

Няци Зейнап была несказанно рада видеть любимую племянницу. Жанна изо всех сил держалась, чтобы не разрыдаться. Она улыбалась, старалась поддержать разговор.

– Как хорошо, что тебя отпустили на несколько дней. Я так рада! Жаль, что Адама с Луизой нет дома. Они по тебе соскучились, – говорила она, с любовью разглядывая Жанну.

– Да, очень жаль. Я и сама по ним скучаю.

После тетя стала подробно рассказывать, что произошло у родственников, соседей, думая, что ее племяннице все это интересно. За несколько дней Жанна так и не проронила ни одного слова, надеясь, что муж приедет и она сможет спокойно с ним поговорить. Но этого так и не случилось. На третий день она была вынуждена рассказать тете все, что произошло. Выслушав племянницу, няци Зейнап запричитала:

– О, Аллах, не успел выздороветь, а уже чем стал заниматься! А та женщина?! Она не боится, что люди скажут?! Вообще стыд потеряли, – искренне возмущалась она.– Поживи, конечно же, пока у нас. В таком состоянии мужчина на все способен. Роза мудрая женщина, она наставит своего сына на истинный путь, – заключила она, не зная, радоваться ей или огорчаться, что ее племянница остается у нее дома.

Но прошла неделя, а затем и другая, но Тагир так и не объявился. К концу второй недели приехал Тамерлан. Увидев своего деверя во дворе, Жанна не решилась выйти и попросила тетю сказать ему, что уехала проведать больную родственницу. Поговорив немного с няци Зейнап, он передал Жанне, чтобы та завтра же вернулась домой.

Тетя понимала, что все уговоры сейчас бесполезны, но все же сказала Жанне:

– Я знаю, что у тебя обида, но он так извинялся! Может, все-таки вернешься? Они же тебя все любят, уважают.

– Няци, но мне же не с ними жить, а с мужем. А он не хочет меня видеть. Он мне почти прямо сказал, чтобы я уходила. Зачем я буду возвращаться в дом, в котором меня не ждут? – со слезами в голосе произнесла она.

– Прости, Жанна, я знаю, что это непросто. Делай, как тебе велит твое сердце, – промолвила Зейнап.

Прошло еще несколько дней, и однажды ночью Жанна почувствовала себя плохо. Кружилась голова, приступами подкатывалась тошнота. Она еле дождалась утра и отправилась в поликлинику.

– Вы давно замужем? – спросила ее женщина-врач.

– Да, уже почти год.

– Так вот, девушка, вам не к терапевту, а к гинекологу надо. Скоро вы будете мамой, – сказала она, глядя на нее.

Жанна от неожиданности замерла.

– Чего же вы испугались? Это же хорошо! Значит, родится еще один замечательный человечек, – улыбаясь, добавила она.

Не веря до конца в только что услышанные слова, Жанна отправилась к гинекологу. Та, осмотрев ее, подтвердила слова терапевта, а заодно и отчитала пациентку.

– И как же вы ходите, не обращаясь к врачу! Вы же на втором месяце! Вам нужно быть под постоянным наблюдением!

Обратно домой Жанна еле-еле шла. Получалось, что известие о ее беременности сейчас никому не нужно, и она не знала, радоваться ей или горевать.

Дома ее ждала взволнованная няци Зейнап.

– Как хорошо, что ты пришла. Только что уехала Роза. Мне так стыдно. Она точно подумает, что я вру. Кто же в такую рань ходит в больницу!

– Мама приезжала? – переспросила, до конца не веря своим ушам, Жанна.

– Да, приезжала и очень сильно извинялась за сына. А что я могу сказать? Она же не виновата, что сын у нее непутевый. Жанна, может, ты все-таки вернешься? Они тебя так ждут. Она говорит, что все мужчины в их роду такие упрямые…

– В следующий раз скажи, что женщины в нашем роду еще упрямей.

– Не говори так, ты должна послушаться мужа…

– Няци, сколько можно об этом говорить?! Сейчас это вообще невозможно.

– А что случилось? – испуганно спросила она.

Жанна, смущаясь, рассказала, что у нее будет ребенок.

Няци Зейнап вначале не нашлась что ответить, но затем стала настаивать, что ей необходимо сообщить эту новость мужу.

– Это его ребенок. Поверь, нас потом обвинят, что мы все скрыли. Сообщи ему об этом, пожалуйста.

– Няци, только не сейчас. Потом как-нибудь.

– Когда это потом? Нельзя долго ждать.

– Он подумает, что я это придумала, чтобы вернуться к нему.

Поняв, что племянницу невозможно переубедить, она смирились с тем, что можно немного и повременить.

Проходили дни, они ежедневно обсуждали одну и ту же тему, но к единому мнению так и не могли прийти. Во всей этой истории безучастным оставался только Мустафа. Он продолжал делать вид, что ничего не произошло. Но Жанна догадывалась, что тетя все, или почти все, ему пересказывала. Просто он считал, что ему пока не стоит вмешиваться в эту семейную историю.

Так прошел месяц, в конце которого, сдав сессию, приехали Адам и Луиза. Жанна, несмотря на все их просьбы, переехала жить в гостевую комнату. Она не хотела стеснять кого-то из домашних своим присутствием. Скоро наступил и Новый год, который они отметили, словно ничего и не случилось.

Все это время Жанна надеялась, что приедет Тагир и заберет ее домой, но от него не было никаких известий. Лишь однажды, накануне праздника, приехал Ахмед и передал им столько гостинцев, что их хватило бы на целый год.

Она была рада, что никто из домочадцев не лезет к ней с вопросами. Скорее всего, все хранили молчание по совету няци Зей-

нап. Но от кого бы эта инициатива ни исходила, она была благодарна всем.

Когда прошли праздничные дни и наступили будни, Жанна понемногу стала беспокоиться. Сидеть просто так дома она не хотела. Но ее место в школе давно было занято, и вряд ли кто-то ее там ждал. Но, тем не менее, она решила попытать счастья.

В родной школе Жанну встретили приветливо. Конечно же, никто пока ничего не знал о случившемся разладе в ее семье. Увидев ее округлившийся живот, директор Хава Османовна подумала, что она всего лишь хочет уйти в декретный отпуск с работы.

– Жанна Магомедовна, пока я вам ничего не могу предложить. Приходите завтра. Постараюсь какие-нибудь часы найти, – сказала она. А про себя подумала, какими же жадными бывают люди, что, даже купаясь в роскоши, думают о тех скромных деньгах, которые они получат в школе.

На следующий день ей действительно нашли несколько часов ингушского языка в начальных классах, которые она с радостью и благодарностью приняла. И снова окунулась в знакомую и родную атмосферу школьной жизни.

Глава 13

После новогодних праздников ударили сильные морозы. Если в прошлом году они продержались только неделю, то в этом уже и через две ничего не менялось. Даже синоптики уже запутались, давая противоречивые прогнозы. Никто не знал, насколько еще понизится температура. Все ждали если не потепления, то хоть какой-то благосклонности от природы.

Кажется, только один человек не обращал никакого внимания на зимние аномалии. Тагир полностью был погружен в свои проблемы и переживания. Сколько раз он ругал себя, что снова стал общаться с девушкой, которая оставила его в самые сложные годы. Но сердцу невозможно приказать, чувствами невозможно управлять, как бы ни хотел того разум.

Как-то возвращаясь с работы, он заметил Азу, которую не видел уже несколько лет. От вида женщины, по которой он когда-то сходил с ума, с кем у него были связаны все мысли, его сердце забилось в бешеном ритме. Тогда, во время первой их встречи, они только немного и, в общем-то, ни о чем поговорили. В основном речь шла о его здоровье. А спустя несколько дней он навестил ее. С каждым разом память все чаще и чаще возвращала его к их былым встречам, многочасовым разговорам, в которых он признавался ей в любви. А потом встречи с Азой стали регулярными. С удовольствием он дарил ей дорогие подарки, которые почему-то воспринимались как должное. Но он любил ее и часто ловил себя на мысли, что, если бы не был женат, то, не раздумывая, сделал бы ей предложение.

«Пусть у нее есть ребенок, пусть все восстанут против меня, но ради даже одного счастливого дня с любимой женщиной можно принести в жертву все», – думал он. С другой стороны, он чувствовал вину перед семьей, ведь у него была добрая и любящая жена, в которой души не чаяли его родные. Он понимал, что не имеет права предавать ее, но при этом упорно продолжал искать встреч с Азой, до конца не осознавая, к чему все это может привести.

Когда впервые Жанна осторожно затронула эту больную для него тему, он был в ярости. Ему казалось, что она покусилась на слишком личное, на его прошлое, вмешиваться в которое никто не имел права. Он готов был отстаивать эти встречи, не понимая, что тем самым глубоко оскорбляет и предает свою жену. Когда начались скандалы, он готов был бежать из дома. Заблудившись в собственных мыслях и чувствах, Тагир считал, что весь мир восстал против него, хотя он не совершил ничего такого, что бы заслуживало, как он считал, такого порицания.

В первые дни и даже недели он не испытывал никаких угрызений совести по поводу ухода жены. И даже, несмотря на уговоры семьи поехать и извиниться перед Жанной, искренне считал, что

поступил верно и не должен просить прощения у женщины, которая предала его, открыв семье его самую сокровенную тайну.

Общение с Азой стало для него необходимостью. Каждую минуту он хотел ее видеть, слышать ее голос. В ней он видел не только свою бывшую любимую девушку, она олицетворяла его юность, его лучшие годы. Она возвращала его ко времени, когда он был молод и абсолютно счастлив. Но были моменты, которые его тревожили. Однажды он понял, что Аза готова быть счастливой даже за счет несчастья другого человека. С ее лица не сходила улыбка даже тогда, когда она узнала, что от Тагира ушла жена. Стало ясно – она надеялась занять ее место. Поняв, что он крепко попал в ее сети, она начала требовать к себе больше внимания, дорогих подарков. Ослепленный ее красотой, волнующим голосом, он вначале и не замечал ее черствость. Но постепенно и он начал прозревать. Когда же окончательно убедился, что он ее интересует исключительно как объект, за счет которого можно улучшить свое материальное благополучие, он стал более трезво относиться ко всему происходящему.

Однажды Аза устроила ему сцену из-за того, что он не приехал к ней вовремя. На нее не действовал даже тот аргумент, что он задержался из-за ухудшения состояния здоровья матери. Дольше обычного задержавшись дома и обещав матери пораньше приехать, он первым делом заехал к Азе. Только сейчас он вспомнил, что обещал ее свозить в город, где она должна была сделать покупки, какие-то подарки сыну на день рождения. У двери ее кабинета, как обычно, стояла толпа. Тагир немного постоял, не решаясь войти. Затем, приоткрыв дверь, заглянул в нее. Обычно после этого Аза выходила и они подолгу общались. Но на этот раз ни через пять, ни десять минут она не вышла. Он снова посмотрел. Опять никакой реакции. Через минут пять вышла медсестра и сообщила, что у нее сегодня много пациентов и она не сможет выйти к нему. Опечаленный таким поворотом событий, он уехал, полный решимости вернуться вечером и выяснить, в чем причина такого холодного приема. После рабочего дня он снова заехал к

ней. Подождав, пока мужчина лет пятидесяти выйдет из кабинета, он впервые зашел к ней в кабинет. Аза равнодушно посмотрела на него и продолжила что-то писать. Поняв, что назревает скандал, незаметно из кабинета выскочила медсестра.

– Аза, что случилось? Что за спектакль ты тут устраиваешь? – обратился он к ней, еле сдерживаясь, чтобы не накричать на нее за бестактное поведение.

– Пытаюсь от тебя не отставать. Ты же тоже непоследовательный в своих словах и поступках, – равнодушно ответила она.

– Что ты имеешь в виду? Маме было плохо, вот я и задержался, – постарался он оправдаться.

– Раньше из-за жены задерживался, сейчас из-за мамы. Может, завтра из-за брата? – издевательски спросила она.

– Не говори так. У меня действительно мама болеет.

– А ты знаешь, что меня не должны волновать твои семейные проблемы? Я, конечно же, желаю здоровья твоей матери, но и у меня своих забот хватает. Вот, по твоей милости, мой малыш остался без подарков…

– Неужели какие-то игрушки важнее здоровья моей матери? – гневно воскликнул он.

– Для меня – да, – столь же холодно ответила она.

В эти минуты с его глаз окончательно спала пелена. Перед ним была обычная эгоистка в красивой оболочке. Он ничего не ответил и, лишь сильно хлопнув дверью, вышел из кабинета.

С прошлой жизнью было покончено. Он где-то в глубине души был рад, что эта непонятная связь, которая вряд ли могла иметь какое-то логическое продолжение, наконец-то закончилась. Но как вернуть женщину, которую он так жестоко обидел и только сейчас понял, кого он может окончательно потерять? Этот вопрос он себе задавал тысячи раз. Идти и унижаться, просить вернуться? Нет, никогда и ни ради кого он на это не пойдет! Постараться предъявить свои законные права мужа и вернуть ее? Но какой он муж, когда почти выставил ее на улицу и за несколько месяцев даже ни разу не навестил ее, а продолжал ухлестывать за разведенной жен-

щиной, пока не убедился, что ей нужен не он, а его деньги? Нет, снова нет! Но какие бы решения он ни отметал, Тагир понимал, что всеми возможными средствами нужно постараться вернуть жену. Он хотел снова видеть ее, слышать ее смех, ее голос. Только она умела терпеливо слушать его, давать советы. Только с ней его мама чувствовала себя спокойно. Она смогла наполнить его дом особой атмосферой, в которой хорошо было всем, даже прислуге. Он несколько раз пытался поговорить с матерью, может, получить от нее совет, но каждый раз останавливался. Да и Роза в последнее время стала холодно разговаривать с сыном. Так и не сумев его уговорить извиниться перед женой и вернуть ее в свой дом, она предпочла больше не вмешиваться в его жизнь. Характером он полностью вышел в своего отца, такой же упрямый и жесткий.

Помучившись еще несколько дней и не найдя определенного решения, он решил действовать, понимая, что к какому-то логическому завершению его шаги все же приведут.

Глава 14

Жанна настолько втянулась в работу, что порой забывала о своих проблемах и переживаниях. Лишь оставшись наедине в своей комнате, она предавалась грустным размышлениям. Ее беспокоила не ее дальнейшая жизнь, а судьба малыша, который через полгода должен был появиться на свет. Что скажут люди? Как будет расти ребенок без отца? Она не находила на все эти вопросы ответы. Няци Зейнап, видя, как страдает ее племянница, всячески старалась ее поддержать, говоря, что все от Всевышнего, и вскоре все проблемы разрешатся. В другой раз и Жанна поверила бы в благополучный исход, но только не сейчас.

Иногда Жанна приходила в школу пораньше и ожидала начала своих занятий в библиотеке. Здесь она снова и снова перечитывала старые книги, готовилась к урокам. Ей нравилась ее работа, а преподавать такой сложный, но в то же время интересный язык,

как ингушский, было одно удовольствие. Жанна была искренне удивлена, когда некоторые родители попросили освободить своих чад от уроков родного языка. И дело было вовсе не в ней, а в самом предмете. Почему-то родители считали, что ингушский язык – это лишняя нагрузка для их детей и он им в жизни не пригодится. Она пару раз постаралась переубедить таких пап и мам, но столкнулась со стеной непонимания. Больше она решила ни к кому не лезть со своими советами.

Когда прозвенел звонок на урок, в дверь кто-то настойчиво постучал. Каково же было ее удивление, когда она увидела Тагира, стоявшего с невозмутимым видом.

– Разрешите поприсутствовать на вашем уроке? – обратился он к ней.

– Да, проходите, – сказала она с равнодушным видом, указывая на последнюю парту, хотя сама в эту минуту еле сдерживала волнение.

Стараясь изо всех сил не выдать свое беспокойство и растерянность, она начала вести урок. Но эти родные и в то же время чужие глаза мужа не давали ей сосредоточиться. Несколько раз она повторяла свои вопросы, иногда просто запиналась, как школьница на экзамене. Что было особенно поразительным, он сидел почти так же, как когда-то Тамерлан: все тот же пронизывающий взгляд, та же улыбка на лице… Просто какое-то дежавю.

Жанна еле закончила урок и начала поспешно собираться домой, стараясь не смотреть в сторону Тагира и боясь, что он подойдет к ней. Так и случилось.

– Я пришел…

– Я вижу, и что дальше? – холодно перебила она, видя как он волнуется.

– Как что? Я пришел за тобой… Ну, чтобы отвезти тебя домой.

– Нет, спасибо, не нужно, я сама как-нибудь дойду до дома.

– Жанна, ты не поняла, я имею в виду ко мне, ну, к нам домой…

– А что, другая не согласилась, отказала тебе? – зло выпалила она, понимая, что наступает на больную мозоль.

– Опять ты за старое? Ну, сколько можно об этом говорить? Нет ее больше, ты слышишь, нет ее в моей жизни больше! Расстались мы с ней, точнее, я оставил ее.

– Ее тоже оставил? Мне очень жаль, – ответила она и, не обращая внимания на просьбу дослушать его, вышла из класса.

Сколько раз она мечтала, чтобы он вот так пришел к ней, извинился и позвал ее снова в их дом, где они были счастливы. Но когда он все-таки появился, ей захотелось наговорить ему кучу обидных слов, сделать больно, чтобы он пережил то же, что перенесла она за эти несколько месяцев.

Она подождала минут пятнадцать в библиотеке, пока он уедет, и, одевшись, пошла домой по заснеженной тропинке. До дома оставалось метров двести, когда возле нее резко притормозила машина. И вновь ее поразило пугающее сходство: это была именно та машина, на которой ее когда-то увез Тамерлан, и даже водитель был тот же. Но сейчас из машины вышел Тагир и торопливыми шагами направился к ней.

– Жанна, послушай, в тебе говорит обида. Давай спокойно поговорим, – с какой-то мольбой вымолвил он.

– Тагир, о чем ты хочешь со мной поговорить? Все, что ты думаешь, ты сказал тогда.

– Нет, я все это говорил от злости, поверь. Это были не мои слова. В меня словно бес вселился. Я даже не знал, что я говорю.

– Ты хорошо понимал, что говоришь. И что дальше? Увидишь еще одну красивую куклу, а может, Аза простит, и тогда я снова вынуждена буду ловить такси и возвращаться домой? Прости, но я в эти игры больше не играю. Хватит, натерпелась, – сказала она и сделала несколько шагов, чтобы уйти, но он решительно перегородил ей дорогу.

– Зачем ты меня мучаешь, унижаешь? Ты же видишь, я искренне раскаялся. Мне стыдно за свою ошибку, мне неловко перед родными. Они очень хотят, чтобы ты вернулась.

– Так ты решил им угодить? – насмешливо спросила она. – А я думала, что наконец-то совесть заговорила.

– И им тоже. Жанна, люди могут увидеть, да и перед Ахмедом как-то неудобно. Пожалуйста, поехали домой. Ты будешь самой счастливой женщиной. Мне Зара как-то сказала, что вы меня назвали идеальным, так вот я постараюсь быть именно таким. Я скажу тебе больше, когда я был болен, я был самым счастливым человеком, потому что рядом всегда была ты, твой смех и твой голос до сих пор стоят в моих ушах. Сколько раз за эти месяцы я думал об этом, хотел вернуть это время, чтобы мы снова ходили по саду, играли в шахматы и ты мне рассказывала сказки. Да, я был не прав, но каждый человек имеет право на ошибку. Я сделаю все, что ты захочешь. Я сегодня ездил к Фатиме домой, уговаривал ее вернуться, и она согласилась. Ты видишь, я осознал свои ошибки и пытаюсь всячески исправить их. И еще сотни извинений и слов.

Жанна удивленно слушала его, не понимая, серьезно он говорит или в шутку. Всегда сильный и сдержанный, сейчас он был похож на того большого ребенка, за которым она ухаживала в первые месяцы своего замужества. Ее решительность не поддаваться ни на какие уговоры, которая еще несколько минут назад была крепка, как гранит, начала улетучиваться, таять, как лед, под жаркими лучами солнца. Она снова видела перед собой того Тагира, которого знала до появления в их жизни Азы: ласкового, внимательного и такого беззащитного, как маленький ребенок. Слушая его сбивчивую речь, она невольно вспомнила тот день, когда почти на этом же месте, в такой же зимний вечер стояла и слушала Тамерлана. И точно так же на нее подействовал его магический голос. Но тот был почти незнакомым мужчиной, а сейчас перед ней стоял ее муж, чьего ребенка она носила под сердцем. И она сдалась…

– Тагир, мне нужно все равно заехать к няци и сообщить ей, что я возвращаюсь, – сказала она обессиленным голосом.

Жанна не успела договорить, как Тагир резко рванулся к ней и, схватив в охапку, поднял на руки.

– Отпусти, пожалуйста, ты можешь навредить ребенку, – воскликнула она, забыв, что Тагир ничего не знает о ее беременности.

– Какому ребенку? – опешил он, ставя ее на землю.

– Нашему ребенку, – ответила Жанна, удивляясь тому, как спокойно она сообщает эту самую важную для любого мужчины новость. – Тагир, пожалуйста, поехали, дома поговорим, – уже увереннее произнесла она, видя, как ее муж, пьяный от радости, бежит к машине, чтобы открыть ей дверь.

Она снова села в ту же машину и поехала, как почти год назад, но уже с любимым мужчиной, с самым идеальным мужем, которого она почти сотворила своими руками, и, наконец, отцом своего будущего ребенка.

Оглавление

Глава I 3
Глава 2 19
Глава 3 57
Глава 4 59
Глава 5 72
Глава 6 82
Глава 7 89
Глава 8 98
Глава 9 110
Глава 10 117
Глава 11 121
Глава 12 127
Глава 13 134
Глава 14 138

Литературно-художественное издание

Берс Евлоев

Идеальный

Современный роман

Редактор *Ваха Хамхоев*
Художник *Якуб Султыгов*
Верстка *Илья Кинус*

Издатель ООО «Южный издательский дом»
344029, г. Ростов-на-Дону, пр. Сельмаш, 90а/17б, оф. 1207
тел./факс: (863) 200-02-73
тел.: 200-02-78, 200-02-74
Отпечатано в ООО «Медиаполис»
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Усл. п. л. 8,37.
Тираж 2000 экз. Заказ №